

Дiaspora, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа

Кавказский институт СМИ представляет читателям русскую версию сборника, опубликованного Фондом Генриха Бёлля в 2005 г. на немецком языке под заголовком *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidschan und Georgien*.

Авторы и темы сборника:

Азербайджан

Рахман Бадалов	Демократия в Азербайджане: начало XXI века
Расим Мусабеков	Политические партии и элита Азербайджанской Республики
Тогрул Джуварлы	Нефть и демократические ценности: опыт Азербайджана
Али Абасов	Ислам в социокультурной и политической жизни постсоветского Азербайджана
Сабит Багиров	Нефтяные доходы и задачи гражданского общества
Зейнал Мамедли	СМИ Азербайджана: пять горьких истин и одна надежда

Армения

Александр Искандарян	Выбор Армении
Агаси Татевосян	Выборы в Армении: на пользу или во вред демократии?
Арутюн Хачатрян	Экономика и политика в Республике Армения
Эдуард Мелконян	Политические партии диаспоры и процессы демократизации в Армении
Рубен Мелоян	Пути становления СМИ независимой Армении
Нина Искандарян	Женщина в новом армянском обществе: базовые изменения
Анна Карагулян	

Грузия

Ивлиан Хаиндрава	Политические процессы в постсоветской Грузии
Давид Бердзенишвили	Главная внутренняя проблема Грузии
Давид Дарчиашвили	Евроатлантическая архитектура безопасности и Грузия
Давид Усупашвили	На пути к правовому государству
Роман Гоциридзе	Влиятельные группы и коррупция в Грузии
Отар Канделаки	
Лела Хомерики	К вопросу о гендерном равенстве в постсоветской Грузии

Кавказский институт СМИ
Армения, Ереван 375002, тупик ул. Демирчяна 23
тел. +37410 540632 тел./факс +37410 540631
email: info@caucasusmedia.org
www.caucasusmedia.org

Настоящее издание опубликовано при поддержке следующих организаций

HEINRICH
BÖLL
FOUNDATION

СМ
CAUCASUS MEDIA
INSTITUTE

HEINRICH BÖLL FOUNDATION

ДИАСПОРА, НЕФТЬ И РОЗЫ

СМ
CAUCASUS MEDIA
INSTITUTE

HEINRICH
BÖLL
FOUNDATION

ДИАСПОРА НЕФТЬ И РОЗЫ

ЧЕМ ЖИВУТ
СТРАНЫ
ЮЖНОГО
КАВКАЗА

ЕРЕВАН 2005

Дияспора, нефть и розы

Чем живут страны Южного Кавказа

Под редакцией Ивлиана Хаиндравы
и
Александра Искандаряна

Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ
Ереван 2005

ДК 32:33 (479.2)

ББК 66+65

Д 441

Д 441

Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. - Ереван, Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ, 2005. - 214 с.

Издание представляет собой русскую версию сборника статей о внутривластическом развитии стран Южного Кавказа, опубликованного в Германии в 2005 году Фондом Генриха Бёлля. Русское издание подготовлено совместными усилиями представительства Фонда Генриха Бёлля на Кавказе и Кавказского института СМИ. Авторы статей - ученые из Азербайджана, Армении и Грузии. Среди тем сборника - безопасность, выборы, СМИ, нациестроительство, экономика, коррупция, гендерные проблемы.

Редакторы Ивлиан Хаиндрава, Александр Искандарян

Художественный редактор Нина Искандарян

Дизайн обложки студии Matit www.matit.am

Макет студии "Коллаж"

Фото на обложке: студия Patker

ББК 66+65

Diaspora, Oil and Roses. What makes the countries of the South Caucasus tick. - Yerevan, Heinrich Böll Stiftung and Caucasus Media Institute, 2005. - 214 p.

Editors Ivlian Haindrava, Alexander Iskandaryan

Literary editor Nina Iskandarian

Cover design by Matit www.matit.am

Layout by Collage Ltd.

Cover photo by Patker

ISBN 99930-78-74-3

© Фонд Г. Бёлля, КИСМИ, 2005

© 2005 Heinrich Böll Stiftung and Caucasus Media Institute

Немецкое издание: *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidschan und Georgien.* Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. ISBN: 3-927760-48-X.

Предисловие к русскому изданию

Кавказский институт СМИ представляет читателям сборник статей о развитии стран Южного Кавказа, явившийся плодом сотрудничества нашего института и Бюро Фонда Генриха Бёлля в Грузии.

Главная идея издания - составить представление о том, чем живет и в каком направлении развивается постсоветский Южный Кавказ. Для этого было решено собрать под одной обложкой работы ученых из Azerbaijan, Armenien und Georgien, и таким образом получить разностороннюю и максимально непредвзятую картину внутриполитического развития каждой из южнокавказских республик, а в результате - образ региона в целом.

Вынесенные в заголовок "ключевые слова" - диаспора, нефть и розы - отражают наиболее распространенные представления о том, на что опираются южнокавказские страны в своем развитии: Armenien помогает её обширная диаспора, Azerbaijan зарабатывает на нефтяном проекте, а Georgia сделала громадный шаг вперед благодаря "революции роз". Диаспора, нефть и розы стали неотъемлемой частью имиджа соответствующих стран. Разобраться, где кончаются имиджи и начинаются реалии - одна из задач данного издания.

Все три страны Южного Кавказа провозгласили курс на демократизацию общественной жизни и политических институтов. Один из главных вопросов, которым задавались авторы сборника - в какой мере реальный путь развития каждой из стран отличается от декларативного, действительно ли в Azerbaijan, Armenien und Georgien формируются основы демократического общества, а если нет, то в каком направлении идет развитие. В числе тем исследования - демократические институты и ценности, политические партии, выборы, экономическое развитие, коррупция, гендерные отношения. Сборник разбит на три главы, и каждая глава предваряется вводной статьей, обобщающей основные тенденции развития данной страны.

В 2005 г. Фонд Генриха Бёлля опубликовал немецкое издание книги под заголовком *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidtschan und Georgien* ("Диаспора, нефть и розы. О внутриполитическом развитии Armenien, Azerbaijan und Georgien").

Грузии"). В русское издание были внесены небольшие изменения и уточнения.

"Дiasпора, нефть и розы" - первый опыт совместной публикации Кавказского института СМИ и Фонда Генриха Бёлля. Мы очень рады такой возможности и надеемся, что она будет предоставляться и впредь. Мы благодарим всех, кто принимал участие в работе над сборником и способствовал его выходу в свет.

Ереван, август 2005 г.

<i>Об авторах</i>	<i>7</i>
-------------------------	----------

Азербайджан

Рахман Бадалов

Демократия в Азербайджане: начало XXI века.....	10
---	----

Расим Мусабеков

Политические партии и элита Азербайджанской Республики	33
---	----

Тогрул Джуварлы

Нефть и демократические ценности: опыт Азербайджана.....	43
---	----

Али Абасов

Ислам в социокультурной и политической жизни постсоветского Азербайджана.....	48
--	----

Сабит Багиров

Нефтяные доходы и задачи гражданского общества.....	58
---	----

Зейнал Мамедли

СМИ Азербайджана: пять горьких истин и одна надежда.....	63
--	----

Армения

Александр Искандарян

Выбор Армении.....	69
--------------------	----

Агаси Татевосян

Выборы в Армении: на пользу или во вред демократии?.....	80
--	----

Арутюн Хачатрян

Экономика и политика в Республике Армения	89
---	----

Эдуард Мелконян

Политические партии диаспоры и процессы
демократизации в Армении 103

Рубен Мелоян

Пути становления СМИ независимой Армении 114

Нина Искандарян, Анна Карагулян

Женщина в новом армянском обществе:
базовые изменения 127

Грузия

Ивлиан Хаиндрава

Политические процессы в постсоветской Грузии 137

Давид Бердзенишвили

Главная внутренняя проблема Грузии 152

Давид Дарчиашвили

Евроатлантическая архитектура безопасности и Грузия 159

Давид Усупашвили

На пути к правовому государству 169

Роман Гоциридзе, Отар Канделаки

Влиятельные группы и коррупция в Грузии 177

Лела Хомерики

К вопросу о гендерном равноправии в
постсоветской Грузии 195

Summary 207

Об авторах

Али Абасов, заведующий отделом Института философии и политико-правовых исследований НАН Азербайджана, директор Южно-кавказского Центра культуры мира и диалога цивилизаций, директор Центра исследований современных социальных процессов "AREAT", Баку.

Сабит Багиров, президент Центра экономических и политических исследований, председатель правления "Transparency International - Azerbaijan", Баку.

Рахман Бадалов, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Азербайджана, Баку.

Давид Бердзенишвили, историк, политолог, член парламента Грузии с апреля 2004 г., председатель Республиканской партии Грузии вплоть до июня 2005 г.

Роман Гоциридзе, экономист, президент Национального банка Грузии.

Давид Дарчиашвили, политолог, ректор Центра по гражданско-военным взаимоотношениям и проблемам безопасности, исполнительный директор Фонда "Открытое общество - Грузия".

Тогрул Джуварлы, политолог, сотрудник экспертной группы информационного агентства "Туран" по экономике, редактор ежемесячного экономического обозрения.

Александр Искандарян, политолог, директор Кавказского института СМИ, Ереван.

Нина Искандарян, руководитель учебных программ Кавказского института СМИ, Ереван.

Отар Канделаки, экономист, заместитель председателя Финансово-бюджетного комитета Парламента Грузии.

Анна Карагулян, психолог, сотрудник Кавказского института СМИ, Ереван.

Зейнал Мамедли, журналист, член Совета по прессе, преподаватель кафедры телерадиожурналистики бакинского госуниверситета, продюсер гендерной телепрограммы "1:2" ("Интерньюс-Азербайджан").

Эдуард Мелконян, специалист по армянской диаспоре, сотрудник Института истории Национальной академии наук Армении.

Рубен Мелоян, журналист, сотрудник ереванской редакции радиостанции "Свобода".

Расим Мусабеков, независимый аналитик, член руководства партии "Мусават".

Давид Усупашвили, юрист, председатель Республиканской партии Грузии с июня 2005 г., главный политический советник программы USAID "Верховенство закона".

Ивлиан Хаиндрава, политолог, публицист, руководитель программы "Южно-кавказские исследования" Центра развития и сотрудничества - Центра плюрализма, Тбилиси. Член парламента Грузии с апреля 2004 г.

Арутюн Хачатрян, аналитик по экономическим и политическим проблемам информационно-аналитического центра "Ноян тапан", Ереван.

Лела Хомерики, историк, директор Международного центра гражданской культуры, Тбилиси.

АЗЕРБАЙДЖАН

Рахман Бадалов

ДЕМОКРАТИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: НАЧАЛО XXI ВЕКА

- Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?
- Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти, - ответил Кот.
- Да мне почти все равно, - начала Алиса.
- Тогда все равно куда идти, - сказал Кот.

Л. Кэрролл, "Алиса в стране чудес"

Введение

Демократия в развивающихся странах - всегда вызов. Извне она представляется универсальной технологией, и поэтому *возможной* для всех стран, независимо от их исторического и культурного опыта. Изнутри она кажется *невозможной* из-за рецидивов тоталитарного сознания, привычки к патерналистскому покровительству, боязни рутинной работы, нетерпения и пр. Проблема демократии в развивающихся странах и есть проблема *возможности невозможного*.

Демократия в Азербайджане то забегает вперед, то шоткатывается далеко назад, то погружается в иллюзии, то впадает в состояние безразличия и апатии, то мнит себя в транзите, то разочаровывается в самой себе, а заодно - и во всем цивилизованном сообществе. Отвечая на вызовы извне, азербайджанское сознание обнаруживает изнутри все новые и новые внутренние барьеры, без преодоления которых серьезные демократические преобразования невозможны. Как много окажется этих внутренних барьеров, хватит ли воли на их преодоление, насколько затянутся эти процессы, покажет время.

И если правы те, кто считает, что демократия способна выжить, только становясь рефлексирующей, т.е. описывающей и анализирующей свои действия, то необходимость рефлексии продолжает оставаться серьезным вызовом демократии в Азербайджане. Демократия в Азербайджане, как и в любой стране мира, должна узнавать и корректировать себя на каждом шагу, а не пытаться подпитывать свое будущее застарелыми иллюзиями, фальшивыми обещаниями и откровенным мифотворчеством. А это, в свою очередь, требует открытости и публичности взаимодействия между институализированными или спонтанными центрами мысли и обществом, способным воспринимать подобную информацию и отзываться на нее серьезными изменениями в политической и социальной структуре. Толь-

ко в этом случае можно будет говорить о реальных результатах посткоммунистической трансформации в Азербайджане.

Реалии истории в сознании азербайджанца

Азербайджан извне и изнутри обычно рассматривается на пересечении осей Восток-Запад и Север-Юг, причем асимметрично - с акцентом на Восток и Юг. Такая условная география во многом предопределила историю и культуру Азербайджана, а в новое время - и геополитическое место Азербайджана в мире. Изнутри подобная география и геополитика определяла культурную коллизию, когда национальные традиции (главным образом тюркские и исламские) в разные периоды азербайджанской истории вступали во взаимодействие с европейским культурным опытом; извне - нередко превращала Азербайджан в инструмент геополитических манипуляций.

Внутри такой исторической и культурной матрицы - своеобразного перекрестка культур и религий - азербайджанскому народу за последние 150 лет по крайней мере три раза пришлось основательно менять свою политическую и идеологическую систему. В первый раз это произошло во второй половине XIX века в результате промышленного бума, связанного с нефтью, ростом национального самосознания, новыми поисками национальной идентичности и более глубинным восприятием европейской культуры. Политическим итогом этих процессов стало создание Азербайджанской демократической республики (1918-1920 гг.) парламентского типа. Парламент АДР можно признать вершиной азербайджанского парламентаризма (а для начала XX века, возможно, вершиной всего парламентаризма на Ближнем и Среднем Востоке). В этом парламенте наряду с другими фракциями были представлены фракции этнических меньшинств, в т.ч. фракция "Славяно-русский союз", две армянские фракции - "Дашнакцутюн" и Армянская фракция - и т.д. Последние существовали несмотря на напряженные в то время взаимоотношения с Арменией.

Во второй раз это случилось после экспансии Красной Армии и включения в состав СССР. Советская политическая риторика объявила СССР Союзом независимых национальных республик, некоторые из которых даже были представлены как субъекты международного права (де юре). Но в реальности (де факто) национальные республики были сателлитами центра, что достаточно полно выражала формула "Москва. Кремль", как символ всей страны.

В третий раз - уже после развала СССР и обретения независимости, когда пришлось осваивать парадигму цивилизованной жизни: демократия, правовое государство, либеральная экономика, права человека и пр.

Столь резкая и глубинная смена "исторических эпох" (почти исторические катаклизмы) за столь короткий исторический период не смогла не сказаться на сознании современного азербайджанца. Во-первых, мир за порогом собственного дома стал им восприниматься как "чужое пространство", к которому следует адаптироваться, не ставя перед собой задач, выходящих за рамки семейного благополучия. История страны (государства, народа) становилась "посторонней", никак не связанной с реальной жизнью. Во-вторых, поскольку близкие по времени "исторические эпохи" воспринимались совершенно дискретно, выветривалась сама "история", а понятия "перехода" (transition) трансформировались в привычные внеисторические стереотипы типа "ничего измениться не может", "как было раньше, так всегда и будет". В-третьих, это привело к расколу общества, где одни группы людей никак не могли соотнести свои интересы с интересами других групп людей. Социальные и культурные различия утратили свою естественность, стали болезненными, поскольку больше не санкционировались ни традициями, ни историей. Трещина внутри "своих" порождала все новые и новые модификации оппозиции "свой-чужой" ("националист-космополит", "горожанин-сельчанин", "азербайджаноязычный-русскоязычный", "коренной бакинец - пришлый бакинец", "тюрк - не тюрк", плюс различные сленговые уничижительные названия для мигрантов, плюс непроходимые барьеры между элитой и массами, плюс болезненная реакция на одностороннюю региональную представленность власти и т.д.) и продуцировала драматические коллизии. В-четвертых, большинство населения стало воспринимать как должное свою полную зависимость от государства, политическая и гражданская мимикрия стали нормой поведения, а такие политические и гражданские реалии, как "суд", "партии", "парламент", "выборы", "права человека" и пр. стали восприниматься как чистые фантомы.

Как отнестись к подобному историческому опыту с точки зрения возможности построения демократического общества? Может быть, он аналогичен для всех постколониальных стран? Всегда ли он негативен? Скажу только, что рефлексирющей азербайджанской демократии (а иной она просто быть не должна) придется прежде всего фокусировать свое внимание на таком круге вопросов, как демок-

ратия и азербайджанское

Просвещение, демократия и поиски национальной идентичности, демократия и национализм, демократия и авторитаризм (авторитаризм как "сверху", так и "снизу"), демократия и исламские ценности, причем рассматривать все эти вопросы в системном единстве. В азербайджанском Просвещении, в равной мере интенсивном и нетерпеливом, реалистичном и наивном (пожалуй, в любом Просвещении есть эта переоценка возможностей переустройства мира с помощью Разума) была сделана попытка сформулировать национальную идею; национальная идея дала толчок поискам национальной идентичности; поиски национальной идентичности, в свою очередь, провоцировали национализм различного толка; национализм превращал народ в актора политических процессов, и одновременно провоцировал новый интерес к исламским ценностям. В конечном счете, национализм давал толчок демократическим процессам и сам же его осаживал, поскольку, как правило, национализм способен оперировать только упрощенными моделями, в том числе и упрощенной моделью демократии¹.

Все эти исторические катаклизмы породили такие черты ментальности современного азербайджанца, как подчиненность обстоятельствам, готовность к мимикрии, привычка к тому, что тобой постоянно манипулируют, неразвитость чувства внутренней свободы и независимости, боязнь публичности и открытости, отказ от самопознания.

С подобным мироощущением мы и начали демократические преобразования после обретения независимости.

Азербайджан в годы независимости

Десять лет независимости Азербайджана можно разделить на два асимметричных и по времени, и по сути периода (третий период начинается с президентских выборов 2003 года и о нем говорить преждевременно).

Первый период правомерно назвать стихийно-демократическим в силу того, что он имел характер антиимперского и антитоталитарного протеста. По формам социального действия он так и не вышел за границы "восстания масс" и митинговой демократии, и завершился

¹См. Гия Нодия "Национализм и демократия" и ответ Френсиса Фукуямы "Опасный попутчик", комментарии к работе Г.Нодия "Национализм и демократия".

менее чем годичным правлением Народного Фронта Азербайджана (НФА). Толчок этому движению дали перестроечные процессы в Советском Союзе, а непосредственным катализатором стали события в Карабахе (вызовы извне и изнутри)². Но движение это столкнулось не только с сопротивлением просоветски настроенной политической номенклатуры, но и - что очень характерно - с сопротивлением массового сознания, привыкшего к "не участию" и "не присутствию".

В целом демократию в Азербайджане в годы правления НФА можно определить как неинституализированную демократию.

Во-первых, гражданское общество в стране было в зачаточном состоянии (число неправительственных организаций было мизерным, полностью отсутствовало местное самоуправление, многопартийная система только формировалась и т.д.).

Во-вторых, организационный корпус НФА не обладал достаточным количеством административных кадров (подсчитано, что приблизительно из 5 тысяч административных постов представители НФА занимали около 267).

В-третьих, "лицо" этой власти (не только в социальном, но даже в физиогномическом смысле) оказалось настолько непривычным, что напугало обывателя, всегда боящегося перемен, тем более, что на местах среди руководителей этой власти оказалось немало озлобленных неудачников с непомерными амбициями. У НФА отсутствовала привычная аура власти, что сказалось на отношении общества (широко распространялись пародии, анекдоты, уничижительные ярлыки и т.п.).

Вместе с тем время этой власти выплеснуло народную энергию, возможно, во многом хаотическую, которая так и не смогла найти свои "берега".

Главным лозунгом нового президента Азербайджана Гейдара Алиева и его команды, стала замена "некомпетентных" лиц с улицы, "компетентными" государственными (главным образом бывшими советскими партийно-номенклатурными) лицами. По своим убеждениям эти новые-старые люди были далеки от демократических ценностей, только-только начинали осваивать демократическую фразеологию, но привыкли к авторитарным методам правления и жесткой иерархии властных структур.

Как и во многих постсоветских странах, в Азербайджане инсти-

²Подробнее см.: Аббасов Али, Фурман Дмитрий. Азербайджанская революция. // Азербайджан и Россия. Общества и государства. - М., 2000. - С.118-176.

тут президентства заполнил собой своеобразный политический вакуум в условиях, когда политические партии, политическая элита и институты гражданского общества не обрели должной устойчивости. Публично высказываемые опасения, что президент может сосредоточить в своих руках всю полноту власти, и режим перерождаясь в авторитарный, не воспринимались населением как серьезная угроза, поскольку только всевластие сильной личности ("сильная рука") представлялось гарантией стабильности и порядка.

Начиная с первого президентства Гейдара Алиева (1993-98 г.г.), власть официально декларировала приверженность демократическим ценностям, в парламенте были представлены оппозиционные партии, но демократия в Азербайджане все больше приобретала управляемый характер, отвечая на внешние "вызовы" главным образом имитацией демократических преобразований. Идеология же для внутреннего пользования эксплуатировала роль политического лидера как исторического "спасителя" нации, чье возвращение обеспечило общественную стабильность и создание азербайджанского "государства".

Период после смерти Гейдара Алиева только начался, но начался так, как будто ничего не изменилось в нашем обществе: грязные политтехнологии на президентских выборах, а там где этого оказалось недостаточно - жестокое насилие, дубинки полицейских, аресты, пытки, прямое пренебрежение мнением международного сообщества. Кажется, азербайджанская власть сумела адаптироваться к новым условиям (уроки Гейдара Алиева), фактически пренебрегая оппозиционным мнением в стране и вяло реагируя на упреки международных организаций. Мир, как изнутри, так и извне, оказался для новой-старой азербайджанской власти совершенно безопасным, и пока ничто не может поколебать этой её уверенности.

Гейдар Алиев и "гейдаралиевы"

Невозможно говорить о политической и не только политической истории Азербайджана конца XX - начала XXI века без обращения к фигуре Гейдара Алиева. Демократия в Азербайджане последних 10 лет - это, несомненно, управляемая демократия, а управлялась она прежде всего одним человеком - Гейдаром Алиевым. Демократия в Азербайджане последних 10 лет - это не только проявление глубинных процессов, всколыхнувших общество, но и результат политических маневров Гейдара Алиева; иначе говоря - его умения воздей-

ствовать на лица и обстоятельства так, чтобы они не вышли из под его контроля, чтобы всегда были подвластны его воле, чтобы ни в малейшей степени не подвергли опасности самого Гейдара Алиева, его семью и его близких. Умение полностью контролировать ситуацию - возможно, ключевое качество Гейдара Алиева.

Гейдар Алиев около 30 лет проработал в системе НКВД-КГБ, стал советским генералом КГБ и от методов КГБ (все тот же полный контроль над ситуацией и над людьми) так и не отказался. Как ни один из азербайджанцев, он сумел войти в высший круг советского политического истеблишмента и до конца жизни гордился этим своим карьерным ростом (политическая карьера стала для Гейдара Алиева подтверждением его "превосходства" над всеми остальными азербайджанцами). Да и в годы, когда должность Гейдара Алиева называлась первый секретарь Коммунистической партии Азербайджана, и когда называлась Президент Азербайджанской Республики, Гейдар Алиев создал и сохранил режим авторитарной личной власти и тем самым во многом выхолостил Азербайджанское общество.

Но как возможно почти 33-летнее правление одного человека в стране без соответствующей реакции этого общества на это правление, и разве в этом смысле портрет одного человека не становится коллективным портретом всех его соотечественников? Как случилось, что посткоммунистическая эйфория в Азербайджане так быстро сменилась возвращением бывшего коммунистического руководителя во власть? Кто станет утверждать, что политические действия Гейдара Алиева не были затребованы самим временем как в Азербайджане, так и за его пределами? В чем причина того, что Гейдар Алиев не воспринимался мировой общественностью как одиозная фигура, в отличие, скажем, от руководителей постсоветских Беларуси или Туркмении? Может быть, фигура масштаба Гейдара Алиева не должна рассматриваться только в политическом ракурсе; разве трудно предположить будущего писателя, которому Гейдар Алиев будет интересен просто как человек, проявивший огромную волю и невероятную силу духа, победивший самые неблагоприятные обстоятельства жизни, своими руками создавший свою судьбу? Ведь хотя официальный траур по поводу смерти Гейдара Алиева в стране закончился, по азербайджанскому телевидению практически каждый день выступают изошренные интеллектуалы от власти, придумывающие все новые и новые обоснования того, что мы, азербайджанцы, потеряли гения, равного которому не было в нашей истории, который создал "современный Азербайджан", который в советское время

был едва ли не диссидентом. Известный теолог и академик национальной Академии, ссылаясь на религиозные сакральные тексты, объясняет телезрителям богоизбранность Гейдара Алиева; работает комиссия по увековечению памяти президента, причем поступают предложения самые экстравагантные, например - установить в море огромную статую Гейдара Алиева (наверное, соревнуясь с американской статуей Свободы). А в это же самое время наиболее радикальные оппозиционные издания Азербайджана пишут о Гейдаре Алиеве как о типичном диктаторе XX века и пространно цитируют "Осень патриарха" Габриэля Гарсиа Маркеса, находя прямые параллели романа с последним периодом жизни и смерти Гейдара Алиева.

В отличие от других мифов, политический миф, как правило, оказывается недолговечным и очень быстро разрушается под первым же серьезным вызовом времени. Нетрудно предположить, что подобное рано или поздно (скорее рано) произойдет и с политическим мифом Гейдара Алиева. Но что произойдет с реальным алиевским наследием в умах и душах азербайджанцев, в том числе - в умах и душах политической и интеллектуальной элиты? Как скажется это на нашем будущем? Возможна ли в современном Азербайджане серьезная рефлексия по поводу того, что произошло с нами за последнее десятилетие? Если таковая окажется возможной (пока в это верится с трудом), то, прежде всего, придется подвергнуть глубокому анализу растажированную сегодня в Азербайджане мысль о том, что Гейдар Алиев спас страну от хаоса, построил нашу государственность, поднял наш престиж на международном уровне и т.п. Придется ответить, существуют ли какие-либо общенациональные интересы, во имя которых государство может прибегнуть к изощренным, а если необходимо - и грубым способам, чтобы разрушить любое серьезное оппозиционное мнение, а ведь не трудно предположить, что сегодняшняя власть окажется последователем "успешной" политики Гейдара Алиева. Считать ли достоинством, если одному человеку удастся успешно управлять не только государством, но и обществом, пренебрегая конституцией страны? Стоит ли восторгаться тем, что один человек лично контролирует все серьезные финансовые потоки внутри страны? Может ли существовать сильное государство при слабом гражданском обществе и какой смысл в подобном государстве для обычных граждан? Почему сразу за порогом нашего разочарования во власти начинается наше уныние; почему разочаровавшись в одном человеке, теряется вера в общество нормаль-

ных людей, где не Отец-спаситель будет решать наши судьбы, а мы сами, выбирая, контролируя, избирая и переизбирая? Как совместить патерналистские тенденции, столь типичные для азербайджанского сознания, и создание демократических институтов, исключающих какую-либо "отеческую" заботу?

Адам Михник, известный польский диссидент, рассказывал свой вариант притчи Платона о человеке и пещёре. По версии Михника, мы десятки лет пытались прорваться в пещёру, вход в которую охранял, казалось бы, несокрушимый идол коммунизма. Наконец нам удалось его сокрушить, прорваться в пещёру, и там, к своему ужасу, мы обнаружили огромное количество не менее мощных идолов, о существовании которых мы и не подозревали.

Так и мы десятки лет пытались (пытаемся) сокрушить идол "Гейдар Алиев", и когда нам это окончательно удастся и мы прорвемся в пещёру, то обнаружим там огромное количество идолов "гейдаралиевых", о существовании которых и не подозревали. Только тогда, с борьбы против этих идолов, и начнется борьба за подлинную демократию в Азербайджане.

Азербайджанская оппозиция между "вчера" и "завтра"

И в преддверии президентских выборов, и после них, тема оппозиции не сходит со страниц азербайджанских газет. Раздаются слабые призывы к диалогу со стороны власти, хотя вряд ли они могут иметь конструктивную основу, если на протяжении более десяти лет оппозиция объявлялась едва ли не главным виновником всех бед, врагом номер один общества. После выборов критика оппозиции стала раздаваться не только со стороны правительственных газет, но и со стороны как "центристских", так и радикальных изданий³.

В потерпевшую поражение на выборах оппозицию (пусть даже "де факто" не проигравшую) все норовят бросить камень, то ли в отместку за свои несбывшиеся надежды, то ли как симптом всеобщего уныния и разочарования.

На мой взгляд, многие из тех, кто отрешивается от азербайджанской оппозиции, не отдают себе отчета в том, что существование оппозиции позволяет им по крайней мере сохранить ту или иную степень независимости даже в частных, не политических вопросах

³См. например: "Оппозиция в растерянности. Даже можно считать, что в прострации" (газета "Зеркало", 11 декабря 2003). Первая строчка названия набрана крупным шрифтом на всю страницу, наверное, чтобы читатель оценил все общественное значение этой "растерянности" и др.

(меньше бояться любого "начальства", меньше притворяться, спокойно покупать и читать самые радикальные издания на глазах у всех и т.д.). Можно признать, что азербайджанская оппозиция сделала не так уж много для того, чтобы мы стали цивилизованным обществом, с нормально функционирующими правовыми институтами, но в то же время нельзя не признать, что именно азербайджанская оппозиция помогала и помогает нам преодолевать в сознании людей тоталитарное советское прошлое.

Вместе с тем, все это было *вчера*. Закончился важный этап в истории нашей демократии, начавшийся с многотысячных митингов на площади "Азадлыг" на рубеже 1980-90-х годов, продолженный годичным правлением НФА, прошедший через множество других явлений, и завершившийся октябрьскими событиями в Азербайджане. Приходится признать, что этап этот пройден безвозвратно (рецидивы теперь могут быть только жалкими и комическими). Что-то кончилось. Кончилось поражением, если не считать поражение смертью; ведь иное поражение стоит иных побед, если хватает мужества его честно осмыслить. 100-тысячный митинг оппозиции, всего за несколько дней до выборов 15 октября 2003 г., разоблачительные выступления оппозиционных кандидатов по телевидению (вне избирательной кампании такой возможности у них не было и нет сегодня), которые взбудоражили общество, предчувствие возможной победы оппозиционных сил (в этом предчувствии были и сомнения, и бездумное возбуждение, но был и подлинный духовный подъем), сами президентские выборы, прошедшие с невиданной для азербайджанского общества активностью, а затем спад, разочарование в реакции мирового сообщества на события в Азербайджане⁴. И запомнившееся всем азербайджанцам поведение посла Норвегии в Азербайджане Стейнара Гила, который ясно и недвусмысленно заявил, что демократия, свобода и гуманизм не имеют альтернативы и не могут быть разменной монетой даже для дипломата высокого ранга⁵. Но все это пусть продолжающееся, но уже *вчера*.

Не соглашаясь со многим из того, что продолжают писать об азербайджанской оппозиции, склонен считать, что минувшие президентские выборы в Азербайджане должны стать для оппозиции неким рубежом, за которым последуют новые идеи и новые действия.

⁴Показателен в этом смысле вопрос известной в Азербайджане правозащитницы Арзу Абдуллаевой "Международные институты нас предали?", вынесенный газетой в заголовок интервью (газета "Обозреватель", 26 ноября, 2003 г.). От разочарования в мире до разочарования в себе - один шаг.

⁵Газета "Эхо", 13 декабря, 2003 года, стенограмма на сайте [www. echo-az.com](http://www.echo-az.com)

Умение пролонгировать будущее (*завтра*) - важное качество любых живых систем; если они продолжают оставаться *живыми системами*.

Гражданское общество в Азербайджане

А. Миф о стабильности и гражданское общество

В дискуссии о гражданском обществе есть проблема, имеющая непосредственное отношение к общественным и политическим реалиям Азербайджана. В виде формулы его можно выразить так: "стабильность против демократии" (важная его модификация - "сила против диалога"). Практически вся политическая риторика азербайджанской власти на протяжении почти всех последних 10 лет строилась вокруг мифа о стабильности: стабильность = заслуги президента, стабильность = конец хаоса и дилетантизма в политике, стабильность = успешное государственное строительство и т.д. Все, кто позволяет себе выступать против тождества "Стабильность = Президент = Государство = Нация = Азербайджанский Народ", деструктивны и просто враждебны. К ним относят те партии, НПО, СМИ и другие организации гражданского общества, которые не подчиняются управлению сверху.

Полемизировать с мифом бессмысленно и бесперспективно. Но сама проблема "стабильность против демократии" очень серьезна, в ней много различных аспектов, от политических до психологических (а, возможно, и психиатрических), и к становлению гражданского общества в Азербайджане она имеет прямое отношение. Проблему эту можно свести к трем следующим вопросам: как возможно становление гражданского общества в постсоветских, посттоталитарных странах? Какие модификации может принимать гражданское общество в подобных странах? Как возможно гражданское общество там, где культурные и ментальные традиции не содержали предпосылок демократии (возможно, в данном случае следует говорить о предпосылках не демократии, а техногенной цивилизации)?

Все постсоветские страны (в наименьшей степени - страны Балтии) вышли из советского тоталитарного строя. За несколько поколений существования в СССР мы привыкли к тому, что вся наша жизнь от государственного родильного дома до государственного кладбища проходит внутри государства и под его постоянным контролем. Социальная структура постсоветских обществ в первые годы после независимости также оказалась примерно одинаковой: прези-

дентская власть с практически неограниченными полномочиями (в Азербайджане политическая риторика представляла и продолжает представлять Гейдара Алиева абсолютным синонимом Президента), бюрократия, выступающая в экономике как сверхмонополист (в Азербайджане сама бюрократия находится в полном подчинении Президента и его семьи), и составляющие большинство населения люмпенизированные слои (прежде всего люмпенизированно сознание). Частично в тех или иных постсоветских странах стал формироваться небольшой слой, условно говоря, "олигархов", но практически везде (Азербайджан не исключение), они вынуждены подчиняться не требованиям рынка, а правящему клану (Семье). Поэтому можно сказать, что в Азербайджане политическая власть стала использоваться как инструмент получения сверхприбылей, что делает неизбежной авторитарную, бюрократическую, коррумпированную систему власти. Если добавить к этому, что соединение власти и собственности с неизбежностью порождает зависимую от власти судебную систему, и с той же неизбежностью юридические права человека и гражданина подменялись привилегиями (большими или меньшими в зависимости от места в вертикальной иерархии), то не стоит удивляться, что подобные "общества" получили название "неофеодализма".

Как в таких условиях возможны институты гражданского общества? Ведь первые его ростки в Азербайджане должны были найти себе социальный люфт именно в подобном "обществе" (точнее - в подобном "государстве"). И эти ростки могли возникнуть только под воздействием вызовов извне, прежде всего - благодаря международным фондам и мировому информационному пространству, в котором оказались постсоветские страны, когда окончательно рухнули советские информационные преграды. Институты гражданского общества (в сущности, это были "недоинституты", как само гражданское общество было "недогражданским обществом") рекрутировали в свои ряды многих активных и предприимчивых граждан (честных и бесчестных, нравственных и беспринципных), которые в зависимости от общественного темперамента вовлекались в политические партии, в неправительственный сектор (НПО), в СМИ. Однако социальное пространство гражданского общества сдавливалось со всех сторон; главным образом - государством, которое пыталось держать этот сектор под своим контролем, но заодно - и самим "обществом" (люмпенизированным населением), которого страшило независимое существование без государственной опеки. В Азербайджане, как, на-

верное, и в большинстве постсоветских стран, вряд ли (по крайней мере - в транзитный период) могла возникнуть атмосфера публичности, состязательности и свободной "пульсации", все то, что Юрген Хабермас относит к понятию "общественности". В той же степени трудно ожидать, что в ближайшее время будут построены институты гражданского общества, публичные и открытые - во-первых, способные к установлению многомерных, коммуникативных связей - во-вторых, способные защититься от власти бюрократического, корпоративно-авторитарного государства - в-третьих, сохраняющие спонтанность, но способные избежать чрезмерного корыстолюбия и эгоизма личных (семейных) или групповых интересов (в Азербайджане последнее остается особенно актуальным) - в-четвертых, в-пятых, в-шестых, в-десятих... Остается надеяться, что вызовы изнутри будут продолжены, а вызовы извне не ослабнут. И ещё на то, что победит понимание того, что хотя бы без частичного обособления общества от государства демократия невозможна.

Наконец, третий круг вопросов, связанный с культурной и ментальной матрицей, которая может препятствовать (или не препятствовать) становлению демократии (или техногенной цивилизации) вообще, и институтов гражданского общества (в том виде, в каком о них говорилось выше) - в частности. Были ли в Азербайджане историко-культурные и ментальные предпосылки для подобного скачка? Но это уже тема, выходящая за рамки не только настоящей статьи, но, возможно, и проблем демократии в современном мире (посткоммунистические трансформации должны в этом случае рассматриваться в контексте то ли диалога, то ли войны цивилизаций, а возможность демократии в постсоветских странах - в контексте возможности усвоения культурно-генетического кода техногенной цивилизации).

Б. Институты гражданского общества в Азербайджане

Самым значимым завоеванием гражданского общества в Азербайджане следует признать становление неправительственных организаций (НПО). Движение НПО началось в Азербайджане в 1991 году, сразу после обретения независимости и одновременно с тем, что многие международные фонды, открыли в Азербайджане и в южнокавказском регионе свои офисы. Сегодня в Азербайджане зарегистрировано около 2000 НПО (данные на ноябрь 2003 г); из них приблизительно 25% - активно действующих. Их деятельность охватывает сферы защиты прав человека, экологии, здравоохранения и

образования, проблемы инвалидов, детей, молодежи, гендерные проблемы, проблемы миграции.

Однако движение НПО в Азербайджане остается уязвимым по следующим причинам:

- государство монополизировало социальную сферу, не видит в НПО социального партнера, и потенциально готово к прямым или скрытым репрессивным мерам, чтобы не дать НПО стать самостоятельной, независимой силой;
- среди большей части населения, привыкшей к патернализму в социальной сфере, бытует недоверие, а подчас - и агрессия в отношении к НПО (один из негативных ярлыков - "грантоеды" - по существу есть реакция люмпенизированного сознания);
- недоверие к НПО со стороны государства и населения мешает самим НПО до конца преодолеть прямые или скрытые тенденции государственного попечительства и предпочесть работать в открытом публичном пространстве (отдать предпочтение коммуникативным и социально-правовым технологиям);
- в условиях отсутствия финансирования со стороны государства, НПО во многом остаются клиентами западных фондов, что заставляет их приспосабливаться к существующим в этих фондах приоритетам;
- сохраняется разрыв между выполняемыми проектами и реальными проблемами и потребностями общества (населения);
- труднодостижима финансовая устойчивость НПО, поскольку НПО фактически не вовлечены в реальный рынок услуг.

Любая инновационная программа предполагает активных агентов общества, но если инициатива этих агентов, объединяющихся в добровольные организации, будет постоянно сдерживаться, сектор НПО в Азербайджане останется вечным иждивенцем западных фондов, в лучшем случае занимаясь благотворительными акциями.

В новых условиях политика социального инвестирования власти должна заключаться не в новых льготах и привилегиях, а в создании правового пространства, в котором только и возможна самореализация граждан. В Азербайджане же даже такой простой вопрос, как юридическая регистрация НПО, становится в руках властей способом давления на НПО (ещё одно проявление т.н. "управляемой демократии"). Вместе с тем недавняя борьба против отмены принятой парламентом поправки к закону о грантах (июнь 2002 года), которая была направлена на подчинение НПО исполнительной власти на местах, показала, что азербайджанские НПО становятся реальной

общественной силой, и в необходимых случаях способны консолидироваться.

Другим важным сектором гражданского общества в Азербайджане могли бы стать органы местного самоуправления (муниципалитеты). Законы по местному самоуправлению в Азербайджане были подготовлены ещё в 1997 году, но не были утверждены парламентом страны. Измененное законодательство было принято лишь в 1999 году, и тогда же состоялись первые и пока единственные выборы в муниципалитеты. Они породили невиданную до тех пор электоральную ситуацию в стране: в целом по Азербайджану было создано 27000 муниципальных органов. Вместе с тем и сами выборы, и первые итоги работы муниципалитетов показали, во-первых, что само существование муниципалитетов, как формы множественности в сфере управления, остается чужеродным существующей в Азербайджане философии власти. А во-вторых - полную неподготовленность населения к идеям и практике местного самоуправления. Не только избиратели, но и первая волна избранных в муниципалитеты, имели крайне скудные и запутанные представления о местном самоуправлении.

Властные структуры, создавая муниципалитеты (прежде всего - под давлением международного сообщества), "допустили" на общественную сцену достаточно большое число представителей оппозиции, но делиться полномочиями со вновь организованными органами не пожелали. Так, согласно ст. 7 Закона о земельной реформе, часть земель была передана во владение муниципалитетов с тем, чтобы на доходы от этих земель они смогли финансировать свои программы. Однако в последующем был принят Земельный Кодекс, согласно ст. 46 которого те же земли были отняты у муниципалитетов. Благодаря этому Кодексу законодательная и исполнительная власти (надо ли повторять, что в условиях азербайджанского "неофеодализма" обе ветви - составные части единой вертикали власти) существенно ограничили финансовые источники местных органов "самоуправления". В Баку исполнительная власть взяла под свой контроль те сферы деятельности, которые по закону должны быть переданы муниципалитетам (реклама и т.д.) Наконец, ещё один пример, который можно назвать и анекдотическим, и трагифарсовым. В журнале "Ганун" ("Закон") приведена сравнительная таблица разделения полномочий между исполнительной властью на местах и муниципалитетами. Практически во всех пунктах (сельское хозяйство, транспорт, связь, торговля и т.п.) полномочия пересекаются,

хотя уже на основе таблицы можно убедиться в том, что полномочия исполнительной власти значительно превышают возможности муниципалитетов. Только в одном пункте, графа полномочий исполнительной власти остается пустой: "организация ритуальных услуг и охрана кладбищ" (хотя вряд ли хоть один реальный финансовый источник - и ритуальные услуги не исключение - может оказаться в руках муниципалитетов).

Приходится констатировать, что большинство муниципалитетов практически бездействуют. Только небольшая часть наиболее предприимчивых председателей муниципальных органов умудряется находить скудные средства, чтобы осуществлять самую мизерную деятельность, хотя несомненно от будущего муниципалитетов зависит не только местное самоуправление, но и восстановление исторического культурного разнообразия Азербайджана.

"Управляемая демократия" - по существу эвфемизм, означающий отсутствие гражданского общества; поэтому нетрудно предположить, что проблема "гражданское общество против управляемости" останется главным вызовом "проекта демократии" в Азербайджане. Но в любом случае "гражданское общество" в Азербайджане остается главной сферой, где человеку предоставлена возможность самоопределения, а следовательно, свободы или, что то же самое, сознания присутствия в этом мире. Такое сознание, если оно появилось, уже неискоренимо, даже если кажется, что оно заглушено, зажато, полностью "управляемо". Оно просто ждет своего времени.

Баку: город и страна

О столице в контексте настоящей статьи говорится в тех пределах, в которых его история и современность сказываются на демократических процессах в Азербайджане. Парадокс заключается в том, что индустриальный и постиндустриальный Баку стимулирует демократию в Азербайджане, но в то же время по многим причинам, сама реальность Баку, будто подменяющего собой остальной Азербайджан, и ставшего олицетворением авторитаризма, превращает его в барьер на пути демократии в Азербайджане.

В начале XIX века Баку невозможно было идентифицировать со страной, столицей которой он впоследствии станет. Поэтому есть основания утверждать, что хронотопы (точки схода определенного пространства с определенным временем, составляющие некий культурный и исторический феномен) Баку и Азербайджана только в но-

вейшее время начали сходиться, пересекаться, потом совмещаться, а впоследствии -взаимоотожествляться, доходя до своих крайних пределов, когда один хронотоп грозит разрушить другой.

Несомненно, урбанистическое развитие Баку стимулировалось завоеванием Российской империей. Об этом позволяет судить и постепенное вытеснение аграрных функций, и динамика численности населения и более тщательный учет его состава, и некоторые другие характеристики развития экономики, просвещения и пр. При этом город во многом продолжал оставаться аграрным, хотя и со сложившейся дифференциацией ремесленных профессий (возможно, наследие развитого средневекового города), частично обслуживающих аграрную деятельность.

Ситуация резко меняется с возникновением нефтяного бума. Начинается стремительное индустриальное развитие города, характерное для "городов-грибов", выросших около сырьевых источников: строительство порта и железной дороги, интенсивный приток населения и становление большой городской агломерации, возникает торговый и административный центр города, строятся роскошные частные дома, многие из которых стали со временем архитектурными памятниками. Постепенно развивались различные формы городского самоуправления, хотя и с сохранением отчетливой границы между гражданским и военным правлением (империя!), вплоть до возникновения АДР.

В советское время Баку становится столицей Советской социалистической республики, со всеми вытекающими отсюда символами и ритуалами. Развивается промышленность, возникает город-спутник. Баку превращается в образовательный и культурный центр страны, со множеством учебных заведений, научно-исследовательских институтов, библиотек, театров, кинотеатров.

В годы независимости в Баку (особенно в последние 5-7 лет) строится огромное количество новых зданий, открываются посольства, банки, офисы международных компаний, всевозможные фирмы, корпорации, супермаркеты, ночные клубы и пр.

Казалось бы - радужная картина, позволяющая говорить о плавном переходе от "города - сырьевой базы" к многофункциональному современному индустриальному городу. Известные издержки при подобном стремительном развитии также, казалось бы, можно признать естественными, а некоторые - неизбежными (во многих больших индустриальных городах возникает самодеятельный "город бедняков"; есть государства, которые целиком превращаются в хинтер-

ланд новорожденной столицы и пр.). Но многое сегодня говорит о кризисе в развитии Баку, что в большей или меньшей степени воздействует на проблемы с развитием демократии в Азербайджане. Приходится признать грустную "функциональную трансмиссию": Баку, начав свое урбанистическое развитие с сырьевой функции, постепенно возвращается к ней. Именно "сырьевая база", с одной стороны, делает Баку инструментом геополитических манипуляций (мы, азербайджанцы, при этом как бы не присутствуем), а с другой стороны, при отсутствии должных демократических институтов, усугубляет масштабы коррупции. Известно, что немало городов исчезло с арены истории из-за хищнической эксплуатации сырьевых ресурсов и необеспеченной "функциональной трансмиссии"; нет оснований исключать подобный сценарий развития событий и для Баку.

Впрочем, возможно, что при том историческом катаклизме, который пережил и переживает Баку, просто возникают трудно фиксируемые мутационные явления. Они ведут к появлению новых энергичных людей с иным стилем жизни (возможно, пока "бесстильных"), а большинство людей не принимают их ни эстетически, ни этически. Дистанция времени, возможно, снимет многие вопросы и сумеет гармонизировать "старое" и "новое" мировоззрения.

Приведу два фактора в развитии Баку, которые, на мой взгляд, в наибольшей степени стали (становятся) тормозом на пути развития демократии в Азербайджане.

А) Крайности централизации

Баку, в котором сосредоточена вся политическая и административная власть, с какого-то времени стал подавлять политическую, общественную, интеллектуальную и даже творческую жизнь в регионах. В политическом плане подобная централизация является продолжением и проявлением иерархической вертикали власти в Азербайджане. Дело не только в выхолащивании регионов, но в том, что сам Баку не выдерживает потока беженцев, вынужденных переселенцев и просто мигрантов, которые устремляются туда, где на их взгляд больше рабочих мест. При отсутствии органичной "функциональной трансмиссии" различные способы поведения в городе становятся взаимовраждебными, и трудно прогнозировать, как поведет себя этот пестрый котел. Впрочем, метрополия, высасывающая провинцию и сама разрушающаяся под её напором - не столь уж исключительное явление

Б) Нерелексивный принцип городской жизни.

Нормальная жизнь города требует полноты информации о себе

(даже если это не демократический город) - от хозяйственной деятельности до многообразия мнения горожан по тем или иным вопросам. Поэтому город должен прибегать к постоянному *самоописанию* и *саморефлексии*, которые должны обеспечить *саморегуляцию* его хрупкого (в данном случае это достоинство города, как хрупкость демократии - её достоинство) социального общежития. Без подобной деятельности город постоянно будет скатываться к традиционно-сельскому образу жизни (который всегда живет на задворках и в "подсознании" города), а саморефлексии через постоянный приток информации будет предпочитать прошлый нерелексифицируемый опыт предков. В таких случаях прошлое, как более стабильное и глубже укорененное в сознании, будет возвращаться, но уже в извращенных формах.

В повседневной жизни Баку, в его управлении, в его, если можно так выразиться, философии жизни, информация и самопознание в целом не обрели подлинной функциональности (попробуйте выяснить, скажем, такие важные для развития города вопросы, как динамика соотношения городских и сельских зон, доходы граждан, характер миграций внутри города, демографические характеристики центра города, количество мигрантов, динамика их заселения в городе, детальная медицинская статистика и т.д.). Конечно, как грибы после дождя возникают все новые и новые газеты и журналы, которые в той или иной мере выражают общественное мнение. В последние годы открыто множество различных аналитических центров, существуют вузы с научными кафедрами, научно-исследовательские институты. Но все они, работающие лучше или хуже, *институционально не встроены* в городскую жизнь, не вписаны в городскую многофункциональную деятельность для обеспечения информационно-адаптирующих функций в развитии города, а через него - и страны. В результате реанимируется традиционное патриархальное сознание, которое, в свою очередь, незаметно трансформируется в трайбалистски-клановое. Баку в этом смысле становится не гарантом политической стабильности, а рассадником постоянного социального недовольства как внутри самого себя, так и вовне.

Неуправляемые поселения, спутники почти всех больших индустриальных городов, так и норовят прорваться к центру Баку и навязать свою эстетику жизни, эстетику "временщиков". Демократическая риторика становится способом замаскировать трайбалистски-клановую организацию социальной жизни. При этом жители столицы все больше политически и культурно отделяются от остального

населения Азербайджана. По данным переписи 1997 года более 60% населения Азербайджана живет в городах; по данным той же переписи население Баку составляет более 40% населения Азербайджана (в реальности ещё больше, поскольку многие "мигранты" практически живут в Баку нелегально).

Азербайджанцы, несомненно, перестали быть сельской нацией, но кто поручится, что мы не превращаемся в нацию "вечных мигрантов" в собственной столице?

Азербайджанская демократия: предварительные итоги

Как оценить демократию в Азербайджане? Можно ли существующий сегодня в Азербайджане политический режим назвать демократическим?

На подобные вопросы трудно ответить конкретно. Во-первых, не существует некоего эталона демократии, по которому можно "измерить" происходящие в Азербайджане процессы. Конечно, имплицитно существует западный "эталон" демократии, который имеют в виду западные миссионеры от демократии, и который пытается имитировать власть в Азербайджане (при случае лицемерно оправдываясь, что мы, в отличие от западной демократии, только начинаем, и этим объясняются наши просчеты). Но описать этот "эталон" практически не удастся, и политологам приходится признать размытость понятия "демократия". Во-вторых, вопрос ещё более запутывается, когда речь идет о "транзите демократии" в различных странах и в различных регионах, в том числе - о "транзите демократии" в поставторитарных странах. Вопросов здесь значительно больше, чем ответов: можно ли обнаружить тенденции транзита демократии в поставторитарных странах, и не получим ли мы в результате этих процессов серьезные различия в итогах политической трансформации? Может быть, следует говорить не столько о возникновении новых типов демократии, сколько о "расширении многообразия их неполноценности" и о широкой зоне "серого цвета", образуемой "неполными демократиями"? Правомерны ли опасения, что без особой культуры "правовых норм и нравственных императивов" демократические преобразования невозможны? В какой степени культурные и ментальные особенности препятствуют продвижению демократии? Существует ли вообще "демократический транзит" для поставторитарных стран, если под "транзитом" понимать радикальную перестройку политических институтов, или следует говорить о "заморажи-

вании" посткоммунистического состояния, о "затягивании транзита"? Даже о "застое" демократии, который пришел на смену "приливной волны" демократии ("третьей волны" по определению С.Хатингтона)? Может быть, вообще следует говорить об устойчивости тех или иных признаков, которые уже обретены "новыми демократиями"? В любом случае приходится отказаться от излишних иллюзий и неоправданных ожиданий.

Вопросы эти имеют самое непосредственное отношение к демократии в Азербайджане, и отвечать на них предстоит ещё очень долго. Но даже для предварительной оценки демократических процессов в Азербайджане нет другого способа, как априори исходить из минимальных демократических стандартов. По крайней мере, из этого перечня минимальных стандартов придется выбрать один - выборы (некоторые исследователи считают, что как минимум следует выбрать два критерия: выборы и уплата налогов). Если согласиться с мнением С. Хатингтона, что "демократия не означает решения проблем; она означает лишь возможность смещения правителей", то приходится признать, что и этот параметр демократии в Азербайджане пока не реализован.

Есть ещё один критерий демократии в Азербайджане, которым нельзя пренебречь - свобода, при всем при том, что "свободу" трудно "просчитать". Правозащитная организация "Freedom House" включила Азербайджан в список "несвободных стран", что вызвало раздражение азербайджанских проправительственных кругов, по-видимому, недовольных "неуправляемым миром".

В подобном контексте, если попытаться поставить диагноз демократическому развитию Азербайджана на рубеже десяти лет, то, прежде всего, придется констатировать резкое расхождение между доминирующей политической риторикой и реальностью. Согласно конституции Азербайджана и публичными высказываниями руководящей политической элиты, Азербайджан - демократическое государство, в котором демократические принципы распространяются на все сферы жизни от экономики до культуры, ставящее во главу угла защиту основных прав и свобод граждан. Но в реальности мы видим устойчивую авторитарность, далеко выходящую за требования "транзитного периода", практическое отсутствие разделения властей, и как следствие этого - полную зависимость законодательной и судебной власти от власти исполнительной, подчеркнутое всеисилие силовых структур, повсеместное нарушение элементарных гражданских прав, самоуправство бюрократии, господство теневого сектора, само

по себе свидетельствующее о перманентном невыполнении законов, слабость институтов гражданского общества, корпоративно-клановые тенденции (в Азербайджане - в регионально-клановом варианте), раскалывающие азербайджанское общество, и т.д.

При этом было бы крайним упрощением, с одной стороны, демонизировать политическую власть, а с другой - преувеличить необходимость "защиты угнетенных". Приходится признать, что лицемерие властей (кто-то очень точно назвал это "системной неискренностью") - оборотная сторона свойственного даже элите упрощенного взгляда на демократию как на линейно-поступательный процесс, следствие рецидивов массового сознания, в котором главенствовало убеждение, что демократия немедленно должна удовлетворить все материальные запросы и стать гарантом "социальной справедливости". Болезненная реакция на материальные тяготы оказалась питательной средой как для риторики авторитаризма, так и для различных проявлений популистской демагогии.

Переход от авторитаризма к демократии, как правило, не является одномоментным и включает в себя два разных, хотя, возможно, и не разделенных во времени периода: выход из авторитарного режима и собственно создание демократических институтов. В Азербайджане продолжается "первый период"; возможно, он уже перешел в стадию относительной устойчивости (потерял черты транзитности), и нам ещё долго придется наблюдать различные его трансформации и модификации. Конечно, мы живем в глобальном мире и можно ожидать усиления прессинга со стороны мирового демократического сообщества. Но, к сожалению, многие азербайджанские иллюзии, связанные с этим прессингом, пока не оправдываются. Остается надеяться, что на политическую арену Азербайджана выйдут новые политические акторы, которые совершенно сознательно, без лицемерия начнут процесс демократических преобразований. Тогда, наверное, и начнется транзит в Азербайджане. Со всеми сложностями и проблемами, свойственными любому транзиту.

Послесловие

В процессе работы над настоящей статьей, почему-то постоянно приходил в голову зачин азербайджанских народных сказов: "бири вар иди, бири йох иди". Перевести его можно по-разному; и "один был, одного не было", и "и было, и не было", и "то ли было, то ли не было". Такая многозначность содержится в, казалось бы, очень

простой фразе. Что же тогда говорить о таком сложном явлении, как *демократия*?!

Демократия давно перестала быть идеей, а стала геополитической реальностью. Её универсальность и технологичность, по крайней мере - на уровне демократических процедур, не вызывает сомнений. Но в рамках национальных культур она может быть только уникальной. Уникальной на уровне сказанного и реализованного. И на уровне "несказанного", которое не всегда формулируется и не во всем реализуется в демократических процедурах.

Главное, чтобы "несказанное" демократии не содержало скрытых угроз. Изнутри и извне.

Расим Мусабеков

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ЭЛИТА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Азербайджан уже более 10 лет является независимым государством. Согласно конституции и международным обязательствам, страна движется по пути развития демократии и гражданского общества. Однако, хотя дезинтеграция советско-коммунистической системы произошла окончательно и бесповоротно, сформировавшийся на её обломках режим трудно назвать правовым и демократическим. Во многом это является следствием низкой политической культуры и неконсолидированности местной элиты.

Старая советская элита пополнялась через назначения "сверху" и была закрыта от общества. Её представители, за редким исключением, не умели общаться с гражданами, и чувствовали себя лучше в стихии кабинетных интриг. Новая же оппозиционная элита выдвинулась в значительной мере "снизу", как ретранслятор протестных настроений народных масс. Однако после того, как она пришла к власти, вскоре обнаружилось, что навыки, которые необходимы для руководства страной, сильно отличаются от качеств, необходимых оппозиционерам. Теперь требовалось не столько удачно выступать на митингах, сколько каждодневно и квалифицированно управлять государством. Многие оказались не готовы к такой роли; не хватало профессионализма и административных навыков. Некоторые не выдержали испытания властью, стали проявлять высокомерие и погрязли в коррупции. Это породило в народе разочарование и бросило его консервативно настроенное большинство в объятия сумевшей переориентироваться и приспособиться к новым условиям, динамичной части старой советской номенклатуры. Уже к 1993 году Азербайджан вновь возглавил его многолетний коммунистический руководитель, бывший член Политбюро и заместитель главы советского правительства Гейдар Алиев, ранее отправленный в отставку Горбачевым как коррупционер и консерватор. За 10 лет своего пребывания на посту президента Азербайджана Г.Алиев стабилизировал властные институты и сформировал специфический режим, за псевдодемократическим фасадом которого консолидировал своих приспешников в правящую элиту.

Сегодня в составе азербайджанских элит можно различить правя-

щую (посткоммунистическую) и оппозиционную (национально-демократическую), столичную и провинциальную составляющие. Сохраняется разделение на хозяйственно-экономическую, политико-бюрократическую и интеллектуальную элиты. Отчетливо дает о себе знать региональная дифференциация элит. Наибольшим влиянием в Азербайджане обладают действующие сообща выходцы из Нахичеванского и Гойча-Зангезурского* регионов. Среди других региональных элит, демонстрирующих относительную консолидированность и сплоченность, можно выделить также карабахский, баку-ширванский, талыш-ленкоранский, гянджинский и казах-борчалинский кланы. В силу специфики Азербайджана, кланово-местническая принадлежность все ещё является главным признаком дифференциации элит.

В составе единой в прошлом "номенклатурной" элиты произошло размежевание не только по признаку региональной принадлежности, но и социальному положению и политико-идеологической ориентации. Значительная её часть гласно отвергла старые догмы и заявила, хотя и в собственном понимании, о приверженности рыночной экономике и демократии. Эти люди, составившие социальную опору созданного усилиями Гейдара Алиева режима, заполнили места в структурах власти и в своем большинстве организовались в партию "Новый Азербайджан". Современная правящая элита страны стремительно обогащается и не помышляет о возврате в "счастливое" советско-коммунистическое прошлое. У них теперь есть все: власть, собственность и, главное, возможность без оглядки на бывший союзный центр и идеологические догмы вдоволь наслаждаться вождленными благами.

Что касается хозяйственной элиты, то её позиции в ходе перемен не только не ослабли, но и усилились. Большая часть директоров и других руководителей государственных предприятий сохранили свое положение во время краткосрочного правления национально-демократических сил в 1991-92 годах. Некоторое время по возвращении к власти Гейдара Алиева можно было усмотреть даже признаки некоторого партнерства между ним и директорским корпусом. Председателем парламента, и, следовательно, вторым по значимости должностным лицом государства, стал бывший директор крупнейшего нефтеперерабатывающего предприятия республики - Расул Гулиев¹. Премьер-министром вначале был назначен Сурет Гусейнов - представитель провинциальной хозяйственной элиты, долгое время руко-

* Имеются в виду азербайджанцы-выходцы из Армении (прим. ред.).

¹ Пишут и "Кулиев", и "Гулиев" - это разные способы транслитерации одной и той же фамилии (прим. ред.).

водивший крупным шерстеочистительным комбинатом в г. Евлах. После смещения Сурета Гусейнова премьер-министром стал Фуад Гулиев², в прошлом директор самого большого предприятия страны - завода "Баккондиционер". Одновременно в этот же период в правительстве постоянно были представлены в ранге вице-преьера и министров ещё несколько влиятельных представителей директорского корпуса.

Когда Гейдар Алиев укрепился у власти, претензии промышленников на раздел власти в государстве стали его раздражать и наиболее видные её представители, в лице Расула Гулиева и Фуада Гулиева, были устранены с занимаемых постов. Хозяйственная элита в массе своей оказалась не готова к самостоятельной политической роли. Отчасти это явилось следствием того, что большинство представителей этой группы отдали приоритет реализации узкокорыстных экономических интересов, спешно конвертировав свое положение в собственность. Для извлечения прибыли активно использовалась практика создания совместных предприятий, негласная сдача в аренду производственных и офисных площадей, корыстное использование льготных государственных кредитов, манипулирование бюджетными средствами и взаимной задолженностью, реализация выгодных схем приватизации и т.д. Что касается представителей народившегося класса предпринимателей, то в Азербайджане они все ещё недостаточно сильны и консолидированы, чтобы бросить вызов бюрократической элите, с которой к тому же тесно связаны деловыми и семейными узами.

Провинциальная элита, в момент ослабления центральной власти в 1990-92 годах, попыталась заявить о собственных притязаниях, что выразилось в росте партикуляризма в целом ряде регионов страны. Пример подало руководство Нахичеванской АР, которое часто игнорировало и оспаривало решения республиканского парламента и правительства и зачастую проводило несогласованную с Баку политику. Опасные формы противостояния обозначилась в 1993 году на юге страны, когда полковник Алиакрам Гумбатов, опираясь на дислоцированную в городе Ленкарани дивизию и группу сторонников, самовольно провозгласил т.н. "Талыш-Муганскую республику". Попытки игнорировать Баку были отмечены на севере Азербайджана - в Гусарском и Белоканском районах.

Претензия провинциальной элиты на власть наиболее решительно обозначилась в ходе вооруженного выступления Сурета Гусейно-

²См. выше.

ва в Гяндже, которое завершилось маршем его сторонников на Баку, свержением правительства Народного Фронта и бегством законно избранного президента страны Абульфазы Эльчибея. Сюжет увенчался назначением С.Гусейнова премьер-министром. Однако дальнейшие события показали, что притязания провинциальной элиты не были подкреплены в должной мере ни в кадровом, ни в экономическом, ни в политическом, ни даже в идеологическом отношении. Не обладавший государственным опытом и мышлением, не имевший осмысленной программы действий и толковых помощников, С.Гусейнов в очень короткий срок был полностью переигран Гейдаром Алиевым. Уже осенью 1994 года он был обвинен в организации государственного переворота, смещён со своего поста, и спустя некоторое время вместе с группой сторонников и выдвиженцев был арестован и предан суду. Ещё ранее было подавлено движение А.Гумбатова. Со временем были удалены также и все те руководители в местных администрациях, которые пусть даже в неявной форме, позволили усомниться в их лояльности к Гейдару Алиеву.

Можно заключить, что наблюдаемая в начале 90-х годов активизация провинциальной элиты не была проявлением её силы, а скорей порождена временной слабостью центральной власти в Баку. Провинция, с почти парализованной экономикой и обезлюдевшая в результате того, что большая часть активного мужского населения выехала на заработки за пределы страны, не смогла чем-то существенным подкрепить претензии своих представителей и лидеров не только на равенство, но даже на младшее партнерство в отношениях со столичными политиками и чиновниками.

Другой группой, в положении которой на рубеже 80-90 годов наблюдался взлет и падение, оказалась интеллектуальная элита. Известно, каким высоким общественным престижем она обладала в самом начале эпохи "перестройки и гласности". Поэтому и у интеллигенции в целом, и у её лидеров оказались наиболее завышенные ожидания в связи с ожидаемой трансформацией общества. Однако в реальности произошел обвал в социальном положении интеллектуальной элиты, что оказало на нее деморализующее воздействие. Только очень немногим интеллектуалам удалось влиться в ряды политической элиты, причем преимущественно - оппозиционной. Сумели несколько повысить свой социальный статус представители СМИ. Наиболее квалифицированная часть университетской профессуры, ученых, специалистов, деятелей искусства отправилась на заработки в соседнюю Турцию, либо получила высокооплачиваемые

мую, по местным масштабам, работу в отделениях и представительствах иностранных фирм в Баку. Таких удачливых оказалось несколько тысяч, а большинство опустилось и, отказавшись от былых амбиций, просто борется за выживание, добывая средства для жизни репетиторством, сдачей внаем иностранцам собственных квартир и т.д.

Таким образом, в Азербайджане достаточно интенсивно идет процесс трансформации и консолидации элит. Формируются конкурирующие политические и экономические группы, среди которых наблюдается стремление более или менее четко определить собственные интересы и позицию. Однако до настоящего времени все ещё прослеживается нежелание и неумение соперничающих сторон соблюдать установленные правила политической борьбы. Это относится главным образом к властвующей политико-бюрократической элите, но проявляется и среди оппозиции. Сохраняется чрезмерная зависимость собственников от власти, трайбовые пережитки и др. Все это мешает продвижению в направлении стабильной и эффективной демократии.

Первой организацией, положившей конец идеологической и политической монополии коммунистической партии, стал Народный Фронт Азербайджана (НФА). Образованный летом 1989 года группой представителей интеллигенции, он вобрал в себя различные национально-культурные и национально-исторические объединения, возникшие в университетах и академических институтах страны. В него также вошли организаторы и ведущие массовых митингов протеста, прошедших осенью 1988 года. По признаку политической идеологии внутри НФА выделялась демократическая (включающая социалистический и либеральный оттенок) и националистическая линия. Особняком стояли исламисты. Значительную массу составляли беспринципные попутчики. По методам действий в НФА отчетливо выделялось реформаторское и радикальное крыло.

Понятно, что такое разношерстное по своей политической философии и способам политического действия объединение не могло быть прочным и долговременным. Внутреннее единство НФА поддерживалось необходимостью совместными усилиями противостоять коммунистической власти, а также идеей восстановления государственной независимости Азербайджана и противодействия территориальным претензиям армян на Нагорный Карабах. После распада СССР и роспуска коммунистической партии, ориентировавшийся на Москву президент Муталибов не смог удержать власть и подал в

отставку. НФА пришел к власти, что было закреплено избранием на пост президента страны Абульфазы Эльчибея. Вскоре был принят Закон о политических партиях, и процесс их образования принял правовые формы. Отдельные лидеры НФА покинули его ряды и с группой своих сторонников стали создавать собственные партии.

Первый этап формирования многопартийности в Азербайджане к настоящему моменту можно считать завершившимся. В стране имеются партии, обладающие для этого всеми необходимыми атрибутами. Официально зарегистрированных - более 40. Правящая партия "Новый Азербайджан" (ПНА), хотя и насчитывает в своих рядах около 200 тысяч человек и обладает абсолютным большинством депутатских мандатов в парламенте, все ещё не стала прочной и надежной политической базой для действующего режима. Многие записались в ПНА под прямым давлением властей и покинут её ряды при первых же трудностях. Показательно, что премьер правительства Артур Расизаде, большинство его заместителей, многие ключевые министры так и не вступили в ряды ПНА. Партию возглавляли Гейдар Алиев и его сын, ныне Президент Азербайджана Ильхам Алиев. Идеологический профиль ПНА до настоящего времени четко не определен. Робкие первоначальные попытки позиционировать его близко к социал-демократии не привились. В последнее время отмечается ориентация партии, по крайней мере, в международном плане, на право-консервативный лагерь. Хотя трудно сказать, насколько это осмысленно и прочно. Под контролем власти и правящей партии находятся почти все электронные СМИ и многие газеты страны.

Основную конкуренцию правящей партии "Новый Азербайджан" на парламентских выборах и президентских выборах, начиная с 2000 г., составляла партия "Мусават" ("Равенство" - прим. ред.). Это старейшая партия Азербайджана. Она была создана в начале прошлого века лидером национального движения Мамед Эмином Расулзаде. В недолгий период первой республики (1918-1920 гг.) "Мусават" имел большинство в парламенте, формировал правительство. В первые годы советского тоталитаризма многие члены "Мусават" были расстреляны, сосланы в лагеря или эмигрировали. Последние продолжали деятельность партии за рубежом, преимущественно в Турции. После обретения Азербайджаном независимости на восстановительном съезде в 1992 году деятельность "Мусават" была вновь перенесена на территорию Азербайджана. Основу "Мусават" составили наиболее известные функционеры Народного Фронта Азербайджана и патриотические представители интеллигенции. Ячейки "Мусават"

действуют почти во всех городах и районах страны, даже там, где компактно проживают национальные меньшинства. Численность членов "Мусават" - около 30 тысяч. Вместе с союзниками (12-15 небольших и средних по численности и влиянию партий) "Мусават" образует политический блок "Наш Азербайджан". Партию поддерживает самая читаемая ежедневная газета Азербайджана "Ени Мусават". Председатель "Мусават" - экс-спикер Парламента Иса Гамбар - на недавних президентских выборах составил серьезную конкуренцию представителю правящей элиты Ильхаму Алиеву. По официальным данным, он показал второй результат, набрав около 14 процентов голосов. Однако, по мнению местных и зарубежных наблюдателей, итоги голосования были грубо и тотально сфальсифицированы властями в пользу И.Алиева.

Среди других влиятельных представителей оппозиции, разделяющих правоцентристские ценности, можно отметить партию "Народный Фронт" (ПНФА), партию "Национальной независимости" (ПННА), Демократическую партию (ДПА) и примыкающие к этому же флангу, но относительно слабые Либеральную партию (ЛП) и партию "Гражданской солидарности" (ПГС). Левый политический фланг в Азербайджане существенно уступает во влиянии правым партиям и представлен Социал-демократами (АСДП), а также партией "Гражданского Единства" (ПГЕ) и коммунистами. Некоторый левый крен наблюдается у партии "Адалят", хотя она и избегает это прямо объявлять. В отличие от правоцентристских партий, у азербайджанских "левых" меньше опыта участия в избирательных кампаниях, существенно слабее сеть неправительственных организаций и мало близких им газет. Определенным влиянием располагает Исламская партия Азербайджана. Хотя решением Верховного Суда она распущена, а многие функционеры подвергаются арестам, тем не менее ИПА продолжает действовать полулегально. Что касается множества мелких партий, то в своем подавляющем большинстве они представляют собой чисто виртуальное явление, либо играют роль сателлитов при более крупных партиях.

Таков, примерно, политический спектр Азербайджана. Его разнообразию, казалось бы, можно только радоваться - ведь партии имеются на любой вкус. Кстати, идеологи правящей элиты в подтверждение развития плюрализма и демократии часто ссылаются именно на большое количество партий и независимых газет в стране. Однако у населения это разнообразие энтузиазма не вызывает. Более того, из уст авторитетных представителей интеллигенции и

множества простых людей постоянно раздаются призывы к консолидации политических сил в стране. Этому мешает неспособность политических сил и лидеров подняться над мелкими амбициями, старыми распрями и обидами. Хотя на словах это все понимают, но преодолевать не торопятся. Каждый шаг вперед по пути консолидации демократической оппозиции сопровождается болезненным откатом назад. Слияние близких по исповедуемой политической идеологии партий одновременно сопровождается их частыми расколами. Свести причины этого к неумным политическим амбициям и неуживчивости партийных лидеров или же к разлагающему влиянию властных органов было бы большим упрощением. Немаловажное значение имеют и иные факторы.

При классической демократии и нормальном общественном устройстве правые партии опираются на предпринимательские слои и консервативные религиозные круги, а левые – на организованные слои трудящихся и новаторскую интеллигенцию. Те и другие борются за голоса средних слоев населения, предпочтения которых и определяет победителя. В Азербайджане правые партии не имеют опоры у крупных собственников и бизнесменов, а левые не располагают поддержкой организованных групп трудящихся, которые в своем большинстве пауперизировались. Средние же слои находятся в зачаточном состоянии. От духовенства и религиозных кругов, как правые, так и левые предпочитают дистанцироваться, хотя на словах дружно поддерживают традиционные мусульманские ценности. В итоге политическая сцена страны сегодня монополизирована группой чиновников, превративших свои кресла в источник сверхвысоких доходов. Им пытаются составить конкуренцию различные партии, объединяющие честолюбивых аутсайдеров, которые стремятся мобилизовать в свою поддержку протестные настроения бедствующего населения. Тон в оппозиции задают активные представители интеллигенции, но для завоевания власти этого совершенно недостаточно.

Правящая элита не так сильна и монолитна, как это она пытается внушить собственному населению и зарубежным наблюдателям. Между её ключевыми членами культивируется взаимная неприязнь и недоверие. Однако страх утратить власть побуждает правящую элиту до поры до времени держаться консолидировано. Ведь отстранение от кормил управления страной в их представлении означает неминуемую угрозу незаконно приобретенным богатствам, а также неприятную перспективу держать ответ за многочисленные преступ-

ления и злоупотребления. То обстоятельство, что правящая элита сохранила единство и после того, как президент Гейдар Алиев покинул на долгое время страну из-за серьезных проблем со здоровьем, а в конце года скончался, позволило ей провести на пост главы государства Ильхама Алиева и сохранить власть. Последний оставил практически без изменений состав правительства и высших чиновников администрации, доставшихся ему по наследству от отца.

Как долго сохранится такое положение, пока сказать сложно. Не чувствуя тяжелую руку Гейдара Алиева многие крупные фигуры из правящей элиты, накопившие значительные материальные ресурсы и контролирующие отдельные административные, силовые и медиа-структуры, вполне способны на то, чтобы выступить с претензиями на перераспределение власти и собственности в стране. Среди таких фигур в первую очередь можно отметить многолетнего руководителя президентского аппарата Рамиза Мехтиева, исполняющего роль своеобразного регента при инфантильном президенте Ильхаме Алиеве. У него множество ставленников в региональных администрациях и в парламенте. С недавних пор Р.Мехтиев стремится усилить собственный контроль и над правоохранительными органами, в первую очередь - МВД и Прокуратурой. Значительным влиянием обладает спикер парламента М.Алескеров, а также министр национальной безопасности Н.Аббасов. Молодое окружение нового президента И.Алиева не скрывает желания в скором времени потеснить на властном Олимпе деятелей предыдущей администрации. Все это содержит в себе зародыши серьезных конфликтов внутри правящей элиты.

Оппозиционные силы, обескураженные неспособностью прорваться к власти и в отсутствии политического тяжеловеса, каковым несомненно был покойный президент Гейдар Алиев, переживают не лучшие времена. Власти, воспользовавшись беспорядками, ставшими реакцией на грубую и повсеместную фальсификацию результатов президентских выборов, развернули против оппозиции кампанию репрессий и давления. Более 600 её представителей были арестованы, многих изгнали с работы и подвергли угрозам и шантажу. Партию "Мусават", ставшую главным оппонентом правящей элиты, лишили штаб-квартиры в центре города. Все это привело к тому, что в рядах оппозиции начинается мучительный процесс переоценки и восстановления утраченных позиций.

Таким образом, реконструкция политического пространства Азербайджана представляется неизбежной. Её результатом может

стать как продвижение страны по пути демократии, так и откат к откровенно репрессивному авторитарному режиму, по типу средне-азиатских. Каким окажется выбор, зависит не только он политических сил и лидеров самого Азербайджана, но и от международного демократического сообщества. Из того, что критика ведущих западных держав на вопиющие нарушения, допущенные в ходе выборов, оказалась довольно сдержанной, и они направили президенту Ильхаму Алиеву поздравления, видно, что приоритет отдается поддержанию стабильности и постепенному реформированию Азербайджана руками самой правящей элиты. Конечно же, побудительными мотивами при этом являются не только геополитические соображения, но и интересы транснациональных нефтяных корпораций. Время покажет, насколько оправдана такая прагматическая, если не сказать циничная политика.

Тогрул Джуварлы

НЕФТЬ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ОПЫТ АЗЕРБАЙДЖАНА

История нефти в Азербайджане в новейший период - это непрерывная история того, как народ, государство или политический лидер пытаются произвести непосредственный "бартерный" обмен нефти на другие ценности - политические, экономические, социальные.

После провозглашения независимости Азербайджана в 1991 нефть и независимость были самым популярным словосочетанием. Нефть казалась гарантией твердого, богатого и независимого будущего. Полной эйфории здесь мешал, правда, конфликт с Арменией из-за Нагорного Карабаха, но и это казалось вполне преодолимой проблемой на фоне рисуемого в воображении будущего. Ещё несуществующая нефть уже индуцировала в общество сознание собственной значимости. Этому способствовали переговоры иностранных компаний с правительством Муталибова (1990-1992 годы), заявления различных политических и экономических шаманов.

Надвигающаяся демократическая волна смела правительство Муталибова, но переговоры с иностранными нефтяными компаниями успешно продолжило правительство Народного фронта (1992- 1993). Контракт был близок к подписанию, и казалось, что он может стать прикрытием для продолжения в стране начавшихся демократических реформ. Но нефть ни разу и нигде не становилась опорой демократизации - это правительство ушло. Подписание первого контракта с иностранными компаниями пришлось уже на начало эпохи Гейдара Алиева.

Этот опытный политик, пришедший к управлению страной летом 1993 года, сразу же постарался жесткой рукой навести в стране порядок, одновременно сужая поле демократии.

Между 1994 и 1998 годом он пытался обусловить участие в нефтяных контрактах компаний из разных стран политической поддержкой Азербайджана со стороны их правительств. Это был открытый бартер (без закулисного тоже не обходилось), хотя можно сказать, что многие решения, например, строительство двух маршрутов для ранней нефти, были уже predetermined более сильными странами. И, тем не менее, нельзя отрицать и политическое искусство Алиева, умевшего подыгрывать геополитическим амбициям держав.

Прикаспийские страны не имеют выхода к морям и к мировому рынку нефти, а и весь темп роста нефтедобычи на Каспии определялся развитием трубопроводной инфраструктуры. Здесь же заключаются известные гарантии независимости этих стран. Именно поэтому Гейдар Алиев оказался самым последовательным защитником проекта Баку-Тбилиси-Джейхан, хотя были другие проекты. Огромным оказался и его личный выигрыш. Политический бартер состоялся.

Страну все больше узнавали во внешнем мире, рос международный авторитет Алиева. На этой волне он довольно легко справился с вооруженной оппозицией, подмял под себя все свое окружение, а сильную демократическую оппозицию поставил в очерченные им самим же декоративно-демократические рамки, предназначенные для мира. Любая попытка выйти за их грань искусно пресекалась. Решение общенациональных задач сменилось постепенным решением задач личных.

Алиев отлучил от нефти всех. Даже отдельных представителей клана. Он понимал, что новые магнаты, приобщенные к нефти, рано или поздно начнут претендовать на власть. В то же самое время он совсем не торопился с развитием малого и среднего бизнеса. Такое всегда вызывает общественную активность, брожение, а они пагубны для авторитаризма. Все сменила тотальная коррупция, ставшая системообразующим фактором.

"Гранды" мировой нефтедобычи, потянувшиеся в те годы в Баку, менее всего были миссионерами, несущими в страну идеи демократии. Да, с ними приходили передовые технологии, новые формы организации труда, однако, по прошествии лет надо признаться, что предназначалось это в основном для внутреннего пользования нефтяных компаний. По большому счету им было абсолютно безразлично, в какой стране - авторитарной, монархической или демократической - ведут они свои разработки. К тому же участники первого консорциума оказались спрятаны за высоким частоколом, который называется соглашением о совместном разделе продукции, *production sharing agreement*.

Основная выгода таких соглашений для иностранного инвестора заключается в том, что в стране-владельце недр может свирепствовать самый жестокий экономический кризис, но он ни в коей мере не отражается на деятельности и доходах нефтяных компаний. Тут уместно вспомнить, что, если в начале нефтяной эпопеи компании искали все же контактов с обществом, то в последующем при Гей-

даре Алиеве они оценили все преимущества работы с одним партнером.

Менее перспективной оказалась попытка "обменять" нефть на скорое решение карабахского конфликта. Ещё летом 1994 года в канун подписания "контракта века" президент Азербайджана Гейдар Алиев встретился в Турции на саммите ОБСЕ с госсекретарем США Кристофером. Алиев попытался обусловить заключение нефтяных контрактов политической поддержкой США в конфликте с Арменией. Ответ Кристофера был однозначен: нефть - одно, карабахская проблема - другое. Обмен нефти на поддержку в конфликте не удался и в последующие годы, хотя Гейдар Алиев не раз оговаривал это в отношениях с заинтересованными странами. История нефти и карабахское урегулирование развивались в разных плоскостях. Единственным прямым "бартером" выглядела возможность построить нефтепровод Баку-Джейхан через Армению (это был один из вариантов). Однако Армения категорически отказалась увязывать этот вопрос с разрешением конфликта, да и нефтяной консорциум, видимо, не очень устраивал маршрут через гористую Армению.

Можно привести множество общих соображений, по которым наличие нефти весьма затрудняет демократические преобразования в стране.

С нефтью всегда связан опасный "синдром ожидания", который периодически расслабляет общество.

Нефть зачастую создает заметный структурный перекос в экономике. Все последние годы нефть и нефтепродукты составляют 90% экспорта страны, Страна уже задета голландским синдромом. В несбалансированной экономике очень трудно строить демократию. Можно предположить, что заметное отставание Азербайджана в развитии информационных технологий не случайно - активная включенность в информационное сообщество неизбежно подталкивает демократические процессы.

Страна, располагающая нефтью, с самого начала становится объектом интересов крупных стран, которые часто конфликтуют друг с другом. Растут политические риски. Нефть провоцирует внешние угрозы, которые очень затрудняют демократическое развитие страны. А в условиях внешних угроз сама постановка вопроса о демократическом обществе кажется преждевременной. Этим аргументом умело пользовалась власть.

Нефть представляет также известную ловушку для демократической оппозиции. Настроенная преимущественно прозападно, она не

могла слишком громко оппонировать против проектов западных нефтяных компаний. Те, в свою очередь, зная об этом, неприкрыто поддерживали существующий режим вплоть до последних президентских выборов в Азербайджане. Иностранные нефтяные компании не скрывали своего ликования поводу прихода к власти Ильхама Алиева. Для нефтяных компаний всегда непросто работать с демократическими правительствами, потому что нужно искать консенсус между многими сторонами и работать в более открытом режиме.

Нефть, конечно, позволяет любой власти до поры до времени с плохо скрываемым презрением относиться к демократическим ценностям. Между внешним миром и властью устанавливаются клиенталистские отношения, которые позволяют "не замечать" собственное общество.

И все-таки поддерживать авторитарную власть с помощью нефти дальше будет все труднее. Аппетиты коррупционной машины непомерны, и она вряд ли способна заключить социальный контракт с обществом.

Но для общества это, кажется, наилучшее время, чтобы корректно обменять нефть на будущее. Ключевые цели нефтяной стратегии выполнены - разработки начались и успешно продолжаются, нефтепроводы практически готовы. Нефтяные компании уже выделились в обособленный остров и ничто не угрожает их интересам.

Общество может заняться собой. Бесконечные модели, которые примеривает на себя нефтеориентированный Азербайджан (например, норвежская), всегда оказываются одежкой с чужого плеча, потому что для внедрения готовой модели нужна четкая отработанная политическая система, демократические институты, опыт свободного рынка.

Внутренние сигналы, идущие от экономики, говорят, что одностороннее нефтяное развитие страны далее невозможно. Оно разрушительно, и правительство настойчиво подталкивают к тому, что оно ускорило приватизацию и развивало малое и среднее предпринимательство. В первом случае обязательно возникнут новые богачи, во втором случае - достаточно широкая прослойка среднего класса, которая объективно и является базой для демократии.

Известно, что голландский синдром, спутник нефти, довольно легко преодолевается и в демократических странах, и в подлинно авторитарных режимах, например, в монархиях. В "промежуточных" странах, вроде Азербайджана, которые потеряли традиционные ценности и не вышли на полноценную демократию, голландский синд-

ром всегда обещает стать большой социально-экономической проблемой.

Только с созданием зрелой политической системы исчезнет как опасность однобокого развития страны, так и возможность использовать нефтяной фактор для закрепления авторитарных устремлений. На этом трудном и долгом пути конечное слово за азербайджанским обществом, которое всей своей историей обречено на либеральную демократию.

Али Абасов

ИСЛАМ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПОСТСОВЕТСКОГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Азербайджан исторически развивался в ареале динамичного, не всегда мирного межцивилизационного взаимодействия, перманентного диалога культур, часто разительно отличающихся друг от друга. Веками на регион накатывались волны экспансии древних племен и этносов: греков, персов, арабов, тюрков, монголов, русских, других народов, распространявших здесь зороастризм, христианство, ислам, иудаизм, идеи многочисленных сект. Поликонфессиональное прошлое и перипетии истории сформировали особую духовную атмосферу Азербайджана - мусульманской страны, которая длительное время была под прямым колониальным управлением и испытала сильное европейское культурное влияние. Последнее ещё более усилилось в результате нефтяного бума конца XIX - начала XX веков. В этих условиях слой образованной местной элиты, с одной стороны, тяготел к новым для себя европейским стандартам мировоззрения и жизнедеятельности, с другой - идентифицировал и воспринимал себя, прежде всего, как **мусульман** - через религию, а не этническую принадлежность. Поэтому первые поиски идеологии самоидентификации шли в панисламистском направлении. Азербайджанцы приняли активное участие в создании в 1905 г. общероссийской либеральной мусульманской партии "Иттифаги-Муслимин" ("Союз мусульман"), которая возглавлялась азербайджанцем А. М. Топчибаевым. Постепенно в рамках "исламского возрождения" складывается два течения - возглавляемое татарами движение, направленное на достижение культурной автономии для всех мусульман Российской империи, и возглавляемое азербайджанцами движение за федеративное переустройство России. От панисламизма как переходного этапа экуменической девальвации конфессиональных различий, сглаживания противоречий между суннизмом и шиизмом, первоначальной основы консолидации мусульманского общества, под влиянием европейской идеи национальности развивалась идеология пантюранизма как идея утверждения общей языковой идентификации и объединения всех тюркских народов. На третьем этапе произошел переход к собственному азербайджанскому национализму, формирующему образ западного демократического светского государства, перенесённого на местную, мусульманскую и шиитскую почву.

Русская революция и распад империи предоставили азербайджанской национальной элите возможность попытаться осуществить

свой идеал. В 1918 г. была провозглашена Азербайджанская демократическая республика (АДР) - первая республика на мусульманском Востоке и первое государство с преимущественно мусульманским населением, основанное на принципе отделения религии от государства. АДР просуществовала всего два года, и трудно представить, как осуществлялись бы на деле провозглашенные её основателями и воплощённые в её трёхцветном флаге лозунги тюркизма, ислама и демократии (модернизации), не случись советизация. В относительной лёгкости большевистского переворота проявился разрыв между национальным сознанием элиты и традиционалистским сознанием пассивно идущих за ней народных масс, далеких от её лозунгов.

Переворот ознаменовался волной террора, уничтожившей практически всю не успевшую попасть за границу европейски образованную азербайджанскую элиту (с апреля 1920 по август 1921 г. было уничтожено до 48 тысяч человек, в основном интеллигенции). При этом отношение к исламу и к его духовенству в первый период советской власти было значительно более "либеральным", чем к Православной церкви в России. Ислам вначале рассматривался большевиками (и в какой-то мере реально являлся) союзником в борьбе с Антантой. Штурм ислама стал усиливаться, начиная со второй половины 1928 г. "По желанию трудящихся" систематически закрывались мечети, затем этот процесс принял планомерный характер (из 1369 мечетей, имевшихся в Азербайджане в начале 1928 г., в 1933 г. осталось всего 17, из которых 11 были шиитскими, 2 - суннитскими, и 4 - смешанными).

Вторая мировая война приносит новый поворот - в 1944 г. вновь создается Духовное управление мусульман Закавказья, объединяющее шиитов и суннитов. Однако, начавшееся в войну "братание" власти с религией закончилось передовицей газеты "Правда" от 23 июня 1954 г., которая "предвещала конец религиозного НЭПа, продиктованного в свое время внешними обстоятельствами". На протяжении десятилетий "усиление атеистической работы" было излюбленным коньком как Москвы, так и местных властей, видевших в этой области сравнительно лёгкий участок для своих "значительных побед". Апофеозом явился октябрьский Пленум ЦК КП Азербайджана, посвященный усилению идеологической работы, на котором было принято Постановление "Об усилении атеистического воспитания" (23 октября 1981 г.). Скрытый смысл данного постановления заключался в событиях вокруг Афганистана, требующих борьбы с "исламским фундаментализмом".

В самом конце советского периода отношение к исламу снова стало заметно ухудшаться. Если молодая и исполненная пафоса антиимпериалистической борьбы советская власть видела в мусульманах союзников и относилась к исламу лучше, чем к православию, то уже "умирающий" СССР, напуганный исламистскими движениями за рубежом и подумывающий о сближении с Западом, также ими напуганным, обрушился последним атеистическим залпом именно на ислам.

Каковы же достижения советской власти в борьбе с религией? Безусловно, значительная часть общества и, прежде всего - интеллигенция, полностью "деисламизировалась". Этому способствовала не только борьба с религией, но и вся политика советской власти, ставившая целью разрыв культурных связей азербайджанцев и с "идеологически чуждым" прошлым, и с этноконфессионально близкими, но "идеологически чуждыми" родственными и соседними народами. Однако потенция социальной мобильности ислама оказалась выше этих ухищрений.

На исходе советской власти в Азербайджане прокатилась волна реэкспроприации верующими мечетей, отданных под объекты культуры. Тогда же был осуществлен первый шаг ислама в политику. Уже в 1991 г. в Азербайджане без официальной регистрации действовали Азербайджанская партия исламского прогресса, Исламская партия Азербайджана (ИПА), общества "Азад Руханилер" ("Свободные духовные лица") и "Товбе" ("Покаяние"). Являясь инструментом проведения политики власти и оппозиции, эти движения одновременно решали и собственные задачи. Закон 1992 г. "О свободе вероисповедания", принятый властью Народного Фронта, открыл широкие демократические перспективы религиозной свободы. Число мечетей достигло 230 (ещё 900 действовали без регистрации).

Конкурирующую активность в религиозной сфере развивали Иран и Турция, наряду с шиитско-суннитским противостоянием появился и ваххабизм, продвигающийся в северные регионы страны из арабских стран. Начался бурный рост христианского миссионерства, появились сообщения о двадцати таких организациях, обративших в христианство значительное число этнических азербайджанцев.

Отношение режима Г. Алиева к религии менялось параллельно с изменением его внешнеполитических ориентаций. Первое время доминировала ориентация на Россию и её союзника на Южном Кавказе - Иран. В этот период Алиев активно использует исламскую ри-

торику и опирается на официальную религиозную иерархию. С переходом на западную ориентацию, духовным лицам в рамках новой редакции Закона "О свободе вероисповедания" запрещается баллотироваться в депутаты, а ИПА отказано в перерегистрации. Как и в советское время, официальный ислам в Азербайджане деполитизируется, демократические тенденции сворачиваются. Духовное управление (ДУ) вернуло себе право назначать и снимать мулл, мечети должны были получить согласие ДУ на регистрацию. Был принят закон об обязательном подчинении всех исламских организаций ДУ и внесены изменения в принятый закон о религиозных объединениях, ограничивающий деятельность иностранных миссионеров. В середине 1996 г. были арестованы 9 членов руководства ИПА после задержания на границе 20 молодых людей, тайно и незаконно переправляемых ИПА в Иран для прохождения специальной военно-политической подготовки для якобы дальнейших антигосударственных акций. Арест исламистов, вопреки ожиданиям, не вызвал ни бурной реакции общественности, ни широкого возмущения среди верующих. Последним аккордом, высветившим специфику взаимоотношений религии и государства, стало создание Государственного комитета по делам религиозных организаций (2002 г.), формальное подчинение которому вызвало недовольство и скрытое противостояние ДУ.

В современном мире проблема национально-конфессиональной самоидентификации и проблема модернизации, понимаемая как достижение уровня западных стран, вступивших в эпоху развития информационного общества, находятся между собой в прямом противоречии. Азербайджану необходима подобная самоидентификация для формирования государственно-политического и правового сознания азербайджанцев. До сих пор в их сознании патриархальные ценности превалируют над ценностями гражданского общества. Деформированное сознание внешне одинаково легко принимает (и внутренне игнорирует) антагонистичные идеи, ибо они не становятся "духовной идентичностью".

При складывающихся в мире отношениях, одинаково тупиковыми представляются как социальные предписания, исходящие от так называемых "фундаменталистов", так и, по сути, атеистический подход "западных демократов". В Азербайджане можно наблюдать классическую реализацию авторитаризма, которая стала во многом возможной из-за борьбы за стратегическое влияние в регионе, где проектируются новые транспортные, энергетические и информацион-

ные коммуникации, связывающие Запад и Восток. В силу этого "мелкие грехи" авторитаризма затушевываются глобальностью открываемых перспектив, и Запад часто закрывает на первые глаза. В этих условиях поиск национально-конфессиональной самоидентификации противоречит как интересам правящей элиты, так и интересам противоборствующих в регионе внешних сил.

Зато оттертый на второй план "неофициальный" ислам вполне может стать центром притяжения сил, вычеркнутых из истории процессом первоначального накопления капитала и борьбы за власть. Этому способствует и раздуваемая с двух сторон проблема "исламского фундаментализма", лишенная рамок цивилизованного диалога. Уровень демократии в Азербайджане, ограниченный декларируемой многопартийностью и свободой печати, сам по себе весьма относителен, и пока вряд ли может препятствовать радикализации религиозных процессов. С другой стороны, нефтяной бум вносит свои коррективы в процесс становления гражданского общества и будущего развития страны, в системе нового экономического порядка крепко привязывая Азербайджан к Западу.

Религиозное возрождение в Азербайджане и в других странах СНГ схоже: вначале повальное увлечение обрядностью религии, отдельные попытки превратить её в идеологию, затем разочарование и уход веры из социума в сферу быта, семьи. Официальный ислам продолжает свое служение власти, и в Азербайджане спонтанно складывается какой-то новый "светский ислам", звучащий как нонсенс для мусульман. Возрождение ислама может быть связано с разными процессами. К исламу, исповедующему братство и равенство, зачастую подталкивают объективно ухудшающиеся условия существования. Но религиозный ренессанс может проистекать и из духовной пустоты общества, бесплодности политической и духовной конфронтации "формалов" и "неформалов" ислама, растущей безнравственности политиков, против которых восстает новая интеллектуальная элита, рассматривающая модернизацию как возврат к национальным или конфессиональным ценностям. В Азербайджане, судя по всему, начался первый этап этого движения. В стране уже возникают происламские организации, которые пытаются всячески дистанцироваться как от "формалов", так и от "неформалов". Для ДУ все проблемы ислама в Азербайджане связаны с недостаточным финансированием, незаконной деятельностью миссионеров и расколом в рядах верующих, в то время как персонографический облик духовенства все ещё крайне бесцветен и невыразителен. Повышения

духовного авторитета ислама в Азербайджане, превращения его в живой источник современных идей в культуре, не произошло. Для азербайджанцев этот источник оскудел, поскольку оскудел не ислам, а современное религиозное сознание, причины чего весьма многообразны.

Взгляды ведущих оппозиционных партий Азербайджана в плане политического будущего ислама в стране близки позиции власти. В Азербайджане сложилась своеобразная ситуация, когда исламом занимаются все политические силы сразу, и никто по отдельности не только не хочет размышлять о его ближайших перспективах в республике, но и не представляет себе, что именно необходимо делать сегодня, чтобы хоть как-то повлиять на характер будущего ислама в Азербайджане. Между тем уже сейчас встречаются прогнозы о том, что вскоре исламский фактор превратится в один из решающих в азербайджанском обществе. Но каким образом и кем будет осуществляться это превращение? Считается, что в сложившихся в Азербайджане условиях ислам не может превратиться в фактор национальной идентификации, способствующий консолидации общества. Сложились две точки зрения, которые можно представить следующими позициями: поборники "чистого" ислама, которых немало в Азербайджане, считают, что ислам не должен ничего навязывать обществу. По их мнению, то, что демократия питается из "безбожия", носит формальный характер, и связано лишь с политическим поражением традиционного христианства, которое стало очень политизированным. Осуждается и то, что исламская вера не смогла стать выше политических страстей и конфликтов, и осталась в плену идолопоклонничества властям. Согласно второй точке зрения, демократия - это и есть настоящий, европейский фундаментализм. "Демократии, которая нарушает права Бога ради прав человека, будет трудно прижиться на Востоке", - полагают сторонники этой позиции. Понятно, что такие настроения, особенно после событий 11 октября 2001 г., вызывают озабоченность Запада, весьма настороженно наблюдающего за продвижением ислама в современный политический мир. И если инспирированные в Азербайджане извне террористические акции организации "Джейшуллах" ("Армия Бога"), подготовка на территории Грузии молодых азербайджанцев для участия в войне в Чечне, ряд загадочных убийств будто бы на религиозной почве могли стать причиной обоснованного беспокойства, то в некоторых других случаях оно вряд ли может быть оправдано.

Т.н. "нардаранские события" стали ещё одним испытанием как

политического потенциала ислама в Азербайджане, так и отношения к нему общества, власти и Запада. Нардаран - пригород Баку - всегда отличался высокой сплоченностью и определенной обособленностью проживающего здесь населения, активно препятствующего внедрению в поселок чужаков. Другой отличительной чертой жителей этого селения является глубокая религиозность, выделяющая их на фоне всех других поселков Апшерона с традиционно высокой степенью религиозного рвения, которое не смогли остудить даже советские репрессии. Конфессиональная сплоченность и социальная мобильность этой "пуританской общины" давали жителям весьма ощутимые дивиденды ещё в советское время, когда нардаранцы снабжали Баку и города России парниковыми овощами и цветами. Основы этого процветания по понятным причинам были подорваны уже в первые годы независимости, однако дальнейшее ухудшение ситуации проистекало из отсутствия у властей желания решать какие бы то ни было проблемы, связанные с созданием рабочих мест, социальной поддержкой населения при том, что подача газа и света в условиях системной коррупции превратилась в неразрешимую задачу. Нардаранцы не были первыми "бунтарями", но до их выступления (лето 2002 г.) власти успешно подавляли "мятежи" отчаявшегося населения в различных регионах республики, используя метод "большого кнута и маленького пряника", принцип "разделяй и властвуй". Ещё до известных событий жители Нардарана едва ли не единственные в стране отказались проводить у себя муниципальные выборы, бойкотировали назначенных "сверху" представителей местной власти. Такой пример открытого сопротивления режиму власти не могли оставить без ответа, и петля экономического удушения очень быстро привела к социальному взрыву в Нардаране. Впервые при "усмирении бунтующих" было применено оружие, в результате чего погиб один и было ранено несколько человек. Несмотря на эту акцию устрашения, нардаранцам удалось отстоять поселок, который на длительный период превратился в осажденную крепость. Власть, раздосадованная таким поворотом дел, прибегла к испытанным методам, заявляя, что нардаранские события - результат внешнего влияния, стремящегося с помощью своих агентов насадить в Азербайджане "исламский фундаментализм". С целью подтверждения этой версии был арестован председатель ИПА А. Алиев, который не только не является жителем Нардарана, но и не был в поселке в момент противостояния. В 1996 г. А.Алиев был осужден вместе с другими лидерами ИПА при молчаливом согласии общественности и Запада,

а затем помилован. Однако на этот раз розыгрыш исламской карты не только натолкнулся на решительный протест Ирана, но и был опровергнут оппозицией и правозащитниками, протесты которых привели Запад в некоторое замешательство. И хотя "исламский след" так и не был найден, люди, сами пришедшие к власти на волне мятежа, хорошо понимали, что любой социальный взрыв необходимо подавить на корню, демонстрируя населению бесперспективность любого организованного возмущения. Арестованные "мятежники" были приговорены к различным срокам заключения, а складывающаяся напряженная политическая ситуация в связи с предстоящими президентскими выборами потихоньку, но неуклонно отодвигала остроту нарданского кризиса на задний план. Власть вновь достигла своей цели, сломив сопротивление, отказавшись от выполнения своих обещаний по улучшению положения дел в поселке, и напоследок помиловав последних арестованных участников событий после "победы" на президентских выборах, но арестовав новых, обвиненных в "массовых беспорядках" 15-16 октября 2003 г. Признание Западом итогов президентских выборов в Азербайджане позволило власти разгромить всю системную оппозицию в стране, и сегодня трудно предсказать, вокруг какой идеи будет формироваться новая оппозиция. То, что ислам также будет предлагать свои социокультурные и политические модели развития, не вызывает сомнения; другое дело - какие люди их будут предлагать: ожесточенные репрессиями коррумпированной власти и двойными стандартами западных демократических ценностей, или же те, кто, невзирая ни на что, продолжит трудный поиск взаимодополнения ислама и демократии.

Новые интеллектуальные силы в исламе хорошо понимают, что противостояние между государством и религией сегодня переходит в плоскость права, где при демократическом законодательстве легко одержать победу над властью, сдерживающей развитие ислама. "Мы выступаем против всяких проявлений насилия, противоречащих Божественным законам, и являемся сторонниками совершенствования народа исключительно путем реформ и научных преобразований" - заявляют лидеры общества "Ислам Иттихад" ("Исламское Единение"), развернувшие, по сути, процесс реформации шиизма, а скорее - всего ислама в Азербайджане, так как они отказываются принять во внимание различия между течениями ислама. И если совсем недавнее утверждение - "Ислам ещё не знает своего протестантизма, но потребовалось пятнадцать столетий, чтобы он возник в христианстве. Таким образом, время для ислама ещё не потеряно, у него ос-

тается целый век до этого срока" (М. Малерб) - было в целом верно, то сегодня, по крайней мере для Азербайджана, оно уже устарело. Другое дело, как в будущем назовут это движение, которое сегодня в Азербайджане развернуло активную деятельность за признание религиозных прав и свобод всех верующих без различия конфессий? Ещё до организации в Азербайджане в 2002 г. отделения Международной ассоциации религиозной свободы (IRLA) лидеры этого движения создали собственную правозащитную организацию - Центр по защите свободы совести и вероисповедания (DEVAMM), добившуюся не только уважения со стороны различных религиозных организаций Азербайджана, но и признания международных правозащитных организаций. Достаточно отметить, что последний отчет Государственного департамента США по религиозной свободе в Азербайджане содержал множество ссылок на DEVAMM. Лидер этого движения - Ильгар Ибрагимоглу - весьма необычная для ислама и для Азербайджана фигура, совмещающий в себе глубокую веру в Бога с не менее глубокой верой в приоритет прав и свобод человека. В его сознании две эти веры не только не сталкиваются, а напротив, подпитывают и усиливают друг друга. Выступления Ибрагимоглу на различных международных форумах всегда находят большой отклик. Сделанный им доклад на конференции ОБСЕ по религиозной терпимости, прошедшей в Вене в 2003 г., получил высокую оценку участников. В противовес этой положительной реакции правозащитная деятельность Ибрагимоглу вызывала крайнее раздражение официальных властей, выход которому был найден после президентских выборов. Вызванный для дачи показаний как свидетель, Ибрагимоглу был задержан в качестве подозреваемого по статьям УК "организация массовых беспорядков" и "оказание сопротивления представителям власти". Несмотря на представленные доказательства, что его деятельность в тот день сводилась к мониторингу поствыборной ситуации с правами человека, Ибрагимоглу долгое время находился в заключении, затем был осужден условно и лишен права выезжать из страны.

Итак, азербайджанское общество переживает период мучительных поисков. Эти поиски идут и со стороны национально-демократической интеллигенции, стремящейся "национализировать" ислам и найти в нём опору и основание демократическим ценностям, и со стороны самих мусульманских деятелей, стремящихся сделать встречные шаги. В этих поисках Азербайджан не одинок: такие же сложные процессы происходят во всём мусульманском мире, и про-

цессы в Азербайджане, пусть пока и незримо, переплетаются и взаимодействуют с ними. Но Азербайджан даёт совершенно особую, уникальную конфигурацию идейных направлений и сил. В большой степени он и сейчас, как и в начале прошлого века, является наиболее "западнической" мусульманской страной. И может быть, именно Азербайджан сможет сыграть особую роль в выработке столь необходимого и для мусульманского мира, и для всего человечества синтеза ислама и демократии. Новая ситуация в этой сфере может сложиться в "посталиевскую" эпоху, которая уже началась.

Сабит Багиров

НЕФТЯНЫЕ ДОХОДЫ И ЗАДАЧИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Азербайджан стоит на пороге получения весьма значительных нефтяных доходов. Разработка супергигантских (согласно мировой классификации) офшорных нефтяных месторождений Азери-Чыраг-Гюнешли интенсивно развивается; также интенсивно выполняются работы по началу добычи с гигантского офшорного газоконденсатного месторождения Шах-Дениз. Объем инвестиционных расходов по этим проектам, а также по строительству нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан и газопровода Баку-Тбилиси-Эрзерум, оценивается в 15-17 млрд. долларов.

По оценкам специалистов, кумулятивные доходы страны по этим проектам составят к 2025 году от 50 до 70 млрд. долларов, в зависимости от цен на мировом рынке углеводородных ресурсов. К 2010 году кумулятивные доходы Азербайджана при хорошем раскладе ценовых и инвестиционных расходов могут составить до 10 млрд. долларов. Причем, к 2010 году, а может быть и раньше, годовой доход Азербайджана от эксплуатации только нефтяных месторождений Азери-Чыраг-Гюнешли может составить не менее 5 млрд. долларов.

Много это или мало? Доходная часть бюджета страны на 2004 год запланирована в объеме около 1,4 млрд. долларов, а расходная часть - в объеме около 1,46 млрд. долларов. Даже если предположить, что ежегодные темпы роста госбюджета будут составлять в ближайшие пять-шесть лет в среднем 10%, тем не менее, нефтяные доходы значительно превысят остальные доходы в бюджет страны. Эти перспективы в последние годы были предметом широких дискуссий в обществе и в правительстве: как ими распорядиться, какую часть оставить будущим поколениям, а какую начать тратить на решение насущных проблем экономического развития и смягчения социальной напряженности? Ведь по официальным данным, 49% населения страны живет за чертой бедности. Чрезвычайно актуальна в Азербайджане необходимость создания новых рабочих мест; в последние годы, по оценкам экспертов, в поисках работы из страны выехало 1-1,5 млн. человек при населении в восемь миллионов. Каждый десятый житель страны является беженцем, и сотни тысяч из них продолжают жить в тяжелейших условиях.

Другие поднимаемые вопросы касались проблем обоснованности затрат на нефтегазовые проекты, прозрачности в деятельности ком-

паний и правительства, риска хищений и взяточничества с учетом высокого уровня коррупции в стране.

Стратегия использования нефтяных доходов, согласно последним заявлениям правительства, будет подготовлена к маю текущего года. Можно предположить, что вокруг нее развернутся новые дискуссии в обществе. Однако желательно, чтобы главными темами этой дискуссии были не только проценты нефтяных доходов, направляемые на внутренние инвестиции и решение социальных проблем, или расходы в каких-то других целях, но и вопросы институционального характера, касающиеся получения страной нефтяных доходов в полном объеме, предусмотренном условиями PSA¹ и должного контроля за сохранностью и использованием нефтяных доходов. Рассмотрим эти проблемы.

Проблема получения страной доходов не в полном объеме, предусмотренном условиями PSA

Актуальность этой проблемы подтверждается фактами нарушения менеджерами в ряде стран тех или иных обязательств компаний. Вот, что пишет об этом Ричард Файнберг²: "Долю страны-хозяйки от чистого дохода, делимого между правительством и нефтяными компаниями, можно значительно сократить или задержать в результате существующих бухгалтерских процедур, используемых для определения ключевых показателей, таких, как цена на нефть, стоимость производства или стоимость транспортировки каждого барреля нефти, добытой и доставленной на рынок. Конфликты интересов между страной-хозяйкой и индустрией (нефтяными компаниями) присущи нефтедобывающим регионам по всему миру". Например, анализ деятельности нефтяных компаний, работающих в штате Аляска в США, показал, что менеджеры этих компаний не всегда воздерживались от возможности извлечения дополнительных доходов за счет искажения цен на нефть, необоснованного завышения расходов, в том числе - тарифов на транспортировку. И если такое произошло в США, то чем гарантированы от потерь азербайджанские контракты? Думается, риск в Азербайджане ещё более высок, поскольку:

- опыт работы нашей страны с PSA незначителен;
- в недавнем прошлом имели место факты значительного превышения стоимости ряда крупных подрядных работ (например,

¹PSA - Production Sharing Contracts - контракты на разработку нефтяных месторождений, заключенные Азербайджаном с консорциумом зарубежных нефтяных компаний (прим. ред.).

²Caspian Oil Windfalls: Who Will Benefit? Published by the Open Society Institute, 2003, p.53.

строительство нефтепровода Баку - Супса), по проекту разработки Азери-Чыраг-Гюнешли;

- законодательство страны пока не свободно от пробелов, дающих простор коррупции;
- коррупция широко распространена во многих государственных органах;
- судебная власть Азербайджана пока не может быть названа независимой от исполнительной;
- законодательная власть находится под сильным влиянием исполнительной власти;
- гражданское общество развито слабо;
- независимых СМИ мало, и их тираж весьма далек от уровня охвата широких слоев населения.

Конечно, можно надеяться, что многомиллиардные штрафы, выплаченные нефтяными компаниями по результатам судебных процессов в штате Аляска, были для них хорошим уроком, и они не повторяют аналогичные ошибки в других регионах мира, и в том числе - в Азербайджане. Тем не менее, гражданское общество и правительство должны это помнить и принимать меры по предотвращению случаев необоснованного занижения доходов страны. При этом задачи и возможности правительства и гражданского общества далеко не адекватны. Последнее не в состоянии организовать и осуществить анализы, подобные тем, которые были сделаны на Аляске. Это требует привлечения высококлассных специалистов и довольно значительных финансовых расходов. На Аляске расходы на проведение вышеупомянутого анализа группой прокуроров, с участием специалистов в области бухгалтерии, представляющих более 30 различных фирм, составили 217 млн. долларов³. Поэтому решение о проведении такого глубокого анализа не является простым даже для правительства. Таким образом, было бы разумным разработать методологию периодических выборочных проверок финансовых операций. Задача же гражданского общества состоит в мониторинге деятельности правительства по принятию и реализации превентивных мер в этой сфере.

Проблема контроля за сохранностью и использованием нефтяных доходов Правительство Азербайджана, в соответствии с рекомендациями международных финансовых институтов, в конце 1999 года создало Нефтяной фонд (ГНФАР) с целью стерилизации ожидаемых нефтяных доходов и защиты от голландского синдрома. Большая часть нефтяных доходов поступает в Фонд, меньшая - в

³Там же; p.59

госбюджет. Фонд приступил к деятельности в начале 2001 года, и к началу 2004 года в нем оказалось аккумулировано около 810 млн. долларов. Ещё около 300 млн. долларов уже потрачено из средств фонда для решения социальных проблем беженцев, оплаты доли правительства в нефтепроводе Баку-Тбилиси-Джейхан, и для решения бюджетных проблем. Деятельность Фонда достаточно прозрачна: проводятся аудиторские проверки, имеется сайт⁴, на котором публикуются данные о деятельности Фонда, директором Фонда проводятся периодические пресс-конференции. Вместе с тем, остаются пока нерешенными ряд проблем институционального характера. Следует принять закон о нефтяном фонде, повысив при этом роль парламента в осуществлении контроля за деятельностью фонда. Требуется также повысить полномочия Наблюдательного Совета, обеспечить представительство в нем неправительственных организаций.

Здесь необходимо подчеркнуть, что только часть доходов аккумулируется в ГНФАР; другая часть - в виде различных налогов и других поступлений - попадает в бюджет государства, и об этой части информация практически недоступна для гражданского общества.

Решение проблемы должного контроля за сохранностью и использованием нефтяных доходов требует, также, соответствующей организации общественного контроля и подготовки представителей неправительственных организаций и СМИ к мониторингу соответствующих процессов.

Ещё одно важное условие, это - доступ общественности к информации, касающейся деятельности и правительства и компаний. Необходимо ускорить принятие нового закона о свободе информации.

Важным условием возможности общественного контроля за нефтяными доходами является также повышение прозрачности в деятельности компаний.

Объявление Джорджем Соросом компании PWYP⁵ и инициатива Тони Блэра EITI⁶ явились важнейшими событиями 2002 года, которые дали основание для надежд на большую прозрачность в деятельности нефтяных и других транснациональных компаний в странах, где они добывают природные ресурсы. Эти инициативы были поддержаны многими неправительственными организациями⁷, а также правительствами ряда стран и крупными транснациональными компаниями.

⁴ www.oilfund.az

⁵ Publish What You Pay ("Обнародуйте свои выплаты").

⁶ Extractive Industries Transparency

⁷ www.publishwhatyoupay.org, www.dfid.gov.uk/Initiative.

Сегодня к этой компании уже присоединились свыше 160 неправительственных организаций разных стран мира. Эти организации объединились в Коалицию, деятельность которой продолжает развиваться. Азербайджан в этой Коалиции представлен пока только НПО "Transparency Azerbaijan" и Центром мониторинга общественных финансов.

В числе правительств разных стран и транснациональных компаний, поддерживавших эти инициативы, также правительство Азербайджана и компания BP (British Petroleum), являющаяся оператором названных нефтегазовых проектов в Азербайджане.

Следует отметить, что BP, понимая обеспокоенность общества, предприняла в последние два года ряд шагов по повышению информированности граждан о том, что происходит в нефтяных проектах. Больше стало проводиться пресс-конференций, встреч с представителями гражданского общества, открыт специальный сайт⁸, в котором размещается не только текущая информация о важных событиях и решениях, но помещены также тексты контрактов, подписанных с правительством Азербайджана. Хочется надеяться, что BP будет продолжать развивать инициативы прозрачности.

Есть основания надеяться, что и правительство продолжит аналогичные инициативы. Во всяком случае, наряду с правительственной комиссией по разработке стратегии использования нефтяных доходов, создана также правительственная комиссия по участию Азербайджана в инициативе ЕПТ. Вызывает сожаление лишь то, что правительство Азербайджана пока не видит необходимости в привлечении представителей гражданского общества в соответствующие комиссии.

Данное обстоятельство - ещё один фактор, свидетельствующий о необходимости активизации гражданского общества. Думается, что назрела настоятельная необходимость в создании общественного совета по мониторингу нефтяных доходов.

⁸www.caspiandevlopmentandexport.com

Зейнал Мамедли

СМИ АЗЕРБАЙДЖАНА: ПЯТЬ ГОРЬКИХ ИСТИН И ОДНА НАДЕЖДА

В современной журналистике сложилось такое правило: журналист должен писать не о том, что он думает по тому или иному поводу, а о том, что он сам видел и узнал. Эти слова, ставшие "золотым правилом" репортерской журналистики, следует признать ключевыми для понимания сути СМИ Азербайджана, их места в обществе, и тех "мишеней", которые они выбирают. Ключевыми - по той простой причине, что пресса Азербайджана, кажется, приговорена к тому, чтобы действовать наоборот: писать не о том, что она видит и узнает, а о том, что она думает по тому или иному поводу.

Это и есть **первая горькая истина** о СМИ Азербайджана: субъективизм и/или манипуляции.

Так уж случилось, что с самого начала XX века и на всем его протяжении, за исключением, быть может, непродолжительных "оазисов" нашей истории, СМИ Азербайджана больше занимались агитацией и пропагандой, нежели распространением информации. В тех же случаях, когда газеты Азербайджана переставали быть "пропагандистами и агитаторами", и свою главную задачу видели в распространении информации, их просто... закрывали. Закрывали то чиновники русского царя, то большевистские комиссары, то авторитарная азербайджанская власть. Что до информации, то и в царское, и в советское время, она могла быть только стерилизованной. Таким образом, выживала лишь "обслуживающая" журналистика. Так она дожила до наших дней, подорвав у народа веру в СМИ Азербайджана.

Вторая горькая истина: зависимость СМИ Азербайджана и/или отсутствие общественного контроля.

Если задаться вопросом, каковы же взаимоотношения "СМИ - политическая власть Азербайджана", "СМИ - азербайджанское общество", то в первом случае придется признать "полную зависимость", во втором - "полное игнорирование" (может быть, ещё и потому, что само азербайджанское общество относится к печати потребительски). Сегодня, как и 10 и 50 лет тому назад, пресса Азербайджана остается послушным инструментом в руках тех или иных политических и экономических групп, и прежде всего - инструментом в руках власти. Поэтому не имеет особого значения статистика о количестве газет, об открытии и закрытии телевизионных каналов

(все знают, кому принадлежат телеканалы, хотя делают вид, что не знают) или радиостанций. Цифры так и остаются цифрами, а реальность говорит о другом. Только один пример: в конце 2003 года под прессингом Совета Европы Милли Меджлис (парламент Азербайджана) принял Закон об Общественном телевидении. В законе, в числе прочего, сказано, что "официальная информация должна передаваться без промедления и без купюр". К этому можно добавить, что в Милли Меджлис внесен также проект Закона "О свободе информации", который должен способствовать журналистам в получении информации из правительственных кругов без промедления. Но... согласно тому же Закону об Общественном телевидении, членов Совета управления Общественным телевидением будет определять Конкурсная комиссия, которая создается соответствующим органом исполнительной власти. Круг замкнулся: "общественное" превратилось в "зависимое от политической власти"; в сущности, "общественного" как не было, так и нет.

Третья горькая истина: ограниченные возможности саморегулирования.

Приходится признать, что в Азербайджане сегодня нет ни одного печатного или электронного издания, которое передавало бы полную и сбалансированную информацию о происходящих событиях, не было бы ничьим рупором, и позволяло бы самому обществу давать оценку тем или иным событиям. Нет такого органа СМИ, в котором различные формы прямого или скрытого политического давления были бы нейтрализованы настолько, чтобы орган этот мог выполнять функцию "общественного контролера".

Деятельность недавно созданного общественного Совета по печати остается неэффективной ещё и потому, что множество издаваемых в Азербайджане газет и журналов различного профиля полностью зависимы от политической власти. Как может азербайджанское общество влиять на газеты и журналы, если они финансируются из бюджета, если подписка на них для государственных организаций обязательна? Что до органов оппозиционных политических партий, то они ангажированы соответствующими политическими силами, и от них также трудно ожидать сбалансированной информации. Создание подлинного Общественного телевидения и альтернативных телевизионных и радиоканалов, могло бы сбалансировать взаимоотношения СМИ Азербайджана с политической властью и обществом. Но все это - пока из области мечтаний.

Четвертая горькая истина: бедность и/или ограниченность само-

финансирования.

С финансовой точки зрения, период конца 1980-х - начала 1990-х годов был наиболее благополучным для СМИ Азербайджана. Тогда ещё не сложился настоящий рекламный рынок, не было ни богатых политических партий, ни состоятельных бизнесменов. Но газеты могли жить только за счет продажи, и даже получали небольшую прибыль. Люди не уставали читать прессу, им нравилось, что они могут прочесть о том, о чем раньше писать запрещалось. Все испытывали неизведанное ранее упоение от свободы слова. Выпуск газет становился выгодным бизнесом.

Ситуация начала меняться, начиная с 1993 года. Сначала были введены чрезвычайное положение, военная и политическая цензура. Затем в 1994-95 г.г. возникли бумажный кризис и хронические проблемы с типографиями. Цены на бумагу подскочили в 4-5 раз, альтернативных типографий не было, приходилось обращаться к единственно функционировавшей государственной (правительственной) типографии, а она, будучи монополистом, устанавливала бешеные расценки. Издание независимых газет стало делом мучительно трудным, требовавшим преодоления множества препятствий. Независимые газеты, вкусившие свободы и только-только обретавшие подлинный профессионализм, разом обанкротились. Одни из издателей в поисках выхода ринулись в коридоры власти, другие стали лихорадочно искать богатых покровителей, которым для личных целей нужна была конъюнктурная газета, третьи просто сменили профессию. Очень короткий период "свободной-независимой-демократической" печати в Азербайджане подошел к концу. Закончился этот период и для более или менее независимых электронных СМИ; рано или поздно были закрыты телевизионные каналы БМТИ, САРА, АВА.

Начиная с середины 1990-х годов СМИ Азербайджана с каждым днем стали терять свою экономическую независимость. Позже, в преддверии президентских выборов 1998 г., положение внешне вроде бы изменилось. В газетах не стало "белых пятен" из-за снятых по требованию цензоров материалов, откровенных препятствий в распространении и продаже газет стало меньше, к 2000 году смягчились проблемы с регистрацией новых газет. Но - увы! - взамен появились другие, более изощренные методы воздействия на СМИ. Чиновники и прочие власть имущие буквально завалили суды многочисленными исками против газет по обвинениям в клевете, а суды, как правило, стали подвергать газеты немислимым штрафам. Типогра-

фии, которые осмеливались печатать независимые газеты, под тем или иным предлогом закрывались. Начались гонения на журналистов, участились факты насилия, целые тиражи газет подвергались аресту, редакторы газет обвинялись в том, что занимаются политической деятельностью, и их арестовывали по сфабрикованным обвинениям... И вновь был применен испытанный уже прием: сначала долги независимых газет были заморожены, их не принуждали платить огромные штрафы по судебным постановлениям, было принято решение о предоставлении СМИ Азербайджана льготных кредитов. Предыдущий президент Азербайджана в своей "доверительной" беседе с журналистами даже назвал эти меры "политикой замораживания и более теплых взаимоотношений со СМИ". Что же в результате? Самые оптимистичные специалисты по медиа-менеджменту, когда им задаешь вопрос "каков же выход из создавшегося положения?", лишь горько усмеваются.

Пятая горькая истина: непрофессионализм и/или закрытость, замкнутость в себе.

Каковы бы не были внешние обстоятельства, вопросы профессионализма во всех случаях имманентны. Профессионализм - всегда вопрос внутренних устремлений. К азербайджанским журналистам это относится в полной мере, хотя причин для оправданий непрофессионализма они могут привести множество. Так в чем же проявляется непрофессионализм журналистского корпуса? Скажем, в большинстве информационных программ источники информации не уточнены. Что до анонимных источников информации, то для азербайджанской журналистики будто и не существует юридических и моральных аспектов того, когда и в каких пределах можно пользоваться подобными источниками. Не выполняются и требования сбалансированной журналистики, во многих случаях "баланс" создается за счет формального оправдания типа "мнение другой стороны получить не удалось". Нередко создается ощущение, что азербайджанская журналистика так и не сумела преодолеть установок советских тоталитарных времен. Это особенно удивительно, поскольку азербайджанская журналистика - в основном молодая, но некоторые из этих "молодых" (особенно - журналисты электронных СМИ) кажутся прямыми наследниками печально известного советского прокурора Вышинского. Они с легкостью оперируют такими понятиями как "шпион", "враг", будто примеряя мантию государственных обвинителей. Причем право противной стороны на выражение собственной точки зрения в расчет не принимается.

В Азербайджане проводится множество тренингов и семинаров для представителей СМИ (например, большую популярность приобрели курсы для журналистов, которые проводит Германское техническое общество - GTZ), но пока на практической, каждодневной журналистской деятельности все это не сказывается.

И после пяти горьких истин, **одна слабая надежда**: проблемы СМИ Азербайджана не сходят с повестки дня.

Как бы пессимистично ни оценивать сегодняшнее положение СМИ в Азербайджане, надежда на лучшее все же остается. Ведь именно СМИ Азербайджана ратуют за честные, справедливые, свободные выборы; именно СМИ постоянно ведут речь об обязательствах страны перед Европейским союзом; именно СМИ Азербайджана продолжают верить в возможность демократии в Азербайджане.

Проблема СМИ в Азербайджане остается средоточием общественной борьбы. Одни силы стремятся к тому, чтобы удержать СМИ под своим контролем, другие - к тому, чтобы СМИ служили общественным интересам. Каков будет результат этого общественного столкновения, покажет ближайшее будущее, но, несомненно, от него зависит судьба демократии в Азербайджане.

КРАТКАЯ СПРАВКА: Последняя версия Закона о СМИ была принята 30 апреля 2002 г. Новую версию Закона о свободе информации планировалось принять в марте 2004 г. (старая была принята в июне 1998 г.). Закон о теле- и радиовещании был принят 25.06.2002 г. Закон об общественном ТВ был принят в январе 2004 г. По сведениям Совета прессы в Азербайджане регулярно выходят 168 газет, которые и стали учредителями Совета. Из них около 50 газет выходят ежедневно или несколько раз в неделю. В стране функционируют 12 информационных агентств. Сотрудников СМИ, имеющих удостоверения журналиста, насчитывается почти 30 тыс. человек; из них не более 2500 действительно работают журналистами.

По информации, полученной из Национального совета по телерадиовещанию, в Азербайджане 5 общереспубликанских телекомпаний (из них 4 частных и одна государственная) и 12 региональных телекомпаний. Выходят в эфир 7 частных радиокompаний (практически все - музыкально-развлекательные).

АРМЕНИЯ

Александр Искандарян

ВЫБОР АРМЕНИИ

Демократию ли выбрало население Армении в ходе строительства государства?

Разговор о демократическом выборе Армении приходится вести в контексте, который хотя и стал уже привычным для дискурса о постсоветском развитии, но с точки зрения здравого смысла все же выглядит почти фантастическим. Последние тринадцать-пятнадцать лет в Армении - как и во многих других странах - идет строительство государственных и общественных систем практически "с нуля", на руинах совершенно другой страны.

На месте советской директивной экономики, основанной на государственном производстве и распределении, с огромной долей тяжелой энергоемкой промышленности и ВПК (военно-промышленного комплекса), в Армении сложилась почти классическая экономика третьего мира. Сельское хозяйство современной Армении - это обработка земли примитивными орудиями силами мелких, преимущественно семейных хозяйств. В городской экономике огромное место занимает сфера обслуживания, приспособленная для иностранных туристов. Карабахский конфликт вынудил Армению создать и содержать огромную в масштабах страны армию, со всеми вытекающими последствиями для экономики и политики, тогда как у Советской Армении своей армии вообще не было. Наконец, республика пытается на месте побежденной тоталитарной системы, управлявшейся из внешнего центра, строить более адекватную современности модель управления.

Более того, все эти изменения происходят одновременно, в сжатые исторические сроки да ещё в условиях замороженного конфликта с Азербайджаном, приводящего, в частности, к блокаде Армении двумя из четырех её соседей - Азербайджаном и Турцией. Понятно, что период этот чрезвычайно сложен, как и всегда, видимо, когда происходит строительство национального государства да ещё при одновременной смене экономической формации.

Ключевым вопросом при этом, на мой взгляд, остается вопрос о том, что же именно выбрали армяне в ходе революции 1988-1991 г.г. Демократия ли была целью миллионов участников революции, осознан ли был этот выбор, они ли его сделали, наконец - был ли он вообще сделан, и если да, каков он был?

Действительно, куда ведет выбранный путь, насколько он осознан и продуман, и можно ли было избежать бедствий и ошибок на этом пути? Для понимания этого неплохо было бы обратиться к истории недолгого, но довольно насыщенного периода строительства Третьей Республики (так в Армении принято называть нынешнюю Республику Армению, после Армении 1918-1920 гг. и Советской Армении), становления новой политической культуры, механизмов и институтов демократического управления обществом.

Карабах

Формально Армения была всего лишь одной из пятнадцати республик бывшего СССР, добившихся независимости в результате распада СССР, но в реальности, не говоря уже об объективной разнице между республиками, проистекающей из их размеров, местоположения, состава населения, культуры народов населяющих страну, Армения и ещё одним обстоятельством отличалась от других постсоветских стран.

Это обстоятельство, в значительной мере обуславливающее очень многие особенностей внутренней и внешней политики современной Армении - карабахский конфликт. Формально являющийся для Армении внешним, фактор Карабаха - этого армянонаселенного анклава в составе Азербайджана - стал генератором армянской независимости. Кроме Армении, из постсоветских стран, пожалуй, только у Азербайджана катализатором движения к независимости выступила не "борьба с тоталитаризмом" или стремление к освобождению от имперской зависимости, а территориальный конфликт.

Другие постсоветские республики получили независимость либо случайно, в результате распада СССР, как, например, страны Центральной Азии, либо после борьбы именно за независимость от московского центра и советского правления, как страны Балтии.

Этнополитические конфликты сотрясали все постсоветское пространство, но абхазский и приднестровский, югоосетинский и чеченский конфликты были скорее реакцией национальных меньшинств бывших союзных республик на движение этих республик к независимости. Во всяком случае, генератором движения этих республик к независимости эти конфликты вряд ли можно назвать. В случае же Армении (и Азербайджана) именно карабахский конфликт явился тем катализатором, вокруг которого стали строиться идеологии национальной независимости. Борьба за территориальное воссо-

единение армян Армении и Карабаха предшествовала широкому движению за независимость, а не наоборот.

В Армении ещё с 1988 года проблема территориальная была первичной, именно её пытались решить лидеры карабахского движения - фактически первого оппозиционного властям массового движения в СССР. Вектор противостояния был направлен не по линии Ереван-Москва, а по линии Степанакерт-Ереван-Баку.

В этом смысле задачи, стоявшие перед лидерами армянской революции 1988-1991 г.г., скорее можно сравнить с задачами Бисмарка по объединению Германии во второй половине девятнадцатого века или с итальянским Рисорджименто. В этом смысле армянская революция в корне отличалась от демократических революций в Восточной Европе или даже борьбы балтийских стран с советским колониализмом. В этих терминах карабахское движение в Армении - движение скорее национально-освободительное, даже ирредентистское, чем демократическое.

Демократия

Последнее обстоятельство сказалось не только на генезисе революции, но и на её характере. Движение за воссоединение Армянской ССР с населенной армянами автономией в Азербайджане поначалу даже пыталось казаться подчеркнуто лояльным к московским властям, не посягало на советских идолов, пытаясь воспользоваться зазором между возникающими возможностями для гласности и уменьшающейся уверенностью советского государства в своих силах, и, соответственно, все меньшей готовностью пойти на массовые репрессии. Демонстранты на массовых митингах конца восьмидесятых несли плакаты: "Ленин, партия, Горбачев!". При довольно очевидном неверии в какие бы то ни было коммунистические лозунги, митинговые лидеры пытались использовать остатки уже мертвой идеологии для достижения главной цели.

Эта попытка была, конечно же, изначально обречена на провал. Сама по себе возможность выдвигать требования без санкции сверху, да ещё такими методами, как демонстрации, митинги и петиции, само по себе образование общественных организаций, отстаивание идеи референдума как инструмента политики, наконец, сама идея административно-территориальных изменений - все это ясно показывало центральной московской власти, что карабахское движение в Армении глубоко враждебно идее сохранения пусть и реформиро-

ванного, но все же, по замыслу тогдашних архитекторов перестройки, единого Союза. Таким образом, идея присоединения Карабаха к Армении, а в первые годы революции - и методы борьбы за эту идею как таковые, имели значительную демократическую составляющую.

Тогдашние митинги дали чрезвычайно важный импульс для дальнейшего развития политической системы. Миллионные многомесячные демонстрации, поражавшие своей организованностью и подчеркнутой "цивилизованностью", стали своего рода камертоном для поныне сохраняющейся в Армении культуры массовых уличных протестов, не перерастающих ни в массовые столкновения, ни в гражданскую войну (что вовсе не самоочевидно в контексте постсоветских обществ). Общество получило опыт смены власти пусть и революционными, но демократическими методами. Практически все взрослое население нынешней Армении имеет этот опыт. Видимо, не в последнюю очередь именно это позволило Армении избежать военных переворотов и гражданских войн, столь характерных для региона.

Революция и оппозиция

Армянскую революцию называли "революцией математиков". Идеологи и лидеры карабахского движения, а затем руководство независимой Армении вышли из слоя оппозиционно настроенной интеллигенции. В условиях политического кризиса именно интеллигенция сумела сыграть роль генератора сопротивления, создателя идеологий, механизмов и технологий для разрушения закостеневших структур советской власти, совершенно неприспособленных к решению проблем типа карабахской.

В развитии дальнейших событий огромную роль сыграл тот факт, что слой, породивший политическую элиту страны, был продуктом советской эпохи, побочным эффектом индустриализации и развития фундаментальной науки в СССР. Либерально настроенные революционеры, ораторы и харизматические лидеры выросли в огромных советских НИИ. Поэтому этот слой был обречен - с падением СССР не стало питавшей его почвы. Интеллигенция в одночасье обнищала, многие эмигрировали, оставшиеся в значительной мере маргинализировались. После коллапса экономики советского типа исчезла и потребность в таком количестве интеллигентов. В отличие от советской, новая экономическая система не могла себе позволить такую роскошь.

По некоей инерции, политический класс ещё долго формировался из этой среды. Однако постепенно их востребованность стала падать. Государственному аппарату все больше требовались не идеологи, а чиновники - не склонные к фронде, готовые принимать реальность, а не конструировать новую; чиновники без ораторских способностей и революционного прошлого. Человеческий материал, из которого вербуются новая элита, совершенно другой. Формирующийся в Армении коррумпировано-бюрократический режим не может не отторгать интеллигентов первого поколения политической элиты. В каждом следующем правительстве интеллигентов-революционеров первой волны было все меньше. Интеллектуалов начали заменять технократы, гораздо более адекватные складывающейся реальности новой Армении - страны с экономикой третьего мира, ведущей войну.

Политизированная интеллигенция продолжает сопротивляться процессу вытеснения её из власти. Результат интеллигентской фронды - нынешняя армянская оппозиция. Сопrotивляясь, интеллигенция использует те демократические инструменты, которыми однажды с успехом воспользовалась: митинги, демонстрации, акции протеста, неприятие предложенных правил игры. Однако влияние её все уменьшается, в нынешнем парламенте представителей "старого крыла" совсем немного - около двух десятков депутатов из ста тридцати одного.

Война и экономика

Тот факт, что борьба за Карабах изначально воспринималась как цель, как осознанный выбор народа, а демократия - как метод осуществления этой цели, несомненно, наложил отпечаток на развитие будущей политической системы страны. Когда была осознана невозможность территориального объединения в рамках СССР, был взят курс на независимость, то есть была сделана попытка решить проблему другими средствами. Методами перестали быть апелляции к ЦК и стали апелляции к мировому сообществу. Риторика социалистическая превратилась в риторику демократическую. Цель же оставалась той же - территориальная ирредента.

Карабахская проблема, вопреки широко распространенному представлению, оставалась не только и не столько территориальной, или даже проблемой культурного и физического выживания части этноса; она стала центром армянской политической идентичности

как таковой, идеей государства.

Соответственно, когда развитие конфликта с неизбежностью дошло до стадии, на которой противостояние переросло в войну, методы опять сменились. Война, длившаяся более трех лет и принесшая победу армянской стороне, привела к поистине тектоническим сдвигам как в армянском социуме вообще, так и во внешней политике страны, не говоря уже о формирующейся политической системе.

Поскольку движущей силой строительства армянского государства было карабахское движение, путь к независимости и путь к войне были пройдены одновременно. Соответственно, армянское государство почти с момента его возникновения и вплоть до победы войне (то есть до 1994 г.) строилось, исходя из потребностей карабахского фронта. Армия стала одним из главных, если не главным государственнообразующим фактором.

По окончании войны из молодых людей, ушедших в начале 90-х добровольцами воевать в Карабах, сформировалась корпорация "ветеранов". Так или иначе, в войне принимала участие значительная часть мужского населения Армении, но собственно "ветеранов" в том смысле, в котором это слово употребляется здесь - скорее тысячи, чем десятки тысяч. По социальному происхождению разброс среди них довольно велик. Однако военный опыт превратил бывших боевиков в своего рода касту - людей, объединенных боевым братством, четырьмя годами окопов, совместной победой и чувством своей особенности и заслуженности.

Казалось бы, ситуация для третьего мира обыкновенная. Армия, постоянно вмешивающаяся в политику, типична для стран с неразвитой демократией. Классическим примером является Турция, однако в случае Турции, да и многих африканских государств, встроенная в политику армия превратилась в некую политическую элиту. Среди военных идет тщательный отбор, существует даже особая система их воспитания и образования, культивируется специфическая корпоративная этика. В некоторых странах офицерство фактически передается по наследству, как некий род дворянства. И самое главное, доходы военных, достаточно высокие по местным стандартам, черпаются непосредственно из армии, которая, в свою очередь, паразитирует на государстве.

В Армении же, во-первых, это явление новое, и кастовая психология не вполне сложилась; во-вторых, государству не по карману кормить ветеранов Карабаха на том уровне, на который они претен-

дуют. Вместо денег армия раздает привилегии, в первую очередь - в бизнесе.

В результате в нынешней Армении различные виды бизнеса оказались в руках ветеранов, и сложилось нечто вроде системы феодальных ленов. При этом экономика остается рыночной, просто одним из факторов экономической конкуренции становится вес того или иного бизнесмена в иерархии "военного капитализма". Происходит нечто подобное российской "регионализации": в армянской провинции владелец крупного по местным масштабам предприятия (это может быть даже ресторан или небольшой завод) должен "дружить" с местными ветеранами, а лучше - быть одним из них.

Таким образом, экономическая власть становится в значительной мере функцией консенсуса между "ветеранами", де-факто исполняющими роль регуляторов экономики. В постсоветских странах такие фигуры принято называть олигархами. Причем в данном контексте речь идет в первую очередь о реальных и законных видах бизнеса, а не, скажем, об отмыывании денег, торговле оружием или наркотиками. Армянская экономическая система сейчас устроена таким образом, что как только предприниматель выходит за рамки мелкого бизнеса, он обязан вступать в когорту "менеджеров-ветеранов".

Бедность и парламентская система

Одним из результатов революции, войны и блокады стало обнищание народа и страны в целом. В Армении нет существенных запасов природных ресурсов, блокада усугубляет последствия полного коллапса советской экономики, необходимость содержать мощную армию истощает и без того ограниченные экономические возможности. Экономика новой Армении формировалась почти с нуля, от самых примитивных форм хозяйствования и торговли. Бизнес развивается "снизу", от лотков и семейных предприятий.

Сама по себе бедность страны приводит к слитности бизнеса и политики. Выйдя на уровень крупного по армянским масштабам бизнеса, встроившись в систему "ветеранских" отношений, представитель новой армянской экономики оказывается в очень тесной конкурентной среде, где ресурсов мало, каналы для экспорта и импорта крайне ограничены, рынок узок. Бизнесмены вынуждены все время искать консенсус между собой, и наиболее подходящим для этого механизмом оказывается государство. Постоянный мучительный процесс дележки довольно маленького пирога, распределение

зон влияния, лицензий и доступа к ресурсам происходит непосредственно в сфере внутренней политики Армении. Таким образом, бизнесмены - будь то сами "ветераны" или их протеже - постепенно становятся важными игроками на политическом поле.

При этом сформировавшихся политических партий в Армении нет. Нынешние партии - либо довольно аморфные объединения групп социально активных людей, добивающихся своих карьерных целей, либо лоббистские структуры, либо электоральные механизмы, либо профсоюзы аппаратчиков. Отсюда и характерные для Армении размытые партийные идеологии, отсутствие реальных партийных программ, ориентация на личность, а не на конкретные задачи и пр. Партий, которые представляли бы интересы тех или иных социальных групп, будь то крестьяне или мелкие бизнесмены, пенсионеры или средний класс, в Армении ещё нет. Общество ещё не выработало той политической культуры, в которой осознается сама необходимость представительства такого рода интересов в законодательном собрании.

В результате на политическом поле действуют не партии, а элитные группы, в первую очередь - бизнес-группы, и законодательное собрание постепенно становится полем для представительства экономических интересов. На последних выборах в 2003 г. в парламент прошло множество бизнесменов. Теперь, как и во многих странах мира, баталии в армянском парламенте происходят не между сторонниками либерализма или христианской демократии, социальной или рыночной экономики, а между импортерами бензина или комбикормов, "ереванским" или "карабахским" лобби, "торговым" или "сигаретным" капиталами.

Немногочисленные оппозиционеры ещё остаются в парламенте, но реального влияния на процесс "дележки пирога" оказывать не могут. Соответственно, они фактически вытеснены из политической жизни и, по меткому выражению одного из армянских политологов, играют в нем роль библейских пророков, призывая политиков к тому, чтоб те "не убивали", "не крали" и "не прелюбодействовали".

Ориентация

Карабах и поныне остается важнейшим фактором в политической жизни Армении. Армянская политическая (и не только политическая) модель фактически двуцентрична, то есть реальных центров принятия решений два: Ереван и Степанакерт. В вопросах, касаю-

щихся собственно статуса и будущего Нагорного Карабаха, Армения вынуждена считаться с собственно карабахским руководством, при этом, что почти во всех остальных сферах жизни Карабах полностью зависит от Еревана.

В самом же Ереване действует нечто вроде "карабахского лобби". Речь не идет об "этническом" представительстве - в карабахском лобби есть и армяне из Армении, представляющие в Ереване интересы Карабаха. Естественно, структуры эти не оформлены, от чего их влияние не становится меньше. Особенно отчетливо это проявляется в сфере внешней политики. Проблемы, связанные с Карабахом - ведение переговоров об урегулировании карабахского конфликта, отношения с Азербайджаном и так далее - образуют отдельный, очень весомый сектор армянской внешней политики. И карабахское лобби, и "ветераны" представляют в этом секторе "консервативную" тенденцию. Нынешний статус-кво их вполне устраивает (во всяком случае, на серьезные уступки они не готовы). Ситуация "замороженного навеки" конфликта представляется им достаточно стабильной, сохраняется уверенность в боеспособности армии и, следовательно, в достаточной военной защищенности. Соответственно, целью этих сил является консервация нынешних реалий.

Это, в свою очередь приводит и к отстаиванию приоритетности отношений с Россией во внешней политике. Наличие конкретной конфигурации карабахского конфликта, существование ирано-турецкого соперничества, наконец - то место, которое в регионе занимает Россия, практически не оставляют Армении свободы выбора - во всяком случае, до тех пор, пока не изменится ситуация в регионе. Изменения же если и могут происходить, то очень медленно, и всякое внешнее давление, особенно в карабахском вопросе, лишь усиливает сопротивление сложившейся политической системы.

Ротация

Тем не менее, создающуюся систему нельзя назвать полностью авторитарной. Общим итогом процесса могла стать только коалиция. Коалиция представителей торгового и производственного капиталов, региональных князьков и государственных служащих, многочисленных лобби экспортеров и импортеров. Президентская власть - лишь часть этой системы. Не имея возможности приказывать, власть должна договариваться. Парламент и правительство в такой системе просто обречены быть коалиционными.

Сами же представители различных бизнес-групп в парламенте перманентно вступают в союзы и расходятся, борются за влияние и переходят из одного лагеря в другой. Извне это не очень заметно. Система сравнительно устойчива, поскольку в парламенте совсем немного депутатов-оппозиционеров, не признающих саму её легитимность. Конечно, элементы неустойчивости в политической системе остаются, и сохраняются до тех пор, пока политика будет оставаться почти исключительно делом элитных групп, а более широкие массы будут включаться в нее практически только во время выборов - своего рода стихийного бедствия.

Если не произойдет резких сбоев, то можно ожидать, что политическая система будет развиваться в направлении такой модели, при которой парламентарии представляют интересы социальных групп. По сравнению с полным авторитаризмом, нынешняя ситуация, когда в парламенте представлен крупный бизнес, все же несет в себе зачатки представительства неких групп населения, просто очень узких. Владелец крупного предприятия вполне способен мобилизовать для голосования, скажем, работников своего предприятия и членов их семей, ибо последние понимают, что смена власти может привести к смене хозяина, и соответственно связана с риском потери работы. Но и не более того; социальную группу эти бизнесмены вывести на улицы или к урнам для голосования не могут.

Следуя логике процесса, в условиях продолжающегося экономического роста представленные в парламенте группы будут расширяться, более широкие круги населения будут осознавать общность интересов и объединяться для их лоббирования. Другое дело, что этот процесс займет много времени и может быть нарушен под действием внешних факторов. Для успешного развития потребуется длительный период взросления бизнеса, выход его из состояния корпоративности параллельно со становлением элементов гражданского общества.

Очень важен тот факт, что поколение "ветеранов" рано или поздно уйдет в прошлое. Поскольку война закончилась десять лет назад, каста "ветеранов" более не пополняется свежими силами с боевым прошлым и постепенно превращается в обыкновенное сообщество бизнесменов. Критерием принадлежности к бизнесу перестают быть боевые заслуги и становится способность добиваться успеха в складывающейся экономической реальности.

Чем дальше в прошлое уходит война, тем больше надежд можно возлагать на экономическое развитие, появление среднего класса и

упрочение государства как такового. Пока же сцепка "чиновник - законодатель - предприниматель" создает ситуацию бифуркационного застоя, почти классический вариант "шумпетерианской демократии", когда власть может устойчиво воспроизводить себя, не прибегая к массовым репрессиям, однако это - не власть народа, а власть политиков, но на условиях свободной конкуренции. Когда группы, участвующие в управлении государством и обществом, расширятся настолько, что смогут представлять интересы всех слоев населения, тогда и можно будет сказать, что выбор сделан в пользу демократии.

Агаси Татевосян

ВЫБОРЫ В АРМЕНИИ: НА ПОЛЬЗУ ИЛИ ВО ВРЕД ДЕМОКРАТИИ?

В 1991 году, желая избавиться от советской государственной машины подавления и идеологии тоталитарного строя, народ Армении принял решение в пользу государственной независимости. Люди стремились самостоятельно решать вопросы, касающиеся их жизни. Такую возможность старый строй не предоставлял, поэтому общество нуждалось в формировании новой системы, предполагающей равные для всех возможности и условия для свободной деятельности и самовыражения. Таким образом, идеи, лежавшие в основе формирования в Армении независимой государственности, изначально содержали в себе потребность перехода к демократической системе.

Если согласиться с мнением о том, что демократическое общество самоорганизуется по принципу "организма", а не "механизма" (К.Мannheim), то можно сказать, что для развития демократии нужна система, при которой люди, несмотря на существующую между ними взаимозависимость, обладают также своей собственной жизнью, сосредоточенной на самой себе. То есть все граждане этого общества имеют равные, иначе говоря - горизонтальные возможности для самостоятельного принятия решений, проявления, развития, реализации и осуществления любой законной деятельности.

Соответственно, при рассмотрении процесса развития демократии в Армении возникает необходимость ответить на два основных вопроса:

- в какой степени власть в Армении формируется и действует по принципу участия;
- насколько гарантированы равные/горизонтальные возможности и условия для выявления, развития и реализации потенциала и способностей человека.

Очевидно, что первая проблема касается выборов и управления, основанного на участии граждан, а вторая - защиты прав человека.

Выборы

Способствуют ли выборы формированию обществом компетентных властей? Разрабатывает ли власть, формируемая в Армении пос-

редством выборов, такие законы и реализует ли такие программы, которые являются результатом проявления всенародной воли и направлены на выполнение задач органического развития общества на основе горизонтальных отношений? К сожалению, анализ более чем 10-летнего пути не позволяет дать положительный ответ на этот вопрос по нескольким причинам.

В процессе формирования властей пока чрезвычайно велика роль самих властных структур. За прошедшие годы в Армении были созданы такие механизмы воздействия властей на ход и результаты голосования, которые позволяют использовать участие народа в выборах для создания лишь видимости демократии. В основе этих механизмов лежат фальсификации, подкуп избирателей и формирование у людей деморализующего их волю чувства страха. Анализ президентских и парламентских выборов, состоявшихся в Армении в 1991-1999 гг., позволяет выделить несколько характерных особенностей:

- ослабление роли народа в процессе формирования власти и стабилизация роли властных группировок;
- отчуждение политических сил от общества и сближение их с властными группировками;
- применение силовыми структурами форм явного и скрытого давления на волю избирателей;
- деморализация в общинах воли избирателей со стороны органов местного самоуправления (несанкционированное присутствие на избирательных участках работников органов местного самоуправления, оказание давления по бытовым и социальным мотивам, задействование родственных связей и т.д.);
- осуществление в предвыборный период и в ходе выборов непрозрачных, "теневых" мероприятий, извращающих политическую волю избирателей (подкуп избирателей, угрозы, вызывающие чувство страха индивидуального, семейного или социального характера);
- прямая фальсификация (незаконное вбрасывание в избирательную урну бюллетеней, подделка подписей избирателей, вмешательство полиции и неуполномоченных лиц);
- неточности в избирательных списках.

Вышеуказанные негативные явления усугубились в ходе президентских (февраль-март) и парламентских (25 мая) выборов 2003 г. Действующему президенту для победы в первом туре не хватило всего лишь 1.6% голосов. На фоне масштабных избирательных нарушений властной машине не составило бы особого труда дополнить эти недостающие 1.6%, но, видимо, ради достижения демократического

эффекта было решено провести второй тур.

В ходе президентских выборов были повторены все недостатки предыдущих выборов, но сами нарушения стали более изощренными и технически усовершенствованными. Были зарегистрированы нарушения, ставшие уже традиционными - незаконные вбрасывания бюллетеней в избирательные урны, подкуп избирателей, неточности в избирательных списках, давление на избирателей и доверенных лиц, многочисленные нарушения в ходе подсчета голосов и т.д.

Что касается деятельности властной машины, то она в ходе предвыборной борьбы и самих выборов работала на уровне местного самоуправления, а в процессе подведения итогов - на уровне Центральной избирательной комиссии. Под давлением административного ресурса в неравных условиях прошли также предвыборная гонка и её освещёние в СМИ. Особенностью президентских выборов 2003 г. можно считать, наверное, и то, что нарушения были зарегистрированы не только со стороны власти, но и в лагере оппозиционных кандидатов.

Результаты президентских выборов не были приняты оппозицией, и она пошла на организацию крупномасштабных митингов протеста. Но, в конечном итоге, ни митинги, ни обращение оппозиционного кандидата в Конституционный суд РА не привели к каким-либо ощутимым результатам.

С точки зрения общественного участия, имевшие место в ходе президентских выборов нарушения негативно отразились и на парламентских выборах. То, что оппозиция не смогла "защитить" голоса, полученные ею в ходе президентских выборов, сформировало в обществе с одной стороны - недоверие к оппозиции, с другой - чувство собственной незащищенности. В обществе уже накануне парламентских выборов наблюдался кризис доверия к власти. Среди населения широко укоренилось мнение, что независимо от реальных результатов выборов, власть сделает то, что устраивает её, и опубликует выгодные для себя результаты. А поскольку оппозиция не в силах защитить отданные ей голоса, участие в выборах становится бессмысленным и формальным.

В атмосфере тотальной апатии и потери веры, созданной президентской избирательной кампанией, и прошли в мае 2003 г. парламентские выборы. Самым необычным явлением в их ходе, явился, наверное, масштабный подкуп избирателей. Любопытно, что взятки раздавали почти все политические силы, а также преобладающее большинство кандидатов в одномандатных округах¹. Но ещё более

¹Выборы в Народное собрание (парламент) Армении проходят как по пропорциональной, так и мажоритарной системе (прим. ред.).

необычным явилось то, что подачек просили сами избиратели. Этому можно дать следующее объяснение: крайне бедное население - по официальным данным 52%, а по неофициальным около 80% граждан Армении живут ниже черты бедности - убежденное в безвыходности ситуации, когда независимо от реальных результатов голосования все равно пройдет кандидат, устраивающий власть, стремились извлечь для себя хоть какую-то выгоду из выборов, стараясь по дорожке продать свой голос, и не считало это предосудительным.

В создавшейся ситуации в парламентских выборах успеха добились те партийные списки и кандидаты по мажоритарной системе, которые, с одной стороны, успешно использовали технологии подкупа избирателей, а с другой - заручились поддержкой властей. В общем, президентские и парламентские выборы 2003 г. не были отмечены качественным сдвигом на пути укрепления демократии, и ещё более высветили недостатки избирательного процесса в Армении.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в период выборов руководство страны не выступает в роли гаранта формирования властей с участием общества. Наоборот, властная машина прилагает все усилия к тому, чтобы народ участвовал в выборах чисто символически, и был отстранен от процесса формирования власти. Создалась ситуация, при которой народ де-юре участвует в выборах, а де-факто решающую роль играют те круги, которые используют власть для защиты своих групповых и частных интересов. Это, в свою очередь, приводит к тому, что принимаемые парламентом законы зачастую вытекают из интересов не столько общества, сколько кругов, находящихся в привилегированных условиях с точки зрения доступности власти.

Неслучайно в ходе проведенного в 2001 году опроса населения на вопрос, дают ли выборы возможность гражданам воздействовать на процесс принятия решений в Армении, около 46% респондентов ответили отрицательно, а 17% согласились с этим частично².

Другим серьезным препятствием к реальному участию граждан является степень сформированности в Армении на данном этапе институтов, обеспечивающих общественную доступность власти посредством выбора. Речь идет, в частности, об общественной легитимности политических партий.

В настоящее время в Армении действуют около 100 зарегистрированных политических партий. 85% из них начинают проявлять сравнительную активность лишь за несколько месяцев до выборов;

²Осведомленность и участие граждан в Армении: IFES, национальный социологический опрос, 2001.

в промежутках между выборами эти организации, как правило, бездействуют. Общество не только не знакомо с программами и идеями всех этих партий, но даже не знает их названий. Сегодня число более или менее известных партий не превышает 15. Основным фактором, определяющим известность почти всех организаций, являются имена их лидеров. Сейчас ни одна партия в Армении не формирует свою общественную легитимность посредством обобществления собственных идей, подходов и программ.

В создавшейся ситуации многие политические силы, постепенно отходя от общества, превращаются в группировки по интересам, и устанавливают связи (зачастую "теневые") с провластными или оппозиционными олигархическими кругами. Можно сказать, что политические силы не выполняют свою общественную функцию и обеспечивают доступность власти не для широкой общественности, а для являющихся их (партий) покровителями олигархических или клановых кругов. В результате этого политические партии стали относиться к обществу, как к средству достижения власти, о котором можно забыть сразу после достижения этой цели. Сегодня народ фактически не выполняет присущую демократической системе функцию ограничения власти, что может привести к её неконтролируемости и авторитарности.

Вследствие сложившейся ситуации сформированная в Армении многопартийная система фактически не может служить полноценным средством обеспечения в обществе плюрализма мнений и нормального развития демократии.

Управление, основанное на участии граждан

На раннем этапе формирования в Армении государственности и развития демократии сфера гражданской культуры была неизведанным для общества явлением. Это объясняется в основном тем, что укоренившиеся в обществе представления о роли государства и вертикальном типе управления были унаследованы от советского тоталитарного строя. В этих представлениях преувеличивалось значение государства и почти не отводилось роли человеку. Именно поэтому первая половина 90-х годов прошлого века не отличалась особо активным участием общества в процессе управления. Эти годы можно охарактеризовать скорее как период приобретения навыков путем осмысления международного опыта. Неслучайно до 1996-97 гг. общество почти не стремилось воздействовать на принятие постанов-

лений, решений и программ в сфере управления.

Другим препятствием к осуществлению управления, основанного на участии граждан, было позднее формирование системы местного самоуправления. В Армении она была внедрена в 1996 году и сейчас с точки зрения управления с участием граждан пока не выполняет своих функций. Это обусловлено в основном недостаточной степенью финансовой и административной самостоятельности органов местного самоуправления. В финансовом отношении они фактически зависят от системы государственного управления, а в административном плане - пока слишком велика степень воздействия на органы местного самоуправления со стороны территориальных органов государственного управления, которые, кстати, препятствуют возможностям горизонтального участия людей в деле не только управления, но и формирования властей. В действительности постановления и решения принимаются в общинах не с участием людей, а под диктовку руководящих органов.

Помимо вышеуказанных факторов нельзя не учитывать также задачу становления новых общественных институтов, процесс формирования которых, в отличие от политических сил, вошел в нормальное русло во второй половине 1990-х годов. Следует также различать количественный и качественный аспекты формирования неправительственных организаций (НПО). В этом смысле период 1997-98 гг. можно охарактеризовать как этап количественного, а после 98-го года - качественного роста НПО. В настоящее время их число в Армении превышает 2000, однако функциональны всего 20-25%. Остальные НПО либо действуют в промежутках между получением грантов, либо не действуют вообще, в связи с чем их существование носит формальный характер. Деятельность части тех НПО, которые составляют вышеупомянутые 20-25%, ограничивается рамками воздействия на разработку политики, другая же часть участвует также в реализации этой политики, в частности - в сфере оказания услуг.

Хорошим примером участия НПО в разработке политики является вовлечение 41 независимого эксперта в процесс создания "Стратегической программы преодоления бедности", а также выдвижение более 100 предложений по этой программе в большинстве населенных пунктов Армении, где проходили её общественные обсуждения. Многие из этих предложений нашли отражение в кратком варианте программы. В настоящее время НПО участвуют также в реализации проектов по участию общин в трехгодичных программах развития, которые разрабатываются в органах местного самоуправления. Эта

инициатива обеспечивает участие в разработке этих программ как НПО, так и членов самой общины.

Особенно активную роль в проведении политики НПО играют в сферах социальной, здравоохранения и услуг, что расширяет возможности выбора при пользовании сферой услуг, а также способствует сокращению случаев произвола со стороны властей.

С точки зрения становления в Армении управления, основанного на принципе участия граждан, существенную роль НПО играют и в программах по развитию гражданской культуры общества. С их помощью преодолевается доставшееся в наследство от советских времен пассивное гражданское поведение, что, как указывалось выше, является одним из основных препятствий для управления с участием граждан и проявления горизонтальной активности.

Примечательно, что правящие круги часто обвиняют общество в пассивности. Однако благодаря возросшей инициативности функциональной части НПО эти обвинения теряют свою актуальность. В данном случае можно утверждать, что консервативные тенденции устраняются в обществе быстрее, чем в правящих кругах. Последним трудно смириться с тем, что им придется предоставить НПО доступ к сфере разработки и осуществления политики.

Если бы горизонтальные и равные возможности участия людей в процессе формирования власти и управления не служили бы делу выявления, развития и реализации способностей человека, то они были бы самоцелью и носили бы механический характер. Следовательно, становление демократии является важным индикатором гарантированности реализации прав в плане развития возможностей человека. В дискуссии по вопросам защищенности прав человека в качестве достижения часто указываются законодательные и институциональные реформы в судебно-правовой сфере. Однако суть вопроса сводится к выяснению того, формированию каких отношений - вертикальных или горизонтальных - служат эти законы и институты. О защищенности прав человека можно говорить только в условиях горизонтальной функциональности законов и институтов. К сожалению, в Армении функциональность этих институтов преимущественно вертикальная. Иерархия вертикальности обусловлена величиной силы и степенью воздействия, которые вытекают из доступности власти. С этой точки зрения в Армении лучше всего защищены права тех, кто имеет доступ к высшим звеньям власти. Среди них приоритетную защищенность имеют представители силовых структур. Рядовые же члены общества часто оказываются в статусе

защищающихся от них.

Поэтому люди больше думают не о том, чтобы воспользоваться услугами этих органов, а о том, чтобы держаться от них как можно дальше, и оградить себя от их ударов. Кстати, это может произойти и случайно, волею обстоятельств. Если обычный человек на улице или в другом общественном месте случайно окажется втянутым в конфликт с каким-либо влиятельным представителем властей, особенно - из силовой сферы, то его ждут большие неприятности - вплоть до физического насилия, компрометации и т.д. В этом смысле права человека в Армении пока являются условной категорией и ещё долго останутся таковыми, если в результате судебно-правовых реформ эта система не приобретет горизонтальную функциональность защиты и реализации прав в обществе.

Вызовы

Обобщая описание нынешнего уровня развития демократии в Армении, можно сделать следующие выводы:

а) в Армении на формальном уровне сложились основные институты, создающие благоприятное поле для углубления демократии;

б) неудовлетворительно функционируют механизмы, обеспечивающие эффективную деятельность этих институтов, ощущается необходимость их демократизации;

в) неудовлетворительна степень распространенности и обоснованности демократических ценностей как в правящих и политических кругах, так и в обществе. В частности, плохо обстоят дела с решением проблем человеческого развития. В связи с этим существует необходимость проведения широкомасштабных мероприятий, направленных на развитие гражданской культуры и сознания;

г) в сферах государственного управления и местного самоуправления, а также в общественно-политических кругах неудовлетворительным можно считать уровень осуществления демократических принципов и степень осознания их необходимости, что предполагает реформирование законодательного поля и механизмов управления, вытекающих из демократических принципов.

Однако возникают вопросы: можно ли верить в то, что осуществляемые "сверху" реформы, которые вытекают в основном из вертикального качества власти, утвержденной влиятельной в республике малочисленной группой "имеющих привилегии" (неважно, при нынешней или прежней власти), могут иметь общенародное значе-

ние и служить делу формирования основанного на сотрудничестве общественного организма, в котором человек является центральным звеном институциональной структуры общества? Неужели те, кто строит свое благосостояние на бедности других, чья сила заключается не в собственных способностях, а в институтах власти, находящихся вне человека, уступят власть другим? Неужели отчужденная от общества политическая элита готова отказаться от сотрудничества с властными группировками ради сотрудничества с обществом? И, наконец, готов ли самоизолированный от общества творческий потенциал к формированию элиты, являющейся носителем общественной функции, и готово ли общество осознанно передать власть такой элите?

Эти вопросы показывают, какие вызовы брошены армянскому обществу. Можно ли утверждать, что формирование нового качества власти и есть основная задача? И кто должен сформировать это новое для нас качество - международная общественность или общество, гражданская культура которого не позволяет пока формировать внутри себя элиту, являющуюся носителем общественной функции и творческих качеств? Демократическим является то общество, которое принимает решения осознанно. Формирование гражданского сознания на демократической ценностной основе - тот вызов, который может сделать общество участником процесса формирования власти и управления. Решение этой задачи позволит осуществить демократическим путем и смену власти, и институциональные реформы.

В противном случае, как показывает опыт, реформы, осуществляемые путем отказа от принципа, основанного на участии граждан, даже с учетом международного опыта и международных стандартов, имеют низкую с точки зрения демократии результативность и носят в основном формальный характер.

В Армении главным вызовом развитию демократии является формирование институционального общества, осознающего свои задачи и способного для их идентификации и решения мобилизовать элиту, наделенную общественными, политическими, интеллектуальными, культурными и экономическими творческими качествами.

Арутюн Хачатрян

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

Республика Армения, получившая независимость с распадом СССР в декабре 1991 г., пока ещё не достигла уровня государства с состоявшейся политической системой. Об этом свидетельствует не только то обстоятельство, что, начиная с 1996 г., в Армении не было ни одних президентских выборов, относительно результатов которых не было высказано обоснованных сомнений. Более весомым доказательством сказанного является то, что уже через три года после принятия постсоветской конституции встала необходимость внесения в нее значительных изменений, и она все ещё остается в повестке дня политиков Армении. При этом, как и в большинстве новых независимых республик, в Армении не урегулировано взаимодействие экономических и политических процессов, экономики и политики, на что и сделан основной акцент в данной статье.

Вся история экономического развития Армении с августа 1990 г., т.е., с момента создания первого некоммунистического Верховного Совета (парламента), является историей экономических реформ. В этой истории выделяются следующие этапы¹:

Этап 1. Закладка основ новой экономической системы: октябрь 1990 г. - февраль 1993 г.

Этап 2. Быстрое реформирование: февраль 1993 г. - сентябрь 1996 г.

Этап 3. Замедление реформ: сентябрь 1996 г. - июнь 1999 г.

Этап 4. Ускорение реформы на фоне авторитаризма: начиная с июня 1999 г.

Первый этап - закладка основ

Этот этап, начавшийся с формирования первого некоммунистического правительства, и завершившийся назначением Гранта Багратяна на пост премьера, характеризуется началом радикальных рыночных реформ, в частности - приватизацией земли в 1991 г. (первый акт подобного рода в ещё не распавшемся СССР).

Причиной столь скорого начала реформ стал тот факт, что политической силой, которая возглавила страну в период развала СССР

¹Более детально эти стадии описаны в работе: Хачатрян А.Т. Экономические реформы в Армении: Уроки десятилетия, "Центральная Азия и Кавказ", 2000, № 6, стр. 179-186. Она, естественно, ограничена периодом до 2000 года.

и заложила основы нового государства, было Армянское общенациональное движение (АОД). Это движение, а позже - партия, возникло на волне карабахского движения, и первоначально объединяло людей и группировки очень широкого спектра. Однако костяк движения (который и остался у руля государства после того, как многие группы или отдельные лица постепенно покидали АОД) исповедовал правые ценности, что и предопределило дальнейшее развитие страны.

АОД проводило прагматичную в целом политику, характерную для правой реформистской партии. В частности, в плане отношений между политикой и бизнесом АОД вело политику, направленную на формирование и укрепление частного предпринимательства и уменьшение зависимости экономики от политики. Уже к концу 1996 г. Армения перешла грань, когда больше половины ВВП производилось на предприятиях частного сектора (как приватизированных, так и вновь созданных).

В период с 1991 по 1993 г. были приняты основополагающие законы, необходимые для осуществления перехода от командно-административной к рыночной экономике: законы о собственности, о предпринимательстве, законы, необходимые для осуществления земельной реформы, а также первый развернутый закон о приватизации предприятий. Однако ряд факторов объективного характера (в первую очередь - напряженная внешнеполитическая ситуация: распад СССР, начало боевых действий в Карабахе и др.) замедлил ход конкретных действий по реформированию экономики. В сущности, был проведен лишь один крупный самостоятельный шаг по реформированию - приватизация земли в 1991 г.

Конец этого периода ознаменовался резким ухудшением экономической ситуации вследствие начала военных действий в Абхазии (август 1992 г.) и гражданской войны в Западной Грузии. Эти события в соседней стране нанесли Армении едва ли не больший урон, чем карабахский конфликт, в который она сама была вовлечена. Следствием этого стали значительное обострение энергетического кризиса и начало массовой эмиграции из страны. Формально к этой стадии - закладки основ - относится и такой важный процесс, как основание собственной финансовой и банковской систем. Однако по времени они пришлись немного позже избранного нами условного рубежа между стадиями; просто они не могли быть осуществлены до того, как распалась единая рублевая зона и в Армении в ноябре 1993 г. была введена национальная валюта - драм.

Второй этап - быстрое реформирование

Этап быстрого реформирования осуществился в период, когда Грант Багратян, основной идеолог рыночных реформ в Армении, стал премьер-министром (до этого он был вице-премьером и министром экономики). Именно тогда был развенчан один из устойчивых мифов, характерных для советского менталитета, согласно которому в стране, вовлеченной в боевые действия и находящейся в блокаде, должен был быть сохранен строгий государственный контроль за ввозом и распределением всех ресурсов. Правительство же Багра- тьяна устранило все ограничения на частный ввоз товаров и установило весьма простую систему таможенных тарифов. В итоге очень скоро была преодолена нехватка бензина и отпала необходимость в нормировании хлеба.

Важным результатом этого периода было установление новых отношений между правительством и другими хозяйствующими субъектами. Правительство резко отмежевалось от обязанностей по отношению к хозяйствующим субъектам (даже принадлежащих самому государству), разграничило роль государства и хозяйствующих субъектов. Именно так начался процесс, вследствие которого власть имущие постепенно были лишены возможности доступа к кассе даже государственных ещё предприятий, и были вынуждены искать более сложные пути пополнения партийных касс, да и собственных карманов (подробнее об этом ниже).

После установления перемирия на карабахском фронте, с конца 1994 г. для Армении открылся доступ к помощи со стороны МВФ и Всемирного Банка. Впрочем, ещё до этого, благодаря жесткой монетарной политике, Армения добилась финансовой стабилизации и обуздания инфляции (армянский драм уже через год после введения стал более стабильной валютой, чем российский рубль). Был установлен либеральный режим валютного регулирования, достигнута полная внутренняя конвертируемость национальной валюты, заработало также достаточно жесткое банковское законодательство. В итоге к 1997 г. в Армении образовалась компактная система из трех десятков небольших, но стабильных банков, в подавляющем большинстве - с частным капиталом. Были сняты любые ограничения на участие иностранного капитала в компаниях Армении. Вдобавок, с помощью сочетания рыночных и административных мер удалось добиться, казалось, невозможного - восстановить круглосуточное энергоснабжение, прерванное с 1991 г. (в соседней Грузии эта цель

не достигнута до сих пор)². Нелишне напомнить, что именно с 1994 г. в Армении, первой из стран СНГ, возобновился рост экономики, правда - после очень резкого падения³.

В этот период наконец началась широкомасштабная приватизация жилья (безвозмездно), малых объектов (большей частью - выкупом коллективом), а начиная с середины 1995 г. - также и больших промышленных объектов с применением ваучеров. Приватизация 1995-97 г.г. была нацелена на максимальное облегчение денационализации. Кроме того, правительство в большинстве случаев бесплатно передавало 20% акций предприятий членам их коллективов - ещё одна мера, направленная на создание слоя собственников. Однако все эти шаги натолкнулись на серьезную проблему - отсутствие достаточного спроса на акции - следствие не только того, что значительная часть активов предприятий были устаревшими, но и того, что страна все ещё считалась зоной высокого риска. Так что приватизация, за редкими исключениями, оказалась эффективной лишь для предприятий пищевой и перерабатывающей отрасли. Что касается слоя собственников, то он оказался весьма небольшим. Очень часто основным собственником предприятия становился его директор, к которому тем или иным (большей частью - легальным) путем переходили акции членов коллектива.

Было, конечно, и немалое число случаев прямых нарушений справедливого хода приватизации вследствие вмешательства того или иного высокопоставленного должностного лица. В числе чиновников, повлиявших на нормальный ход приватизационных процессов (а они и без того не могут быть справедливыми в странах с переходной экономикой) чаще всего упоминались Вано Сирадегян⁴ и Вазген Саркисян⁵. Последний нередко покровительствовал (прямо или косвенно) участникам боевых действий в Карабахе в получении

²Армения вообще значительно опережает большинство стран СНГ, в первую очередь соседние Азербайджан и Грузию, по скорости и эффективности рыночных реформ. См. Khachatryan H.T., *Economic Transition in Armenia in Comparison with Neighboring Post-Soviet Countries*. Yerevan, Noyan Tapan, 2003.

³Для сравнения: в Грузии рост возобновился в 1995 г., в Азербайджане - 1996 г., в России - только в 1999 г.

⁴Вано Сирадегян - один из основателей АОД, а с 1993 г. - министр внутренних дел. Вскоре после занятия им кресла министра его имя стало синонимом коррупции. В 1999 г. он был лишен депутатской неприкосновенности и до сих пор находится в розыске.

⁵В прошлом писатель (как, впрочем, и Сирадегян), харизматический лидер и военачальник Вазген Саркисян сыграл очень важную роль в строительстве армии Армении. С 1993 г. он являлся одновременно министром обороны и председателем организации "Еркрапа".

тех или иных объектов приватизируемой собственности. Возможно, это делалось в том числе и с целью сохранения стабильности: многие добровольцы, находясь на поле боя, были отлучены от приватизационных процессов, и вернувшись домой, чувствовали себя обделенными. Если же учесть, что речь шла о людях, все ещё вооруженных, то при росте их числа до некоторой "критической точки" они могли представить реальную опасность стабильности в стране. Так или иначе, с некоторых пор членство в "Еркрапа" (организации ветеранов карабахской войны) стало для многих пропуском к получению собственности в свое распоряжение. А поскольку в таких случаях субъективный фактор приобретает большое значение, то в Армении образовалась немалая прослойка людей, относящихся к Вазгену Саркисяну, мягко говоря, неодобительно.

Так или иначе, именно в этот период сформировалась категория бизнесменов, называемых, по аналогии с Россией, "олигархами" (или "кланами", если речь идет о семье или тесно сотрудничающей группе), и играющих важную роль в политической жизни страны.

Третий этап - замедление реформ

Этот этап охватывает период после отставки Багратяна (одной из основных причин которой стал конфликт с министром внутренних дел Вано Сирадегяном) до формирования правительства во главе с Вазгеном Саркисяном. В этот период сменилось три правительства и состоялись внеочередные президентские выборы. С точки же зрения экономических реформ его можно охарактеризовать лишь как продолжение (и то - не всегда достаточно энергичное) процессов, начатых в предыдущий период.

Важнейшим принципиальным итогом этого периода стало окончательное утверждение трехуровневой судебной системы, основанной на несменяемости судей, которая была предписана конституцией 1995 г. Было осуществлено также дальнейшее совершенствование законодательной базы - принят новый Гражданский кодекс, модифицировано налоговое законодательство (с некоторым снижением налогового бремени), изменено банковское законодательство и др. Преемственность была проявлена и в деле приватизации - была продолжена ваучерная приватизация крупных объектов (до конца 1997 г., после чего приватизация проводилась только за деньги, что опять же не способствовало укреплению класса собственников), и начата приватизация особо привлекательных предприятий методом между-

народных тендеров.

Вместе с тем, было заморожено или сильно замедлено осуществление ряда программ, начатых в предыдущий период: создание кондоминиумов, оптового рынка сельхозпродукции, реформирование энергосистемы и пр. Правительствам премьеров Роберта Кочаряна и Армена Дарбиняна (май 1998 г. - июнь 1999 г.) не удалось создать объявленную ими по собственной инициативе систему страхования вкладов (её нет до сих пор) и обслуживания иностранных инвесторов по принципу "одной остановки" (эту систему удалось внедрить только в последние два года). Важной проблемой оставалась необходимость активизации процесса банкротства и ликвидации неэффективных предприятий. Вообще проблема реального применения в жизни многих принятых законов в тот период постоянно была на первом плане.

Четвертый этап - ускорение реформы на фоне авторитаризма

Этот этап, начавшийся в июне 1999 г., продолжается до нынешнего времени. Это был сложный период, в течение которого сменилось три премьер-министра (в том числе - вследствие убийства Саркисяна), три правительства (младший брат Вазгена Саркисяна Арам, возглавив правительство, почти не внес в него изменений, а вот Андраник Маргарян сформировал два разных кабинета в 2000 и 2003 гг.), прошли новые президентские выборы. Тем не менее, с точки зрения экономического развития это был единый этап.

На этом этапе удалось осуществить многое из того, что не удалось на предыдущих: сказалось, в частности, благотворное влияние длительного периода политической стабильности, наступившего после мая 2000 г.⁶ Были приватизированы энергораспределительные сети, многие крупные предприятия (химический комбинат "Наирит", предприятие по огранке драгоценных камней "Шогакн", ряд электростанций, завод "Марс"⁷ и др.). Правительство заявило о своем намерении завершить программу приватизации в 2004 г., после чего в государственной собственности останется лишь небольшое

⁶Впрочем, вопреки ожиданиям, даже после чудовищного террористического акта 27 октября 1999 г. заметного спада в экономике не наблюдалось. За 2000 год реальный рост ВВП составил более 7%. Надо полагать, он был бы выше, если бы не упомянутая трагедия.

⁷Последние две сделки по приватизации были в некотором роде вынужденной акцией - Разданская ТЭЦ и завод по производству роботов "Марс" были переданы России в счет погашения государственного долга. Но, тем не менее, возникла возможность повышения эффективности работы первого и возрождения второго.

число крупных предприятий, такие как АЭС, железные дороги и др.⁸ Был создан хозяйственный суд, что, помимо прочего, активизировало процессы банкротства.

Был значительно упрощен процесс регистрации новых предприятий, а также их налогообложение, что облегчило развитие малого бизнеса (ещё одно дело, заявленное, но так и не освоенное прежними правительствами). Был начат и проводится большой объем работ по закреплению и оформлению прежних этапов реформ, например - выдача свидетельств о владении недвижимым имуществом, что дало импульс развитию ипотечного кредитования. Было создано новое законодательство по фондовому рынку и перестроены фондовые биржи (впрочем, без большой пользы; фондового рынка как не было, так и нет, ибо очень мало реальных акционерных обществ).

Все же основным лозунгом этого этапа является, пожалуй, укрепление государственного аппарата и усиление его роли в экономике. На первый взгляд, эти действия - "антирыночной" направленности, ибо принято считать, что рыночные реформы означают уменьшение роли государства в экономике. На самом деле, это, конечно, упрощенное представление, хотя на первом этапе реформ уменьшение роли государства в экономике действительно было среди важнейших задач. Но, тем не менее, во-первых, государство все же остается собственником немалой доли производственных активов (на них приходится более 20% ВВП), важнейших инфраструктур, и их эффективное управление является проблемой до сих пор. Во-вторых, за государством остается важнейшая регулирующая функция в экономике, важность и сложность которой все время возрастает⁹. Наконец, государственный аппарат явно нуждался в совершенствовании также и для лучшего выполнения своих "традиционных" функций, таких, как охрана порядка и обслуживание малообеспеченных граждан.

Поэтому, если поначалу призывы к усилению роли государства

⁸В конце 2004 г. произошел второй крупнейший акт приватизации в истории Армении - Зангезурский медно-молибденовый комбинат был продан немецкому концерну "Крономет", чем, видимо, завершился этап "крупномасштабной" приватизации в Армении. Впрочем, правительство начало обсуждать возможность приватизации и железных дорог.

⁹Для выполнения этой функции были созданы т.н. независимые комиссии, в частности, т.н. Энергетическая комиссия (ныне Комиссия по регулированию естественных монополий), Комиссия по ценным бумагам и Комиссия по защите экономической конкуренции. Ещё одной комиссией из этого ряда является Комиссия по телевидению и радиовещанию, но ее деятельность полностью политизирована и она никак не может считаться независимой.

воспринимались лишь как ностальгия по советским временам у населения, уставшего от "реформ" (именно так было в период премьерства Вазгена Саркисяна), то следующие правительства продемонстрировали ощутимый прогресс в этом направлении. Создается принципиально новый государственный аппарат, над которым, впрочем, неизменно висит угроза вырождения и превращения в оружие авторитаризма.

В заключение ещё раз подчеркнем два ключевых обстоятельства: ход реформ, особенно имеющих отношение к экономике (а разграничивать значение любого нового события в терминах альтернативы *экономика-политика* все труднее), происходит при содействии (консультативном и финансовом) международных финансовых организаций. Правительство Маргаряна и президент Кочарян, судя по всему, очень дорожат этим сотрудничеством хотя бы потому, что оно обеспечивает приток достаточно дешевых денег в страну, остро нуждающуюся в инвестициях. Вместе с тем, эти меры нацелены на усиление прав и самостоятельности собственников и ограничение прав (и возможности произвола) со стороны госчиновников. И над ними постоянно висит угроза выхолащивания из-за интриг авторитарной исполнительной власти.

Экономика и политика в современной Армении

Как видно из приведенного выше обзора, основной вектор развития экономики и политики посткоммунистической Армении - в сторону западного либерального общества, но с постоянным возникновением тенденций к авторитаризму. При этом для первой тенденции был мощный внутренний толчок в первой половине 1990-х, а позже она существовала в значительной мере благодаря поддержке извне западным сообществом (в частности - посредством международных институтов от Совета Европы до Всемирного Банка). Вторая же тенденция - авторитаризм - со временем все больше питалась от внутренних факторов, хотя и здесь не обошлось без внешней поддержки¹⁰. Ниже показан "моментальный снимок" отношений экономики и политики в нынешний период.

¹⁰ Действительно, чем, если не актами поддержки авторитаризма были поздравительные телеграммы президентов Франции и Германии в адрес Роберта Кочаряна с его по меньшей мере сомнительной победой на президентских выборах 2003 г.?

1. Бизнес-сообщество и политика

В стране, уже второй год подряд добивающейся двузначных цифр роста ВВП (и это - при отсутствии значительных природных ресурсов), должна быть достаточно хорошая инвестиционная среда. И действительно - Армения считается благоприятной в этом отношении, что часто подчеркивают международные организации. Вместе с тем, у бизнес-сообщества, как и у всех других слоев общества, есть серьезные проблемы.

В рамках рассматриваемой нами проблематики бизнес-сообщество Армении удобно разделить на следующие составляющие¹¹:

1. Крестьянские хозяйства - наиболее массовый тип хозяйствующих субъектов. После земельной реформы 1991 г. их образовалось порядка 320 тысяч и, вместе с тем, это, видимо, наименее активная в общественном и организационном плане прослойка хозяйствующих субъектов. По положению на конец 2003 г. на них приходилось 20,7% ВВП страны, т.е., каждое хозяйство давало довольно небольшой объем продукции (примерно 1 млн. драмов или 1750 долларов в год)¹².

2. Малые производители - т.н. малые и средние предприятия и индивидуальные предприниматели. К малым и средним в Армении относятся предприятия, имеющие менее 50 работников. Согласно заявлению правительства¹³, они производят в настоящее время не менее 35% ВВП. Их число оценивается в 42-43 тысячи. Что касается индивидуальных предпринимателей, то их в настоящее время зарегистрировано чуть более 61 тысячи, и их вклад в экономику оценивается в несколько процентов ВВП.

3. Крупные предприятия - имеющие более 50 работников, дают около 40% ВВП Армении. Количество крупных предприятий оценивается примерно в одну тысячу. К ним, в частности, относятся почти все оставшиеся государственные или полугосударственные предприятия, а также предприятия, принадлежащие "олигархам" (см. ниже).

4. "Олигархи" формально не являются отдельной категорией производителей. Это небольшая группа крупных собственников, владе-

¹¹Все данные - по положению на конец 2003 г.

¹²По утверждению Гранта Багартяна, из этого числа хозяйств реально активна лишь около половины. В частности, многие крестьяне (возможно, треть общего числа) продали свои земельные участки за бесценок и работают батраками. См. "Аравот", 3 декабря 2003 г. (на арм. языке).

¹³См. Бюджетное послание правительства Армении на 2004 г.

ющих крупными предприятиями. Их число оценивается в 20-30 человек, размер их собственности - от нескольких миллионов до десятков миллионов долларов (точные цифры недоступны; в стране только начинается внедрение системы деклараций доходов). Вклад активов "олигархов" в ВВП страны, по нашей оценке, не ниже 10%.

Как было отмечено выше, правительство формально ведет линию на поощрение самостоятельности и независимости экономических субъектов и их ассоциаций. Однако так получилось, что бизнес-сообщество практически не имеет рычагов влияния на власти или последовательной защиты своих интересов. Формально в стране существует целый ряд ассоциаций деловых людей: Союз промышленников и предпринимателей, Ассоциация банков, Союз купцов, Агропромышленный союз и пр. В действительности же они не являются активными проводниками корпоративных интересов, в частности, они не служат каналами связи между бизнес-сообществом и политическими партиями. Причин этого много, в их числе не последней является скрытое негативное отношение властей к таким организациям. По этой причине каждый бизнесмен решает свои проблемы самостоятельно. Этим же, в частности, объясняется то, что уже во второй раз в парламент избирается немалое число крупных и средних бизнесменов. А некоторые из них входили или входят в правительство (в настоящее время в правительстве есть один "олигарх" - министр транспорта и телекоммуникаций Андраник Манукян)¹⁴.

Однако подавляющее большинство представителей бизнес-сообщества Армении не играет заметной роли в политической жизни страны. Они, даже если и дают взятки, то эти деньги оседают у взявших их чиновников или передаются на ступеньку-другую выше по чиновничьей иерархии. Другое дело - "олигархи", а также некоторые из владельцев крупных предприятий (особенно если они занимаются такими "чувствительными" видами бизнеса как, например, телевидение). Эти категории бизнесменов играют важную роль в политической жизни страны.

Во-первых, они постоянно находятся под пристальным присмотром власть имущих, дабы не совершили поступков, могущих расшатать их власть. Во-вторых, многие из власть имущих, включая, согласно сообщениям, высших должностных лиц государства, требуют от олигархов "дани" в виде или регулярных отчислений, или доли в

¹⁴К числу олигархов можно отнести ещё одного члена правительства, министра территориального управления Овика Абрамяна. Он формально не владеет крупными активами, однако реально - через родственников или других партнеров - контролирует довольно большой их объем.

какой-то части их бизнеса. В-третьих, олигархи снабжают деньгами также политические партии, особенно правящие.

Наконец, со стороны как властей, так и других "олигархов" жестко контролируется поле бизнеса, и возникновение новых "олигархов" или их "кланов" весьма затруднительно.

Понятно, что эти наблюдения не могут быть подтверждены документами, ибо они говорят о незаконной по сути деятельности должностных лиц и политиков. Но источники, из которых мы получаем эти сведения, достаточно надежны. Одним из многих косвенных доказательств сказанного является наличие открыто "провластных" газет, называющих себя "независимыми", которые умудряются существовать совсем без рекламы¹⁵. Впрочем, есть по крайней мере один случай, когда высокопоставленный чиновник открыто признал существование института "дани" (в жаргоне её принято называть русским словом "налог" без перевода на армянский). Речь идет о министре обороны и секретаре Совета безопасности при президенте Серже Саркисяне, который в интервью газете "Аравот" заявил, что он старается оградить некоторых бизнесменов от "дани". Правда, он уточнил, что под этим он имел в виду явление рэкета, который в Армении встречается редко (что он считает заслугой властей). В том же интервью министр добавил: "У меня нет мощных экономических рычагов, но я и никогда не притворяюсь скромным, и не говорю, что у меня нет возможности влиять на определенные процессы"¹⁶. Другая газета - "Айкаккан жаманак" - утверждает, что многие "олигархи" вынуждены в ответ на "хорошее отношение" со стороны властей делать немалые отчисления в пользу армии¹⁷.

Завершая обсуждение темы об отношениях деловых людей и власти в Армении, рискну сделать вывод, который многим покажется спорным. Победа Кочаряна на президентских выборах февраля-марта 2003 г. ставилась оппозицией под сомнение и вызвала широкую митинговую активность. То, что он, тем не менее, устоял и сохранил за собой пост президента, является, по моему мнению, результатом именно того, что за Кочаряна проголосовало большинство бизнес-сообщества страны. Оно увидело в Кочаряне лучшие гарантии для защиты своих интересов, чем в оппозиционных кандидатах

¹⁵ Яркий пример - газета "Айоц Ашхар", которая, согласно нашей информации, финансируется Сержем Саркисяном. То же, по-видимому, верно и для русскоязычной газеты "Голос Армении".

¹⁶ "Аравот", 1 октября 2003 г. (на арм. языке).

¹⁷ "Айкаккан Жаманак", 30 августа 2003г. (на арм. языке).

(ситуация, схожая с выборами в российскую Думу в декабре 2003 г., когда бизнес-сообщество предпочло "партию власти" правым партиям). То, что бизнес-сообщество - наиболее влиятельная, и потенциально наиболее организованная часть общества - предпочло закрыть глаза на нарушения в избирательном процессе, явилось, на наш взгляд, главным подспорьем сохранения власти Кочаряна в Армении.

2. Политики и деньги

Посмотрим теперь на отношения между политикой и экономикой с другой стороны - со стороны политиков и их партий. В настоящее время в Армении официально зарегистрировано около 50 политических партий. Их можно подразделить на три группы.

1. "Традиционные" - партии, возникшие десятилетия назад и имеющие большой опыт деятельности. К ним относятся партия "Дашнакцутюн", партия "Рамкавар Азатакан", а также компартия Армении.

2. Партии, возникшие во время движения за независимость конца 80-х - начала 90-х годов прошлого столетия. К ним относятся АОД, Республиканская партия, "Национальное самоопределение" и ряд других.

3. Партии, созданные для обслуживания конъюнктурных целей или личных амбиций лидеров. Такие партии сейчас составляют большинство: "Оринац еркир", Народная партия, "Анрапетутюн", "Объединенная трудовая партия" и много других.

Отметим сразу, что принадлежность к той или иной категории сама по себе мало влияет на политических успех: очевидным доказательством этого является нынешняя трехпартийная правительственная коалиция, в которую входит по одной партии каждого типа. Политический успех партии в Армении, как и везде, складывается из трех составляющих: наличия средств, идеологии, и умения вести эффективную работу с избирателями.

Средства партий аккумулируются из различных источников. Во-первых, полагается иметь такой источник, как членские взносы, хотя очевидно, что в условиях Армении он не может быть решающей статьей в партийных бюджетах. Во-вторых, начиная с 1998 г. правительство предоставляет ежегодные бюджетные субсидии партиям, представленным в парламенте. Из бюджета выделяется сумма порядка 80-100 миллионов драмов (140-170 тыс. долларов США), которая

распределяется между партиями пропорционально полученным ими голосам избирателей. Эта сумма - заметное подспорье, но она достается лишь пяти-шести партиям¹⁸. Партиям разрешается также финансироваться от результатов определенных видов деятельности, например - дохода от издания газет. Есть по крайней мере один пример такого рода: небольшая партия "Союз конституционного права" получает значительную часть доходов от продажи своего печатного органа - популярного еженедельника "Иравунк".

Но для большинства партий основной вид средств - несомненно, пожертвования. Они приходят от самых разных источников, в том числе от основателей и руководителей партий, иностранных доноров, или же местных олигархов. По нашим сведениям, последний механизм отличается своеобразной "гибкостью". Местные "олигархи" действуют обычно по подсказке властей, и поэтому финансируют в основном партии, лояльные нынешним властям. Но нередки случаи, когда один олигарх может сделать пожертвования нескольким партиям (а при пропорциональных выборах даже партии-союзнницы оказываются в положении конкурентов), в том числе оппозиционным. Немало случаев, когда партии получают пожертвования из-за границы (это характерно в первую очередь для "Дашнакцутюн", имеющей развитые структуры в армянской диаспоре). Новый закон о партиях ставит жесткий запрет на такие пожертвования: партиям запрещается получать средства даже от армянских коммерческих структур, если 25 процентов их уставного капитала - иностранного происхождения. Жизнь партий затруднит и ещё одно новшество, содержащееся в новом законе - требование о предоставлении ежегодного финансового отчета.

Наконец, отметим самое большое испытание, которое новый закон предусматривает для политических организаций. Дело в том, что число партий, очевидно, сильно сократится в ближайшее десятилетие, ибо согласно новому Закону о партиях, партия подлежит ликвидации, если она не участвовала в двух выборах в Национальное Собрание подряд, или на выборах набрала меньше 1% голосов избирателей. Ничего подобного не было в прежнем законе, действующем

¹⁸Согласно новому Закону о партиях, действующему с декабря 2002 г., указанная бюджетная дотация должна распределяться не только между партиями, преодолевшими пятипроцентный барьер для прохождения в парламент, но и теми, кто набрал три и более процента голосов избирателей. Таким образом, распределение этих средств будет проводиться немного более справедливо, хотя доля каждого получателя соответственно снизится.

щем с 1991 г¹⁹.

Подводя итог, сделаем относительно оптимистичное заключение. Несмотря на контроль, который осуществляется исполнительной властью во главе с президентом Робертом Кочаряном, ход политических процессов в Армении нельзя считать predetermined. Об этом говорят результаты парламентских выборов мая 2003 г. Пропрезидентские партии, включая Республиканскую партию, возглавляемую премьером Андраником Маргаряном, получили меньше голосов, чем ожидало большинство наблюдателей. И настоящей сенсацией стало то, что две "сильно пропрезидентские" партии - "Рамкавар Азатакан" и Демократический либеральный союз Армении - несмотря на обилие средств и поддержку из президентского дворца, не смогли преодолеть пятипроцентный барьер. Зато неожиданным образом это удалось сделать "Объединенной трудовой партии".

Борьба между тенденциями демократического развития и развития по типу восточного авторитаризма в Армении продолжается, и будет составлять главное содержание политического процесса на ближайшие годы. Стремление руководства Армении стать ближе к Европе в целом будет сдерживать авторитарную тенденцию, но проблемы локального характера - от внутривнутриполитических до урегулирования региональных конфликтов (карабахского в первую очередь) - будут подпитывать авторитаризм, и опасность выхолащивания демократических принципов останется в Армении ещё долго. Помощь и воздействие стран Запада и управляемых ими международных организаций останется ключевым фактором сдерживания авторитарных тенденций развития в политике и экономике.

¹⁹В этом же направлении будет работать поправка к закону, внесенная в 2005 г., согласно которой минимальное число членов партии установлено на уровне 2000 человек.

Эдуард Мелконян

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ДИАСПОРЫ И ПРОЦЕССЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В АРМЕНИИ

При всей схожести процессов демократизации на постсоветском пространстве, не менее очевидны также специфические формы их протекания в каждом из новообразованных государств. Объясняется это рядом факторов как внутреннего, так и внешнего характера. Для Армении в качестве одного из таковых выступает армянская диаспора, численно превосходящая население Армении, к моменту распада СССР в большинстве своем проживавшая в странах Запада (США, Франция, Канада и др.) и Среднего Востока (Сирия, Иран, Ливан и др.).

Одним из наиболее популярных на митингах 1988-1990 г.г. был слоган "Вместе с диаспорой". Эти слова отражали естественное стремление к восстановлению связей, простого общения с соотечественниками за рубежом, которого жители Армении были лишены в период коммунистического правления. Но не только. Прощаясь с советским периодом истории и решившись следовать в развитии примеру стран Запада, народ Армении в своем большинстве рассчитывал на всемерное содействие армян диаспоры - содействие в целях скорейшего реформирования всей системы жизнедеятельности армянского общества в соответствии с западными стандартами. Подобные, в большинстве своем оторванные от реальности и эмоционально окрашенные ожидания, были следствием незнания существенных различий - начиная от образа жизни и кончая этническим самосознанием - между армянами диаспоры и Армении, которые сформировались (не могли не сформироваться!) за семь десятилетий их раздельного, независимого друг от друга существования. Притом, что само это существование, и это следует особо подчеркнуть, протекало в двух полярных мирах - советского социализма и западного капитализма.

Особые ожидания связывались с политическими организациями диаспоры - партиями "Дашнакцутюн", "Рамкавар-Азатакан" и "Гнчак", которые с приходом в 1920 г. к власти в Армении коммунистов продолжали свою деятельность в диаспоре и стали основными структурообразующими институтами армянских общин. В общественном сознании народа Армении именно они являлись носителями и хранителями национально-политических идеалов, и потому

их возвращение на родину рассматривалось как торжество исторической справедливости. Отныне они могли не только продолжить свою миссию на родине, но и придать ей иное звучание - уже на государственном уровне.

Но не только в этом виделось их предназначение в новых условиях. Представлялось также, что за годы существования в странах Запада эти организации, став носителями также определенных политических ценностей и традиций, могли и должны были привить их в новой Армении. Подобные ожидания, однако, не учитывали принципиальную трансформацию функций этих партий за годы их существования в диаспоре. Продолжая номинально называться политическими партиями, они в силу объективных причин перестали быть партиями классического типа - организациями, ставящими своей целью приход к власти в стране во имя осуществления собственной программы её развития.

В диаспоре собственно политическое, точнее - этнополитическое содержание их деятельности ограничивалось двумя сферами. Одной из них явилось отношение к Советскому Союзу, Советской Армении.

Вынужденная эмигрировать из Армении после установления там советской власти, партия "Дашнакцутюн" (партия власти в первой Республике Армении в 1918-1920 гг.) - главный политический оппонент коммунистов - стала той силой, которая не только сохранила присущую ей антикоммунистическую, антисоветскую направленность, но и сумела в короткий срок придать ей организованный и массовый характер уже и в диаспоре.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, но основным оппонентом партии "Дашнакцутюн" (Армянская революционная федерация) в диаспоре стала вторая по значимости партия "Рамкавар-Азатакан" (либерально-демократическая). Парадоксально, поскольку идеология и практика коммунизма были чужды последней в значительно большей степени, нежели придерживающейся социалистической ориентации партии "Дашнакцутюн". Однако именно "Рамкавар-Азатакан", вкупе с социал-демократической партией "Гнчак", стала альтернативой политическому курсу антисоветизма в диаспоре. Не признавая, более того - принципиально отвергая идеологию и практику коммунизма, рамкавары в то же время учитывали ту реальность, что Советская Армения была единственной оставшейся частью их родины, на которой продолжалась жизнедеятельность армянского народа, в виде хотя и сильно усеченного, но, тем не ме-

нее, некоего государственного образования в составе СССР. И, что было особенно важно в свете недавнего прошлого (геноцида 1915 г.), отсутствие полного суверенитета компенсировалось внешней безопасностью, возможностью мирного развития народа. Считая советскую власть наименьшим злом с точки зрения национальных интересов, рамкавары ограничились ролью "мягкой оппозиции" и стремились к установлению связей с Советской Арменией.

Именно эти различия в отношении к Советской Армении и привели к политическому размежеванию в диаспоре, которое, в свою очередь, предопределило пути её развития не только в этнополитической, но и практически во всех других сферах¹.

Второй составляющей этнополитической деятельности всех трех партий явилась, начиная с 1960-х гг., неустанная и разнообразная по форме и содержанию активность с целью признания и осуждения мировым сообществом и отдельными государствами факта геноцида армян в Османской империи в 1915 г. Во многом благодаря усилиям партий и специально с этой целью созданных организаций, некоторыми международными организациями и парламентами ряда стран были приняты соответствующие решения.

Наряду с этим, важнейшей задачей указанных партий было и остается сохранение этнокультурной идентичности армян диаспоры в условиях мощного и постоянного воздействия культур принимающих стран. Именно с этой целью в армянских общинах разных стран ими создана целая сеть культурных, молодежных, женских, благотворительных и иных учреждений, благодаря которым и становится возможным в той или иной мере противодействовать процессам ассимиляции, особенно интенсивным в странах Запада.

Очевидно, однако, что названные выше направления деятельности никак не могли способствовать формированию у зарубежных армянских партий навыков и традиций собственно политической активности.

Между тем, в своих ожиданиях народ Армении вольно или невольно проецировал на них свои представления о западных политических партиях классического типа. И даже при всем понимании того, что партии диаспоры никак не являлись реальными игроками на политической арене тех или иных стран, тем не менее, само наименование этих организаций как "партий" для очень многих ассоци-

¹Более подробно об этом см. Э.Л.Мелконян. Между двумя мирами. Пути политической адаптации армянской диаспоры // "Вертикаль истории", Тбилиси, 2003, №5, сс. 74-85.

ировалось с их способностью реализовать себя в качестве таковых в Армении.

Эти ожидания имели и другое объяснение. Несмотря на абсолютную популярность в Армении тех дней Армянского общенационального движения (АОД), возглавившего массовое движение за самоопределение Нагорного Карабаха, а затем и за независимость самой Армении, тем не менее, часть населения страны, в силу принципиальных или личностных соображений, именно с возвращением политических партий диаспоры связывала возможность альтернативной политической активности. Это объяснялось самой историей партий, их активной ролью в диаспоре, наконец - эффектом "запретного плода", вызванного запрещением их деятельности в Советской Армении.

Подобные настроения в армянском обществе были известны политическим партиям диаспоры и полностью отвечали их стремлению вновь утвердиться на родной земле. Примечательно, однако, что кардинальные изменения в Советском Союзе, сама скорость их протекания, застали эти партии врасплох. Впрочем, в этом они не были одиноки: столь же непредсказуемыми оказались эти процессы и для западных политиков и советологов. После недолгого периода колебаний, вызванного радикальными действиями армянской оппозиции в отношении местных и центральных властей, партии диаспоры, осознав необратимость распада СССР, с тем больше готовностью воспользовались возможностью возобновления своей деятельности в Армении. Возвращение произошло в 1990 г., в смутный период двоевластия, когда все структуры и звенья советской государственной и партийной власти, по сути, были парализованы, а новая власть находилась на начальном, полном неопределенности этапе формирования.

Вернувшись в Армению (при полном сохранении всех своих структур в диаспоре), эти партии вынуждены были начать свою деятельность практически с нуля - в стране у них не было ни членов, ни каких-либо собственных структур. В стремлении к скорейшему самоутверждению они проявили лихорадочную активность, которая более всего выразилась в широкой кампании по привлечению в свои ряды возможно большего числа людей. В отсутствие местных кадров вся их деятельность на этом, начальном этапе, проводилась специально командированными из диаспоры партийными функционерами. По аналогии с отмеченным выше незнанием народом Армении реалий диаспоры, столь же поверхностны были представления об

армянской действительности у прибывающих эмигрантов. Примечательно, что независимо от гражданства, почти все они были выходцами из стран Среднего Востока - этой своеобразной кузницы национальных кадров для всей диаспоры, с характерным для них радикализмом в сочетании с упрощенным восприятием действительности. Во имя быстрого роста численности своих партий они не могли, а зачастую и не захотели видеть истинные мотивы неофитов.

Между тем, абсолютное большинство последних имело весьма смутное представление о самих партиях, их истории, идеологических установках и т.п. Среди неофитов было немало бывших коммунистов, для которых членство в новых партиях должно было возместить утраченные гарантии исполнения их личных, весьма прагматических (чтобы не сказать - корыстных) ожиданий. Немалое число подобных членов весьма скоро должно было негативно сказаться на деятельности приютивших их партий, вплоть до раскола последних. Но в 1990-91 г.г. усилия по скорейшему формированию вернувшихся на родину партий привели к тому, что они оказались в числе ведущих - вслед за АОД - политических сил страны. Показательно при этом, что сама степень их влияния в Армении в точности соответствовала положению дел в диаспоре - несомненное преимущество "Дашнакцутюн" перед "Рамкавар", не говоря уже о "Гнчак".

Подобный рост популярности партий "Дашнакцутюн" и "Рамкавар", по-видимому, оказался неожиданным и для самих партий, точнее - для их функционеров из диаспоры. Введенные в заблуждение симпатиями к их партиям некоторой части общества, они лишились способности трезвой оценки реальности и пренебрегли обязанностью по постепенному, но постоянному привитию хотя бы своим же членам навыков политической культуры, демократических принципов построения и управления обществом, всего того, что так хорошо им было известно, и чем так успешно они пользовались в диаспоре. Взамен этого партия "Дашнакцутюн" в своих амбициях решила на действия, имевшие важные последствия для внутриполитического развития страны в целом.

Речь идет о первых президентских выборах в Армении в конце 1991 г. Победа на них одного из лидеров АОД Левона Тер-Петросяна была ожидаема и очевидна всем, начиная от простого обывателя и кончая политической элитой. Несмотря на это, партия "Дашнакцутюн" выдвинула собственного кандидата - известного и уважаемого в народе артиста театра и кино Соса Саркисяна - и повела широкую кампанию в пользу его избрания. Уже сам этот факт свидетель-

ствовал, что "Дашнакцутюн" не имел в то время в Армении своего ярко выраженного, более или менее популярного в народе партийного лидера, способного конкурировать с кандидатом от АОД.

Если бы все это происходило в стране с устоявшимися демократическими традициями, следствием подобных действий "Дашнакцутюн" стало бы лишь поражение на выборах (в пользу его кандидата было отдано менее 5% голосов) и падение рейтинга. Однако в Армении тех дней последствия носили более масштабный и глубокий характер. И связано было это с последовавшей реакцией АОД.

Ещё в 1988 г., когда карабахское движение встретило жесткое противодействие со стороны центральных властей Советского Союза, АОД, как и другие оппозиционные советской власти силы, рассчитывало на полную поддержку со стороны армянской диаспоры. Однако первоначальная реакция диаспоры, в первую очередь - её политических партий, оказалась совершенно неожиданной. Уже в ноябре того же года все три партии диаспоры выступили с редким для них совместным заявлением, суть которого сводилась к следующему: поддерживая вхождение Нагорного Карабаха в состав Советской Армении, они в то же время призывали армян к сдержанности и спокойствию, к отказу от действий, способных подорвать доверие к ним со стороны руководства Советского Союза. Подобная позиция политических партий, являющаяся следствием отмеченного выше полного незнания армянских реалий, привела не только к разочарованию, но также и к недоверию к ним со стороны всего карабахского движения, и АОД в частности².

Эти настроения тем более усилились после возвращения партий диаспоры в Армению, вследствие их неумной активности по скорейшему созданию собственных структур. На этом фоне сам факт выдвижения "Дашнакцутюн" собственного кандидата на президентских выборах 1991 г. был воспринят АОД как прямой вызов. Причем вызов был брошен партией, ещё только-только обосновавшейся в Армении, никак не причастной к борьбе за обретение независимости, и к тому же руководимой и финансируемой из-за рубежа. АОД, находившееся в то время на пике своей популярности (за Л. Тер-Петросяна отдали свои голоса 83% избирателей), вызов этот приняло, что выразилось в жестком неприятии всех оппозиционных движений.

В случае с "Дашнакцутюн" знаковыми оказались два события.

² *Armenia at the Crossroads: Democracy and Nationhood in Post-Soviet Era*. Ed. By J. Libaridian. Watertown, MA: Blue Crane Books, 1991, p.127-133.

Первое из них имело место уже в июне 1992 г., когда один из лидеров партии, гражданин Греции Грайр Марухян был выдворен из Армении по обвинению в подрывной деятельности, направленной против политики правительства и его усилий по урегулированию карабахского конфликта. Это был серьезный сигнал, показавший не только "Дашнакцутюн", но и всей диаспоре, что руководство Армении не приемлет какого-либо вмешательства в управление страной. "Взаимное непонимание и недоверие, - подчеркивал Л. Тер-Петросян, - сохранятся до тех пор, пока лидеры диаспоры не свыкнутся с мыслью, что политика делается на этой земле"³. Однако продолжающаяся активность "Дашнакцутюн", её несогласие со многими ключевыми положениями политики АОД, послужили основанием для ещё более репрессивных мер. В декабре 1994 г. президент наложил запрет на деятельность "Дашнакцутюн" и всех её структур, включая печатные издания. Помимо этого, в том же и последующем годах по разным обвинениям были арестованы и отданы под суд ряд членов партии, включая одного из её лидеров⁴.

Важно отметить, что подобные действия властей осуществлялись на общем фоне отката от принципов демократического управления страной, неприятия не только критики, но даже сомнения в адрес проводимой ими политики в той или иной сфере. Показательным было в этом смысле отношение ко второй по значимости вернувшейся партии "Рамкавар-Азатакан". Эта партия в глазах как новых властей, так и значительной части общества изначально была дискредитирована своей отмеченной выше позицией всего лишь "мягкой оппозиции" к советским властям. Утвердившись в Армении в 1990 г., она, не в пример "Дашнакцутюн", трезво оценив собственные возможности, отказалась от претензий на власть (во всяком случае - на тот момент), и в целом заняла лояльную позицию по отношению к руководству Армении. Однако даже она, несмотря на свое традиционное противостояние "Дашнакцутюн", сочла необходимым выступить против репрессий в отношении последней, рассматривая их как серьезную угрозу для формирования демократического общества. В этом случае власти, не имея сколько-нибудь серьезных поводов для её запрета, прибегли к тактике иного рода - расколу партии изнутри. Именно в это время дала себя знать неразборчивость партии "Рамкавар" при комплектации своих рядов. Искусные действия властей увенчались успехом - партия раскололась, и, оказавшись в глубоком кризисе, выбыла из рядов основных политических сил

³ *Armenian International Magazine*. Los Angeles, March 1994, p. 32.

⁴ *Armenian International Magazine*, Los Angeles, November-December 1994, p. 37-38.

страны.

Кризис, однако, затронул и саму партию власти. Резкое падение её популярности и авторитета особенно ярко проявилось в ходе вторых президентских выборов в 1996 г., когда за переизбрание Л. Тер-Петросяна было отдано лишь 51,7% голосов избирателей. Но даже это количество было оспорено объединенной оппозицией, которая обвинила власти в фальсификации итогов выборов и попыталась штурмовать парламент. В ответ на это в город были введены войска и произведены аресты. Именно в эти дни парижская газета *Le Monde*, характеризуя политику властей Армении, писала: "Методы правления Тер-Петросяна напоминают те методы тоталитарного режима, которые Тер-Петросян критиковал в начале своей политической карьеры"⁵. Следует отметить, что в пользу подобного сравнения свидетельствовала политика властей не только внутри страны. В своем стремлении к полной нейтрализации политических сил диаспоры АОД, следуя примеру коммунистических властей Армении 1920-1930 г.г., предприняло попытку (правда, безуспешную) создания собственных структур в самой диаспоре в качестве альтернативы существующим там политическим партиям⁶.

Рассматривая политические процессы, протекавшие в Армении в тот период, было бы ошибочно пытаться однозначно оценивать как действия властей, так и противостоящих им сил. Как свидетельствует опыт государственного строительства на постсоветском пространстве, переход от тоталитарных к демократическим принципам построения общества сопряжен с трудностями самого различного рода. Провозгласившую независимость в 1991 г. Армению суждено было возглавить молодым людям (в большинстве своем в возрасте до 45 лет), не имевшим к тому времени никакого опыта государственной работы. Придя к руководству страной в условиях даже более экстремальных, чем в других республиках (энергетическая и транспортная блокада, военное противостояние с Азербайджаном и др.), они вынуждены были действовать поспешно и ситуационно, отложив до лучших времен разработку стратегии развития страны. С одной стороны, их искреннее желание скорейшего вывода страны из кризиса, трансформировавшееся в убежденность, что именно и только они способны на это, с другой - лавинообразный рост все

⁵ *Le Monde*, 4 октября 1996.

⁶ "Айастані Анрапетутюн", 11 августа 1994 г., на арм. яз. О противостоянии властей Армении и политических партий диаспоры и его влиянии на избрание нового главы Армянской Апостольской Церкви в 1995 г., см. Э.Л.Мелконян. Армянская Апостольская Церковь во взаимоотношениях Армении и диаспоры. // Религия и политика на Кавказе. - Ереван, Кавказский институт СМИ, 2004.

новых и новых проблем, в отсутствии средств и знаний для их решения, сделало их нетерпимыми к серьезным проявлениям несогласия с проводимой ими политикой. Вместе с тем, заглянув, образно говоря, в лицо власти - этого самого загадочного сфинкса - они не в состоянии были отвести от нее глаз, и упивались своей все более неограниченной властью.

Со своей стороны, вернувшиеся из диаспоры политические партии, стремясь как бы в одночасье наверстать свое 70-летнее отсутствие на родине, поспешили стать главными игроками на ещё не определившейся политической арене страны. Во имя этого они не только продолжили ставшую для них привычной борьбу друг против друга, но и с нескрываемым азартом ринулись в борьбу за власть. Тем самым они, вольно или невольно, не только во многом дискредитировали себя в глазах общества, но и в определенной мере спровоцировали жесткую политику правящей партии в отношении себя и оппозиции в целом. Все это, в конечном счете, оказало негативное воздействие на процессы демократизации армянского общества.

Вместе с тем, в подтверждение мысли о неоднозначности рассматриваемых явлений, можно говорить об их, пусть это не покажется парадоксальным, в целом позитивном влиянии на процесс становления самих политических институтов страны. В частности, они в значительной мере форсировали самоопределение основных политических сил. Подобное воздействие одним из первых ощутило на себе АОД. На начальном этапе своей деятельности оно объединяло значительную часть общества и отдельные организации, выступавшие за свержение коммунистического режима - основного препятствия на пути к независимости Армении и самоопределения Нагорного Карабаха. Это была достаточно рыхлая организация без четкой структуры, программных и уставных документов. Однако в условиях формирования все большего числа партий, в том числе и вернувшихся из диаспоры, она вынуждена была не только отказаться от претензии представлять интересы всего народа, но и в преддверии прихода к власти самоопределилась в качестве жестко структурированной партии со всеми необходимыми атрибутами. Именно это и позволило АОД успешно противостоять оппозиции, в том числе и "Дашнакцутюн". Но это же привело и к формированию из части членов АОД новой партии - Национально-демократического союза, ставшего одной из главных оппозиционных сил страны.

Для самой "Дашнакцутюн" три года запрета на её деятельность, как это ни странно, в целом сыграли положительную роль в плане

её самоорганизации. Именно в эти годы она не только избавилась от балласта - людей, вступивших в нее по сугубо конъюнктурным соображениям, но и обзавелась собственными лидерами на местах, обретших к тому же ореол мучеников из-за пребывания в тюрьме. И самое, наверное, главное - партия по необходимости переосмыслила тактику своей деятельности. Отказавшись от непомерных и непосильных амбиций, она смирилась с необходимостью постепенного усиления своего влияния, и притом за счет не только и даже не столько своих прошлых заслуг, сколько максимального учета политических реалий. Именно так повела себя "Дашнакцутюн" после того, как вновь был легализована вслед за вынужденной отставкой президента Л. Тер-Петросяна 9 февраля 1998 г. (под давлением премьер-министра Р. Кочаряна, избранного вскоре президентом, а также министров обороны и внутренних дел).

С этого времени "Дашнакцутюн" становится верным союзником действующего президента и партии власти, благодаря чему приобретает все более значимые позиции в исполнительной и законодательной структурах страны. Руководимая отныне местными партийными лидерами, она во имя сохранения и упрочения своих позиций декларирует приверженность нормам западной демократии, продиктованную членством Армении в европейских структурах. Нормам, некоторые из которых, прямо или косвенно, весьма чужды традиционным ценностям этой партии (альтернативная военная служба и т.п.). За последние 13 лет своей деятельности в Армении "Дашнакцутюн" прошла трудный путь трансформации из квазиполитической партии, каковой она была в течение 70 лет своего существования в диаспоре, в реальную политическую партию классического типа. И в качестве таковой сегодня она ответственна за разрешение проблем, препятствующих демократизации современного армянского общества.

В политическую партию классического типа трансформировалась и партия "Рамкавар". Ей, как партии, изначально исповедовавшей либерально-демократические ценности, казалось, было уготовано достойное место в политической системе обновленной Армении. Не обладая, однако, в достаточной мере идеологической, политической и организационной стойкостью и определенностью, она так и не оправилась после отмеченного кризиса середины 1990-х г.г. и перестала играть сколько-нибудь значимую роль в политической жизни страны. Последний всплеск её активности в период избирательной кампании в парламент в 2003 г. также не дал результата.

Что касается третьей партии диаспоры - Социал-демократичес-

кой партии "Гнчак", то её возвращение в Армению носило весьма условный характер, в первую очередь в силу её крайней малочисленности и непопулярности в обществе.

Участие диаспоры в процессах демократизации современного армянского общества, конечно же, не сводится лишь к политическим партиям. Предпочтение, отданное им в данной статье, объясняется высокой степенью политизации общества в целом и большими ожиданиями от политических партий.

Рубен Мелоян

ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ СМИ НЕЗАВИСИМОЙ АРМЕНИИ

Минувшие пятнадцать лет существования в Армении свободной, или относительно свободной, прессы - не очень долгий срок для того, чтобы давать оценку становлению армянских средств массовой информации в постсоветский период. Возможно, именно в силу короткой истории исследования этой сферы, как правило, ограничивались до сих пор локальными аспектами функционирования СМИ. В центре внимания обычно оказывались частные случаи: судьбы конкретных изданий и журналистов, освещёние определенных проблем, реакция СМИ на те или иные события.

Между тем, сегодняшнее положение в сфере СМИ Армении значительно отличается от ситуации как советского периода, так и первых постсоветских лет. Оглянувшись назад, можно сказать, что за полтора десятка лет пройден довольно значительный путь.

Рождение СМИ: 1988-1990. Самиздат, ученые и писатели

Реально годом зарождения в Армении свободной прессы можно считать 1988 год - начало карабахского движения. До этого времени объявленные в Советском Союзе перестройка, а вместе с ней гласность и свобода слова, мало отразились на армянских СМИ. Пресса продолжала грешить пафосом советского типа. Пропаганда, как и прежде, заменяла информацию - доминантой в газетах являлись официальные сообщения о властных фигурах и структурах. Сугубое внимание к власти, в принципе, типично для государственных СМИ, и обычно сочетается с игнорированием потребностей и интересов читательской аудитории. Кроме того, в тот период уровень публикаций в прессе Армении в целом оставлял желать много лучшего - печатью провинциальности и вторичности по отношению к российской прессе были отмечены едва ли не все армянские газеты.

Самиздат, получивший широкое распространение в России советского времени, в Армении глубоких корней не пустил. Однако с началом карабахского движения произошел всплеск самиздатовской активности. Практически этому способствовал и последний советский "Закон о СМИ", принятый в 1989 г. Новый закон не предусматривал четких ограничений рамок гласности, и, кроме того, позволял печатать до тысячи экземпляров издания без официальной регистра-

ции при Министерстве юстиции. К 1990 году сложилась ситуация, когда собственные издания можно было писать от руки, печатать на машинке, а так как множительная техника к концу 80-х практически вышла из-под контроля КГБ, то и проблем с печатанием, особенно если речь шла об относительно небольших тиражах, не было.

Фактически главной задачей армянских СМИ периода 1988-91 гг. стала контрпропаганда. Значительная часть материалов новых армянских газет представляла собой реакцию на многочисленные публикации о карабахском движении в центральной советской прессе, в частности, в газете "Правда", а также в официальных армянских органах печати. По мере того, как официальные издания стремились представить карабахское движение антигосударственным выступлением кучки экстремистов, армянский самиздат вел агитацию в пользу нового национального движения.

Этот период отмечен всплеском активности далеко не только самиздата. Даже такие газеты, как "Гракан терт" ("Литературная газета", орган Союза писателей Армении) или "Пионер канч" ("Клич пионера"), журнал "Гарун" ("Весна"), среди постоянных авторов которого был будущий министр обороны и премьер Армении Вазген Саркисян, полностью изменили профиль, сфокусировав все внимание на карабахской проблеме. Тиражи этих газет в этот период увеличились вчетверо - с 5 до 20 тысяч. Высокий интерес читательской аудитории к прессе того периода был продиктован не только политической ситуацией в стране и актуальностью статей, которые подвергались тщательному анализу и публичному обсуждению на каждом митинге. Этот период ознаменовался расцветом армянской публицистики, а не журналистики как таковой. Авторами значительной части материалов были писатели, ученые, творческая элита. Никогда прежде СМИ Армении не имели такой огромной аудитории, не владели умами до такой степени, не пользовались таким колоссальным уважением и доверием. Именно с началом карабахского движения, с усилением самиздатовской активности и относительным освобождением армянской прессы от тоталитарности и однопартийности, была заложена первоначальная основа будущей независимой прессы. Позже, по мере изменения политической ситуации в стране, из этой основы развились нынешние многочисленные издания.

Временем становления в Армении независимой прессы можно считать весь период с момента достижения республикой независимости. Важным для СМИ стал 1990 год, когда Верховный совет РА принял Закон "О средствах массовой информации". Именно тогда

началась трансформация самиздатовских газет в легальные. Так возникли такие издания, как, например, газета "Айк", ставшая главным источником информации о событиях в Нагорном Карабахе и альтернативной советской пропагандистской печати, на страницах которой регулярно выступали лидеры Комитета "Карабах".

Государственная цензура в Армении была упразднена ещё до принятия Закона 1990 г. "О средствах массовой информации". В целом армянский закон повторял принятый годом ранее советский закон о СМИ, но отличался деталью, существенно сказавшейся на развитии СМИ Армении. По новому закону, печатное издание должно было регистрироваться в Министерстве юстиции, если его тираж был равен или превышал сто экземпляров, а не тысячу, как того требовал последний советский закон. Это усиливало контроль государства за прессой и де-факто устанавливало нижний предел тиража, определяющий само понятие "средство массовой информации".

Партийная пресса: 1991-1994. Начало профессионализации журналистики

Период 1991-94 гг. отличался бурными изменениями в том числе и в сфере СМИ. С одной стороны, активная политическая жизнь новообразованного независимого государства (21 сентября 1991 г. в Армении был проведен референдум о независимости), а с другой - усилившаяся связь Республики Армения с армянской диаспорой Запада и возвращение на родину традиционных армянских партий послужили стимулом к зарождению и усилению партийной прессы. В 1991 г. начали выходить в свет семь новых газет - органов разных политических партий. Тенденции новой журналистики начали проявляться и на телевидении. На Национальном телевидении открылась информационно-аналитическая передача "Айлур", которая родилась благодаря таланту и энтузиазму журналистов новой волны.

При всем том тематически особой разницы между армянской прессой непосредственно до и после обретения независимости не наблюдалось. Шла война в Карабахе, и в прессе по-прежнему преобладали пафосные публикации и антиазербайджанская пропаганда. Отличие новой прессы состояло в том, что на смену публицистам-непрофессионалам первой волны начали приходить постоянные корреспонденты с постепенно растущим профессиональным уровнем.

Однако начавшийся в 1990-91 гг. газетный бум вскоре пошел на убыль. И хотя главную роль здесь сыграл экономический фактор, нельзя не отметить, что партийная пресса зачастую не пользовалась спросом из-за тенденциозности, отсутствия оперативной информации и просто низкого качества публикаций. Пожалуй, лишь газеты "Азг" и "Еркир", не ограничивавшиеся партийной тематикой, отличающиеся информативностью и высокой журналистской культурой, остались в числе наиболее читаемых в Армении газет. Дело здесь в том, что главными редакторами только этих двух газет были профессиональные журналисты, прежде работавшие в СМИ на Западе, ставившие во главу угла информацию, а не пропаганду, и не жалевшие партийных денег на покупку лент "Рейтер", "Франс-Пресс" и "Ассошиэтед Пресс". В результате из партийных газет только "Азг" и "Еркир" избежали славы агитлистков.

Экономический кризис, начавшийся в 1991 году, привел к тому, что вплоть до 1994 г. СМИ Армении находились на грани выживания. Так, зимой 1992-1993 годов из-за жесточайшего энергетического кризиса был приостановлен выпуск почти всех газет, кроме официальных "Айастан Анрапетутюн" и "Республика Армения", и органов богатых зарубежных партий "Азг" и "Еркир". Официальные газеты были передислоцированы в Президентский дворец, где имелось круглосуточное электроснабжение, а у "Азг" и "Еркир" были собственные источники электроэнергии.

В следующую же зиму, 1993-94 годов, многочасовые отключения электроэнергии привели к тому, что потребители лишились самого популярного источника информации - телевидения, а вместе с ним и радио. Информационный вакуум заполняли газеты, некоторые из которых к тому времени начали выходить достаточно регулярно. Однако купить газеты могли далеко не все, и даже публичные библиотеки не имели средств на подписку.

На смену энергетическому кризису 1992-94 годов пришло резкое подорожание газетной бумаги. Оно привело к тому, что к началу 1994 года в Армении практически не осталось самокупаемых газет. Выжили лишь те издания, которые нашли платежеспособных спонсоров или учредителей, а также те немногие, которые сумели сохранить с лучших времен запас бумаги.

1994: Разочарование. Запрет "Дашнакцутюн".

Хотя к 1994 году многие газеты стали выходить достаточно регу-

лярно, резко упал уровень интереса аудитории к печатным СМИ. В основе падения этого интереса лежит не только и не столько финансовый фактор, сколько резкое изменение социально-политического климата в стране и снижение у людей социальной активности. На смену взлету национального самосознания и постреволюционной эйфории 1988-91 гг., с которым совпал и пик интереса к СМИ, пришел экономический кризис и чувство глубокого разочарования, в том числе и в свободе слова, которая в изменившихся реалиях практически никак не влияла на политическую жизнь Армении и социальную обстановку.

Особенно глубокое разочарование испытали представители старшего и среднего поколения, привыкшие к действенности и прикладному значению советской прессы. Люди, пережившие эпоху, когда небольшой критической статьи в газете "Коммунист" было достаточно для снятия с должности, а то и привлечения к административной, а подчас и уголовной ответственности чиновников самого высокого ранга, не могли смириться с внезапно проявившейся для них беспомощностью прессы, когда самые громкие разоблачения со страниц газет могли стать лишь темой для обсуждения в городском транспорте. Именно 1994 год стал той чертой, за которой статус СМИ в Армении значительно изменился, они перестали играть значимую роль в социальной жизни республики, и их функция регулятора общественного мнения, и, соответственно, контроля над политическими процессами, заметно ослабла. Реально читательская аудитория каждой из газет к этому времени весьма сократилась. Наиболее читаемой становилась газета Министерства внутренних дел Армении "02", специализирующаяся в основном на криминальной хронике и детективных рассказах.

К 1994 году относятся и два важных события в жизни армянских СМИ. Во-первых, с этого года стала выходить газета "Аравот" - формально независимая газета, учредителем которой явился коллектив редакции. Благодаря оперативности, замешанной на скандалности, газета "Аравот" в первый период своего появления стала пользоваться большой популярностью среди читательской аудитории, являясь своего рода новацией газетного рынка.

Второе событие было гораздо менее оптимистичным, и явилось по сути первым заметным и сильным ударом по свободе слова в Армении. Указом президента Армении Левона Тер-Петросяна от 28 декабря 1994 г. была на полгода приостановлена деятельность партии "Дашнакцутюн". Вместе с партией были закрыты 13 СМИ и типо-

рафия. Дашнакская пресса считалась наиболее партийной среди армянских органов партийной печати, однако высокая информационная насыщенность позволяла ей иметь высокий рейтинг. Так, к моменту закрытия газета "Еркир" выходила очень большим для Армении того времени тиражом - 36 тысяч экземпляров. Не просто закрытие, но и арест имущества "Еркир", сопровождавшийся практически погромом в редакции, стал первым ярким свидетельством того, сколь иллюзорна свобода слова в новорожденной демократической Армении.

Правда, через три с лишним года издание "Еркир" возобновилось. В связи с этим другая ереванская газета, "Айоц ашхар", объявила, что становится независимой. В период запрета дашнакской партии эта газета считалась неофициальным партийным органом "Дашнакцутюн". Предполагалось, что и другие СМИ, имеющие отношение к "Дашнакцутюн", деятельность которых была прекращена указом президента Левона Тер-Петросяна, возобновят свою деятельность в случае наличия необходимых финансовых средств. Однако к 1998 г. возрожденная дашнакская пресса стала выходить в свет в сильно сокращенном объеме.

1995-1996: Экономические рычаги

Следующий период развития армянской прессы - 1995-1996 гг. - характеризовался определенной нестабильностью. Спрос на печатную прессу держался на невысоком уровне. Хотя цены на газеты не обеспечивали окупаемости, даже они стали слишком высоки для многих читателей. Дороговизна бумаги и небольшой спрос, и, следовательно, небольшие тиражи, лишили редакции газет надежд на прибыльность. Таким образом, к 1995 году главным словом в газетном деле становится слово "спонсор". Начинается приток в прессу частных денег, олигархи обзаводятся собственными газетами, лоббирующими интересы тех политических сил, к которым принадлежит или которые поддерживает "хозяин". Таким образом, на смену политическим методам воздействия на свободу слова приходят экономические рычаги.

Политическое воздействие на СМИ тем временем осуществлялось посредством типографий, в первую очередь издательства "Тигран Мец" (бывшего издательства ЦК компартии Армении), где печаталось подавляющее большинство ереванских газет. Как признала дирекция издательства, в период с 1994 по 1996 год по указанию

сверху они нередко отказывались печатать номера тех или иных газет под предлогом неуплаты долгов, даже ничтожных - в 200-300 долларов. Другие же газеты продолжали издаваться при наличии долгов в сотни раз больше.

Начиная с 1996 года, после окончательного преодоления энергетического кризиса, СМИ Армении вновь начали развиваться; появились независимые теле- и радиокomпании. На сегодняшний день таких компаний в Армении много; есть они и в провинциальных городах. Первыми ласточками этого процесса были телекомпании "А1+" и "АР", первая из которых заслуживает отдельного разговора, и не только потому, что стала единственным телеканалом, вещавшим круглосуточно. Телеканал "А1+" отличался от тогдашнего Национального телевидения не только своей оперативной и разносторонней информацией (новости "АйбФе" выходили в эфир каждые два часа), но и большим количеством авторских программ и даже фильмами и музыкой в эфире. За короткий срок "А1+" стал самым популярным телеканалом в Армении.

В 1996 году Армения официально выразила свое намерение стать членом Совета Европы и участницей Европейской конвенции по правам человека. В своей резолюции Комитет министров Европейского Совета высказался "в поддержку членства Армении, как только требования Устава Совета, а именно внедрения принципов парламентской плюралистической демократии, уважения к правам человека и создания правового государства будут выполнены". Свобода выражения мнения, в частности - свобода СМИ, признается одним из основополагающих принципов демократического общества. Чтобы стать членом Европейского Совета и частью европейской демократии, Республике Армения предстояло доказать, что она обеспечивает защиту свободы СМИ, в особенности дающей возможность прессе "играть свою ключевую роль общественного стража и передавать информацию и идеи, представляющие общественный интерес".

Однако сложившаяся к тому времени ситуация в СМИ была далека от этих стандартов. Это сполна продемонстрировали парламентские выборы 1995 года и президентские выборы 1996 года, когда пресса проявила крайнюю тенденциозность и работала не для избирателей, а для кандидатов в депутаты и в президенты. К тому же во время президентских выборов 1996 года имели место случаи травли СМИ. Вообще этот год Ереванский пресс-клуб и Комитет по защите журналистов сочли рекордным в истории независимой Армении по количеству фактов ущемления свободы прессы и прав независи-

мых журналистов. Все это внесло свой вклад в усиление атмосферы самоцензуры. Несмотря на то, что армянские СМИ в общем и целом продолжали критиковать власть и правящую партию АОД, некоторых тем они предпочитали не касаться во избежание негативной реакции со стороны государственных органов.

В то время как "Закон о СМИ" запрещает цензуру, в распоряжении власти имеется ряд прямых и косвенных способов контролировать содержание материалов. Так, несмотря на то, что закон дает журналистам право не раскрывать источник информации, в период с 1997 по 1998 годы был зафиксирован не один случай, когда Министерство внутренних дел и национальной безопасности вызывало журналистов, работающих в независимых агентствах или газетах, и требовало от них раскрытия источников информации.

1997: Статья снимает президента

В 1997 году произошло событие, напрямую связанное с прессой, которое в корне изменило расклад сил в Армении. Речь идет о статье "Война или мир: время стать серьезными" в газете "Айастан Анрапетутюн", посвященной карабахскому урегулированию и вызвавшей в обществе невиданный накал страстей. В конечном итоге, событие это привело к отставке президента Тер-Петросяна и фактическому уходу с политической арены всей верхушки правящей партии АОД. Уникальность ситуации, когда впервые на территории бывшего СССР одна газетная статья стала причиной отставки главы государства, состоит ещё и в том, что автором статьи являлся сам президент Тер-Петросян.

Отставка Левона Тер-Петросяна и АОД, в свою очередь, повлияла на положение в СМИ. Телеканал "A1+" фактически превратился из СМИ в политическую партию, яро оппозиционную по отношению к новому президенту Роберту Кочаряну. Соответственно, резко изменилась и новостевая политика телеканала, превратившаяся в контрпропагандистскую. Это неизбежно привело к падению интереса к телеканалу, поскольку если новости национального телевидения начинались и кончались панегириками президенту, то новости на "A1+" полностью состояли из критики Кочаряна.

Вплоть до своего закрытия в апреле 2002 года канал "A1+" продолжал вести ту же политику в отношении властей, за что, по мнению коллектива и многих независимых наблюдателей, в конце концов поплатился. В пользу того, что решение Национальной комис-

сии по телевидению и радиовещанию о лишении лицензии на вещание телеканала "A1+" и ещё одного откровенно оппозиционного телеканала ("Ноян тапан") было напрямую продиктовано властями и имело политическую, а не техническую подоплеку, говорит хотя бы то, с какой легкостью позже получали лицензии другие телеканалы. "A1+" и "Ноян тапан" до сих пор не вернулись в эфир, несмотря на многочисленные обещания, данные властями и лично Робертом Кочаряном не только общественности Армении, но и представителям Евросоюза и ОБСЕ.

От отставки Тер-Петросяна и изменений политических реалий пострадали даже официальные газеты - "Айастан Анрапетутюн" и "Республика Армения". Несмотря на то, что редакционные коллективы являлись соучредителями и соиздателями газет, новоизбранный спикер парламента назначил главных редакторов обеих газет по своему усмотрению, хотя коллективы предложили собственные кандидатуры на эти должности. Таким образом, Национальное Собрание нарушило независимость редакций газет. В связи с этой историей в обществе была вновь затронута тема государственного контроля над прессой и целесообразности существования государственных СМИ в стране, делающей попытки построить демократию.

Армянские СМИ сегодня

Несмотря на то, что "Айастан Анрапетутюн" и "Республика Армения" и сегодня продолжают оставаться органами парламента, их некогда высокий рейтинг катастрофически упал, особенно в случае русскоязычной "Республики Армения" (превратившейся из ежедневной в еженедельную). Это сопряжено, в первую очередь, с резким сокращением государственного финансирования. Сегодня государство предпочитает иметь "свою" прессу, не афишируя свой "патронаж". Многие формально независимые издания спонсируются олигархами, сросшимися с высшей государственной властью, и лоббируют её интересы.

Самым крупным медиа-магнатом Армении считается министр обороны Серж Саркисян, которому приписывают контроль над телеканалом "Прометевс" (ранее принадлежавшим бизнесмену Сенику Петросяну), газетами "Айоц ашхар", "Голос Армении" и, как ни странно, отчасти - над главной оппозиционной газетой "Аравот". В последнем случае ведется более тонкая игра: позволяя себе критику президента Кочаряна по любому поводу и без повода, в отношении

С. Саркисяна газета проводит политику "либо хорошее, либо ничего".

Нескольким крупным бизнесменам принадлежат ведущие частные телеканалы Армении. В принципе армянских олигархов больше привлекают электронные СМИ, нежели газеты, что неудивительно, если учитывать, что телевидение все больше вытесняет газеты с рынка информации и доминирует на рынке рекламы, который медленно, но постоянно расширяется.

Как и в первые годы независимости, по-прежнему существенна роль армянской диаспоры в процессе становления независимой прессы в Армении. Существование большой и богатой армянской диаспоры - фактор, который всегда отличал Армению от остальных стран на постсоветском пространстве. В сфере СМИ роль диаспоры проявлялась не только в притоке в прессу независимой Армении денег и опыта традиционных армянских партий, все советское время действовавших за пределами бывшего СССР и соцлагеря. На последнем этапе развития армянских СМИ их покой уже дважды нарушался представителями армянской диаспоры - оба раза из России.

В первый раз это произошло в 2000 году, когда амбиции предпринимателя из Москвы Аркадия Вартаняна заставили его вернуться на Родину и бросить вызов действующей власти. Трибуной для своей борьбы он избрал газету "Новое время", которая до этого в течение нескольких лет получала от него финансовую помощь. В начале только "Новое время", а затем и другие газеты и электронные СМИ подняли шумиху вокруг довольно одиозной фигуры Вартаняна. Все, однако, закончилось также быстро, как и началось - Аркадий Вартанян был сначала арестован, а затем выдворен из страны, а газете "Новое время" посоветовали "пересмотреть свои позиции во избежание недоразумений", что она и сделала.

В отличие от Вартаняна, предприниматель из Волгограда Тигран Карапетян никогда прежде СМИ не занимался. Однако, вернувшись в Ереван в 2001 году, он активно приступил к созданию собственного медиа-холдинга. К 2003 г. в составе созданного Карапетяном "АЛМ-Холдинга" уже были телеканал, газета и радиостанция. При этом телеканал "АЛМ" - новый, а газета "Авангард" и FM-радиостанция существовали прежде и были куплены Карапетяном. Интересно, что Карапетян предпочел не нанимать известных телеведущих, а по несколько часов ежедневно сам выступать в своей авторской программе, что до этого никогда и никем в Армении не практиковалось. Программа поначалу пользовалась огромным успехом, но её

уровень постепенно падал.

Результаты сравнения сегодняшнего состояния печатных СМИ с периодом с 1988 по 1993 годы - пика интереса к прессе - неоднозначны, и мнения здесь расходятся. Во всяком случае, порядка трети постоянных читателей газет отмечают регресс в области свободы прессы. Особенно разочарованы степенью свободы слова в печатных СМИ по сравнению с первыми годами независимости люди с высшим образованием. С другой стороны, отмечается обратно пропорциональная связь между возрастом читателей и оценкой свободы прессы за последние 10 лет, то есть молодежь выше оценивает процесс либерализации СМИ.

Хотя пресса больше не играет существенной роли в социально-политической жизни Армении, в целом можно говорить о стабилизации ситуации в СМИ. Как и в предыдущие годы, одной из основных проблем для армянских средств массовой информации остается неоправданное ограничение на свободу получения информации. Закон гарантирует свободу прессы, запрещая цензуру и монополию на СМИ. Однако на практике негосударственные, оппозиционные СМИ оказываются в менее выгодном положении при получении информации от официальных источников. Специальные отделы или пресс-службы правительственных учреждений не всегда выражают желание предоставить информацию, особенно тем СМИ, которые обычно критикуют власти. Ситуация, связанная с доступом к официальной информации, не особенно изменилась даже после того, как в государственных структурах были созданы пресс-службы. А так как и новый Закон "О средствах массовой информации", прошедший уже третье чтение в Национальном Собрании, и ожидающий лишь подписи президента Кочаряна, не дает журналистам никаких инструментов борьбы с необоснованным отказом предоставить им информацию, можно ожидать, что практика произвольного контроля над официальной информацией продолжится и в дальнейшем.

Монополия на печатные средства и сеть распространения периодики служит одним из инструментов контроля над прессой. Монополия издательства "Тигран Мец" по-прежнему в силе. Что касается распространения, годами печатные издания распространялись через государственное предприятие "Аймамул" ("Армпечать"), которое и по сей день продолжает оставаться монополистом. Известен случай, когда "Аймамул" отказал в распространении тиража номера газеты, содержавшего материалы с критикой власти. А однажды весь тираж

номера еженедельника "Айжм" (официального органа оппозиционного Национально-демократического союза) был конфискован "Аймамулом", так как в номере была помещена статья, критикующая сам "Аймамул". В конце 2002 года "Аймамул" приватизировал газетные ларьки. Правда, уже несколько лет на рынке распространения печатной продукции появились независимые агентства, но пока считать их конкурентами "Аймамула" невозможно. А свободу прессы трудно представить без беспрепятственного распространения газет.

В Армении экономическое положение пока не позволяет полностью сложиться рынку рекламы, которая стала бы одним из основных источников дохода прессы и обеспечила её независимость. Анализ соотношения стоимости одного квадратного сантиметра рекламы в газетах с их тиражом и объемом публикуемой рекламы не обнаруживает какой бы то ни было связи между этими параметрами. На сегодняшний день лишь несколько редакций могут похвастаться, что газета для них - прибыльный бизнес. Среди таковых печатающие программу телевидения газеты "Эфир" на русском и "Етер" на армянском языке, тираж которых превышает 50 тысяч экземпляров, и еженедельник "Деловой Экспресс", который при небольшом тираже в 5 тысяч и цене в 150 драм (то есть в полтора раза больше обычных газет) на три четверти состоит из рекламы и объявлений. А из общественно-политических газет лишь еженедельник "Иравунк", издающийся тиражом в 10 тысяч (в период выборов тираж возрастает вдвое), не только самофинансируем, но и отчасти покрывает нужды своего учредителя - оппозиционного Союза "Конституционное право". Из-за ограниченной покупательной способности населения независимые издания не в состоянии установить такие цены, которые покрыли бы расходы на печать. Поэтому экономические трудности и сегодня являются наиболее серьезной угрозой свободы прессы в Армении и наиболее сильным рычагом давления на нее. Так, в 2003 году из-за отсутствия финансов закрылись две оппозиционные газеты.

Таким образом, как и в предыдущие годы, финансовые трудности остаются главной проблемой, угрожающей выживанию независимых СМИ. Изменения, предусмотренные в новом законе, с целью привести новое законодательство о СМИ в соответствие с международными стандартами и во имя формирования свободной прессы, вызывают негативную реакцию среди большинства независимых журналистов, убежденных, что новый закон в большей мере призван

выполнять роль цензора. Как и в предыдущие годы, несовершенное законодательство, финансовые трудности, неразвитая судебная система, отсутствие хорошо организованных акций журналистов в защиту своих прав и свобод продолжают препятствовать становлению полноценной свободы СМИ в Армении.

Нина Искандарян, Анна Карагулян

**ЖЕНЩИНА В НОВОМ АРМЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ЕСТЬ ЛИ
ИЗМЕНЕНИЯ НА БАЗОВОМ УРОВНЕ?**

Вполне естественно ожидать, что в переходном обществе в числе прочих перемен начнет происходить и изменение гендерных ролей. За ходом этого процесса в постсоветских странах, и в Армении в частности, в последнее десятилетие пристально наблюдают как ученые, так и представители международных структур, следящие за соблюдением (а чаще несоблюдением) Арменией целого ряда подписанных ею конвенций и соглашений, касающихся положения и прав женщин. Пытаются разобраться в ситуации и различные организации, занятые оказанием гуманитарной помощи, человеческим развитием и пр.

В ходе таких наблюдений имеет смысл попытаться выявить социальные корни происходящих перемен. В частности, важно определить, что происходит в гендерных отношениях на самом базовом (grassroots) уровне - меняется ли что-нибудь в семье, в школе? И каковы те, пусть и очень медленные, сдвиги, которые все же происходят - это сдвиги в направлении равноправия мужчин и женщин, или, может быть, они направлены в противоположную сторону?

Провозгласив ориентацию на демократические ценности, Армения дала в числе прочих многочисленные обязательства, касающиеся обеспечения гендерного равенства, защиты прав женщин и т.п. Международные конвенции, законы и политические платформы, конечно, представляют собой очень важные инструменты. Однако не стоит рассчитывать на большой эффект таких документов до тех пор, пока необходимость предписываемых ими реформ не осознана не то что обществом в целом, но даже и элитами, тем более, что обязательства в гендерной сфере очень часто подписываются правительством "в пакете" с прочими обязательствами, касающимися проведения демократических реформ, и не воспринимаются как отдельная задача.

В последние годы руководство Армении начало гораздо активнее принимать меры, направленные на улучшение гендерной сферы - в первую очередь под давлением международных организаций и благодаря их материальной помощи. На сегодняшний день в Армении реализуется целый ряд программ и проектов, направленных на поддержку человеческого развития в целом и гендерной сферы в част-

ности¹.

Однако, несмотря на любые усилия "сверху", в области гендерных взаимоотношений, как и в любой другой сфере общественной жизни, развитие может стать устойчивым только тогда, когда оно коснется самого базового уровня. О прочных изменениях в сфере гендера можно говорить лишь в той степени, в какой в обществе в целом меняются установки мужчин и женщин по отношению к гендерным ролям, появляется новый набор ожиданий по отношению к мужчинам и женщинам, и соответственно меняется стиль воспитания мальчиков и девочек.

Когда все началось: вековые традиции и советское наследие

В Армении патриархальный уклад дожил до советской эпохи и благополучно пережил её. Даже по советским меркам Армения (как и две другие республики Южного Кавказа) считались более "ориентальными", чем другие республики европейской части СССР. Так, несмотря на все старания советской власти, к концу советского периода в Армении процент женщин-домохозяек оставался относительно высоким. Роль женщины в обществе главным образом виделась как роль жены и матери, соответственно, социальный статус матерей-одиночек и разведенных женщин был довольно низок, невелико было и их относительное число. К женщинам, делающим карьеры, относились скептически, это считалось способом компенсировать неудачную личную жизнь (женщина-начальник = "синий чулок" и т.п.). В столице отношение к женщинам, настроенным на профессиональный успех и признание, было более позитивным, чем в регионах, но и сих пор в опросах общественного мнения женщины отмечают, что мужчины (как члены семьи, так и коллеги) отговаривают их делать карьеру, советуют не забираться слишком высоко, в "мужской мир". Естественно, такое распределение ролей прививалось с детства. Как это обычно бывает при традиционном укладе, в армянском обществе у мальчиков и девочек воспитывались разные личностные качества: у мальчиков поощрялась активная общественная и профессиональная деятельность, а у девочек - сосредоточенность на семейной жизни, быте.

Что изменилось с выходом из СССР? Существует широко известный и часто упоминаемый факт, что в начале постсоветского периода во многих республиках произошло довольно заметное снижение участия женщин, например, во властных структурах, причем это

¹См. Республика Армения. Национальный доклад. 49ая сессия Комиссии ООН по положению женщин. Нью-Йорк, 28 февраля - 11 марта 2005 г. http://www.undp.am/publications/gender/gender-report/broshur_rus.pdf.

снижение вначале произошло скачкообразно, а затем продолжалось на протяжении первых лет независимости. Достаточно просмотреть такие данные, как процент женщин в парламенте, в управленческих структурах и т.д. Так, до провозглашения независимости, в Верховном Совете Армянской ССР женщины занимали 35,6% мест, в первом парламенте независимой Армении - шесть процентов, во втором - менее четырех. Аналогично выглядят цифры за первые постперестроечные годы почти по всему бывшему СССР.

Однако нужно помнить, что гендерное равенство в советские времена во многом носило декоративный характер, и публичные декларации о равенстве полов прекрасно уживались с дискриминацией женщин во всех сферах жизни. Поэтому максимальное представительство женщин имелось в таких государственных органах, которые обладали чисто номинальными полномочиями - например, в Верховном Совете. Реальные же решения принимались на уровне ЦК - органа, состоявшего почти исключительно из мужчин.

Кроме собственно пропаганды, причиной кажущегося равенства полов в СССР были советские экономические реалии. Зарплаты были такие, что один человек, как правило, не мог прокормить семью, а социальные пособия матери и ребенку были совершенно недостаточны для достойной жизни. Стимулируя коллективизацию воспитания детей, пособие на ребенка в СССР платили маленькое и очень недолго. Поэтому даже многодетным матерям нередко приходилось работать на полную ставку, чтобы прокормить семью на приемлемом уровне. Тем не менее, соответственно семейным традициям, а также советским нормам, работающая женщина должна была нести на себе всю тяжесть домашних забот, в то время как мужчина практически не тратил времени на воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. В результате жизнь женщины становилась невыносимой, между тем как власти имели возможность похвастать "равенством полов" на основании статистики, показывавшей высокий процент работающих женщин.

Привычка манипулировать цифрами в пропагандистских целях - не лучшая предпосылка для развития. Новая власть незамедлительно переняла у старой манеру морочить голову своему народу, международному сообществу и самим себе с помощью оптимистических цифр, чаще всего взятых из натянутой официальной статистики. Так, по данным исследований, проводившихся UNICEF в 2000-2001 гг., реальный уровень детской смертности в Армении был очень высок и достигал 36 на 1000 рождений, в то время как официальная

статистика называла вполне "благополучную" более чем вдвое меньшую цифру - 15 смертей на 1000 рождений.

Ещё одно советское наследие, влияющее на гендерную сферу - это пассивность граждан и, следовательно, бездействие гражданского общества. Для посткоммунистических стран типично то, что женщины сами по себе очень редко активны в борьбе за свои права, женские движения - явление в армянском обществе новое и до сих пор отчасти маргинальное. В целом советские граждане были приучены вести себя социально пассивно. Полтора десятилетия независимости - недостаточно долгий срок, чтобы люди советской закалки отвыкли от мысли, что их проблемы самого разного уровня должно решать правительство.

Постсоветский кризис

Новая экономическая ситуация и в первую очередь - обрушение советской экономической системы - серьезно сказалось на положении женщин в постсоветских странах. Бедность, тяжелые социально-экономические условия и поныне остаются острейшими проблемами многих стран бывшего Советского Союза. В Армении экономический спад начался и развивался быстрее, чем в других постсоветских государствах. За счет целого ряда факторов (в том числе войны и блокады) крушение советской экономики Армении стало более резким и необратимым, чем во многих других республиках. Экономический спад неизбежно привел к всеобщему социальному кризису, затронувшему все сферы жизни, и в том числе - гендерные отношения. Невозможно в такой маленькой статье представить все факты, касающиеся гендерного компонента этого кризиса, поэтому приведем лишь несколько наглядных примеров.

Во всех постсоветских государствах, в Армении в том числе, женщины сильнее всего пострадали от безработицы. Уровень женской безработицы вдвое выше, чем мужской (14,1 против 6,9%). С первых же лет независимости социальная структура начала ослабевать, уровень рождаемости пошел на спад. Ежегодный прирост населения за годы независимости постепенно снижается. Количество разводов растет, количество браков уменьшается, растет число детей в детских домах.

Кризис привел к массовой экономической эмиграции - в основном мужчин. В результате экономика Армении в гораздо большей степени, чем когда-либо, легла на плечи женщин. По различным

данным, из Армении начиная с 1991 года эмигрировало от 800 тысяч до 1 миллиона человек (в основном мужчин в возрасте от 18 до 50 лет), одни навсегда, другие - на время. Количественное соотношение мужчин женщин сместилось в сторону последних, и, соответственно, выросло число неполных или разлученных семей.

Кризис привел и ко многим другим негативным последствиям. Так, сразу после распада СССР, образовательный сектор стал одним из наиболее низкооплачиваемых секторов экономики, и качественное высшее образование перестало быть залогом получения хорошей работы. Соответственно, мужчины, пытаясь играть традиционную роль кормильцев семьи, более не стремились к получению образования. В результате один из важнейших секторов национального развития - образование - испытывает серьезный гендерный перекос: среди граждан, имеющих или получающих высшее образование, женщин больше, чем мужчин.

Однако здесь есть исключение - это кандидаты наук. В 1998 году наблюдался резкий прирост числа мужчин среди кандидатов наук. Причина проста - кандидаты наук освобождаются от обязательной службы в армии. Теперь, когда в Армении много частных вузов, стало намного легче получить ученую степень, и нетрудно догадаться, что мужчины используют эту возможность для того, чтобы избежать воинской службы. Без сомнения, это ведет к дополнительному снижению образовательных стандартов.

Ещё одна сфера, где кризис поначалу резко усугубил проблемы советского периода - это сфера репродуктивного здоровья. В СССР тема контрацепции была запретной. Аборт, легализованный в 1950-ые гг., стал тогда основным методом планирования семьи. В независимой Армении этот показатель повысился, отчасти из-за того, что статистические данные о числе абортов стали более достоверными. Изначально высокие показатели удвоились между 1989 и 1996 гг.: с 34.7 абортов на 100 рождений в 1989 году до 65.1 в 1996 году. С 1997 года Министерство здравоохранения приняло Национальную программу улучшения репродуктивного здоровья, реализуемую совместными усилиями правительства, ВОЗ и Фонда народонаселения ООН. В результате к 2003 году число абортов снизилось вдвое по сравнению с 1997 годом, но все же оно и поныне остается большим.

Возвращение к традициям?

Со времен приобретения независимости в армянском обществе

повсеместно проявлялось сопротивление переменам, неприятие новых ролей, отторжение нового стиля жизни, диктуемого новыми реалиями. На протяжении столетий Армения не имела государственной независимости, входя в состав империй. Соответственно, армяне привыкли придавать особое значение традициям как способу сохранения этнической идентичности, и пытались придерживаться их, даже тогда, когда они становились помехой на пути социального развития. Недавняя война в Нагорном Карабахе способствовала усилению этой тенденции. Массовая эмиграция из Армении в середине 90-х усилила сплочение тех, кто остался в стране и пережил суровые зимы 1992-1993 годов. Как и во многих других постсоветских странах, возвращение к традиционному укладу стало одним из способов скрепления рассыпающейся социальной ткани.

Следствием либеральных политических реформ и всеобщего коллапса советской экономической системы стало рождение "примитивного капитализма", закрепившего тенденцию к архаизации общественных отношений. Закрылось большинство крупных предприятий, где работали сотни людей. Открывалось все больше семейных предприятий. Особенно это коснулось села: с роспуском колхозов и приватизацией земли все сельские хозяйства стали семейными. Небольшие объединения стали возникать на более позднем этапе, а поначалу почти на каждой ферме в Армении трудилась только одна крестьянская семья. Да и в городах в первые годы существования новой экономики преобладали небольшие фирмы, семейные предприятия. Таким образом, изначально достаточно архаичные гендерные отношения в армянском обществе в ходе общественной трансформации во многом подверглись дополнительной архаизации. Откат к традициям, характерный для обществ, переживающих глубокий кризис, проявился в Армении особенно остро в середине 90-ых годов и особенно в сельской местности.

Так, в июле 1997 года имел место весьма несуразный эпизод. На сессии ООН, посвященной ликвидации дискриминации в отношении женщин, Армения была единственной страной, представленной двумя мужчинами (все остальные страны представляли женщины). Хуже того, официальный отчет по выполнению Конвенции по ликвидации всех форм дискриминации женщин в Армении включал следующую формулировку: "в отличие от женщин, прав у мужчин в семье больше, а обязанностей намного меньше. В соответствии с семейными традициями, мужчина имеет право подвергать женщину физическому наказанию". Хотя женщины-активистки и были шоки-

рованы, армянское общество в целом осталось равнодушным к этому открытию, и вся эта история никому не показалась особенно неприличной.

В целом первые годы независимости доказали тот факт, что декларативное "равенство полов" в советские времена не имело подлинных корней в обществе. Гендерная составляющая долгое время игнорировалась и при проведении в новорожденной Республике Армения политических, экономических и социальных реформ. Представительство женщин в управленческих структурах продолжало идти на спад вплоть до конца девяностых годов. Новые органы власти в основном состояли из мужчин. В парламенте 1995 года было лишь чуть более 6% женщин, многие из них представляли партию "Шамирам" - элитарную организацию, созданную в политических целях и никогда реально не занимавшуюся проблемами женщин. На парламентских выборах 1999 года "Шамирам" не набрала необходимых 5 процентов голосов. В тот год женщины заняли меньше четырех процентов мест в парламенте, среди министров женщин не было вообще, была только одна женщина-замминистра. Лишь на выборах 2003 года процент женщин в парламенте наконец возрос, пусть и ничтожно - до 4,1%.

Базовые изменения

Между тем на самом базовом уровне изменения начались почти сразу с распадом СССР. Поначалу многие женщины в постсоветской Армении начали искать работу и стали социально активными почти исключительно по экономическим мотивам. Хотя в результате экономического коллапса работу потеряли и мужчины, и женщины, последствия оказались разными для тех и других. В новом обществе многие безработные женщины или прежние домохозяйки нашли работу, сменив мужчин в роли кормильцев семьи. Для мужчин решением проблемы зачастую становилась трудовая миграция. Дополнительно сдвигая гендерный баланс в обществе, отток мужчин толкал женщин на ещё большую социальную активность.

Многие специалисты считают, что женщины в принципе лучше адаптируются к новой экономической реальности, чем мужчины. Оказавшись в бедственном положении, женщины легче соглашались на тяжелую, низкооплачиваемую или малоквалифицированную работу, лишь бы прокормить семью. В результате общественной трансформации многие мужчины переживают глубокий кризис в

связи с потерей статуса, чувствуют себя бесполезными и ненужными, женщины же чаще идут на любую работу, пусть и непрестижную.

Оставленные один на один со своими проблемами, с первых лет перемен армянские женщины стали активно вовлекаться в малый бизнес в таких сферах, как фермерство, торговля и обслуживание. Участие женщин в бизнесе активно росло. Начиная с 2000 года стало увеличиваться и число женщин во власти, хотя и очень медленно: и сейчас в Армении лишь три женщины-замминистра, и только одна женщина некоторое время занимала должность министра труда и социальных вопросов.

В последние годы в области воспитания детей, особенно в столице, происходят изменения в сторону чуть большего гендерного равноправия. В некоторых ереванских школах девочки и мальчики вместе занимаются рукоделием, спортом - раньше многие занятия делились по половому признаку, только "для мальчиков" или "для девочек". Если в сельской местности девочки и поныне почти не посещают спортивные секции, то в Ереване девушки все больше занимаются спортом, в том числе его такими традиционно "мужскими" видами, как футбол или кикбоксинг. В целом, если старшие поколения продолжают страдать ностальгией по коммунистическому прошлому, то у молодежи повсеместно наблюдается стремление стать ближе к западной цивилизации. Кроме того, дети матерей, у которых успешно складывается карьера, более ориентированы на равные роли.

Принимая во внимание эти тенденции, плюс давление международных организаций, а также то, что большое количество женщин получает высшее образование, можно предположить, что со временем женщины будут составлять все большую часть интеллектуального авангарда нации, и, соответственно, будущее Армении будет во все большей мере в руках женщин. Если в начале постсоветской эры многие женские организации были политическими инструментами в руках мужчин, или же носили чисто декоративный характер, и в первую очередь использовались как приманки для западных инвесторов, то к середине 90-ых ситуация начала меняться. По разным оценкам, на сегодняшний день в Армении реально действует около 60 независимых женских организаций, деятельность которых сосредоточена в основном на женских проблемах. Они занимаются поиском новых путей активного вовлечения женщин в общественную жизнь, ищут сотрудничества между собой и с другими государствен-

ными и негосударственными структурами.

Движение это только зарождается, но очень важно, чтобы прогресс в этой сфере также шел на самом базовом уровне. Как отмечалось ещё в 1999 году в Отчете Программы развития ООН о статусе женщин в Армении, "чтобы это движение проявилось как реальная социальная и политическая сила, число неправительственных организаций и групп, в первую очередь на базовом уровне, должно увеличиться как минимум десятикратно, в то время как число участников и членов должно возрасти как минимум в 20-30 раз... В целом большинству женских НПО и организаций ещё предстоит достигнуть социальной зрелости. Во вторых, даже беглый взгляд на женские НПО дает четкое представление о том, что они действуют в основном порознь, без надлежащей координации. До тех пор, пока эта изоляция не преодолена, преждевременно говорить о женском движении в Армении. Несмотря на это, разнообразие и плюрализм женских НПО не являются непродуктивными, так как в результате рамки их деятельности расширяются. Более того, реальность такова, что растущая социальная стратификация будет отражаться (хотя и необязательно симметрично) в виде растущей мозаичности и неоднородности неправительственных организаций, имеющих различные интересы, предпочтения и цели"².

Есть основания ожидать, что, несмотря на консерватизм армянского общества по отношению к гендерным ролям и на тяжесть советского наследия в этой сфере, сегодняшние улучшения, хотя и не очень заметные, но реально происходящие на базовом уровне, будут происходить и далее, и в конечном счете лягут в основу демократического развития страны.

²О женских НПО Армении см. также Republic of Armenia Report on Post-Beijing Activities of Women's NGOs. 2005.
http://www.undp.am/publications/gender/beijing/RAReport_Post-BeijingActivities_Eng.pdf.

ГРУЗИЯ

Ивлиан Хаиндрава

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Конец 2003 - начало 2004 года можно считать завершением одного и началом нового этапа в жизни постсоветской Грузии. Без претензии на всеобъемлющий охват темы представляется целесообразным проанализировать ряд событий, оказавших значительное влияние на течение политической жизни в стране за годы независимости. За точку отсчета резонно принять 1990-й год, когда в условиях ещё существовавшего тогда СССР Грузия провела первые многопартийные парламентские выборы.

Период с 1990-го по 2003-й годы можно разделить на два основных этапа. Первый - 1990-95 г.г. - вместивший в себя пять выборов (дважды парламентские, дважды президентские и одни местные), государственный переворот, гражданский конфликт, войну в Абхазии, разгул военизированных группировок и беззаконие, крушение экономики и гиперинфляцию - вылился во всеобъемлющий хаос в масштабах всей страны. Начался, впрочем, этот этап вполне успешно - отстранением от власти коммунистов ненасильственным путем (сами коммунисты, как известно, подобных методов не практиковали). Да и завершился, можно сказать, тоже успешно: принятием конституции в августе 1995-го, введением национальной валюты и оформлением контуров государственности. Но все то, что происходило между началом и концом этапа, трудно поддается описанию в общепринятых рациональных терминах и является сферой исследования скорее для этнологов, психологов или даже психиатров, чем для политологов. В силу этого и в целях экономии места просто обозначим первый этап как болезненный и жестокий "переход к переходу" - transition to transition.

Второй этап - 1995-2003 годы - в свою очередь, можно разделить на три фазы. В 1995-98 годах страна начала было продвигаться к конституционному правопорядку, внешнеполитическая ориентация на Запад приобрела необходимую четкость, реформы в разных областях получили законодательную базу (пусть и неполную и несовершенную), воплотились в жизнь демократические институты (Конституционный суд, Офис народного защитника - омбудсмена). Увенчалась эта фаза принятием Грузией - первой из государств Южного Кавказа - в Совет Европы. Именно этот непродолжительный отрезок можно назвать переходным (transition) в том смысле этого

слова, какой обычно в него вкладывается.

Следующая фаза - 1998-2001 гг. - годы застоя, фактической легализации коррупции и разрастания её до всеобъемлющих размеров, замораживания реформ, глубокого разочарования граждан и их отчуждения от государства и власти. Назовем его "переходом без перехода" - transition without transition.

Наконец, 2001-03 годы - стремительное одряхление и эрозия режима Эдуарда Шеварднадзе, досрочное завершение его президентства, и завершение второго этапа в целом.

Несмотря на существенную разницу между тремя вышеупомянутыми фазами, я не выделяю их в самостоятельные этапы, и рассматриваю как логически единый процесс хотя бы по той простой причине, что прошла их Грузия под руководством одного и того же президента и одной и той же партии. И процесс деградации или даже дегенерации правящей элиты представляется достаточно характерным и поучительным, чтобы остановиться на нем подробнее.

Краткий курс истории СГГ

Партия власти, она же - президентская партия "Союз граждан Грузии" (СГГ) - была учреждена в 1993 году (официально зарегистрирована в 1994 г.), и до ноября 2003 года управляла страной, во всяком случае - теми её областями, на которые распространяется фактическая юрисдикция Тбилиси. Термин "партия" в случае СГГ достаточно условен; по существу это была правящая организация на манер Коммунистической партии Грузии 70-ых-80-ых годов - в большинстве своем деидеологизированный конгломерат, членство в котором было чуть ли не обязательным для успешной управленческой, хозяйственной, и, за редким исключением, научной или творческой карьеры. Следует отметить, что даже в советское время внутри партийной верхушки просматривались лагеря "реформаторов" и "реакционеров", хотя основная масса членов партии в последние десятилетия советского режима проявляла полное равнодушие к вопросам идеологии, ибо в коммунистической успела разочароваться давно, а в существовавших условиях обзавестись новой не могла, да и не стремилась.

СГГ под руководством Эдуарда Шеварднадзе тоже стал притягательным благодаря фактору власти, привилегиям, "режиму наибольшего благоприятствования" для его членов. Основную массу конгломерата СГГ составили комсомольские активисты, аппаратчики, но-

менклатура, старые и новые полулегальные бизнесмены, "всегда готовая продаться советская интеллигенция" (выражение Владимира Буковского). При этом в СГГ тоже просматривались реформаторское крыло, вернее - крылышко, именуемое "младореформаторами", и менее формализованное, на взгляд извне, но гораздо более многочисленное сообщество ретроградов.

Эти фланги в течение первой фазы мирно уживались, добиваясь каждое своих целей: реформаторы проводили через парламент либеральные законы, а ретрограды лоббировали личные интересы и бизнес своих кланов. Фаза эта завершилась именно тогда, когда дальнейшие игры в реформы показались окрепшим экономически и политически новым и старым грузинским мафиози излишними. Реформаторов блокировали в парламенте, реформы подавили в исполнительной власти.

Соответственно, СГГ трансформировался в некое подобие "общества с ограниченной ответственностью": каждый вносит в предприятие свою долю, а затем участвует в распределении прибыли. Причем, опять же в соответствии с грузинскими реалиями, прибыли не только легальной, но и "теневой". Партийные списки СГГ к парламентским выборам 1999 года были составлены на чисто долевом участии: несколько групп и личностей (президент, спикер парламента, влиятельные министры и губернаторы провинций) получили каждый свою квоту. Объединяло их лишь желание остаться у власти ради достижения собственных целей. Цели же были разные, часто - несовместимые. В результате парламентское большинство, сформированное на основе разношерстных групп под общим названием СГГ, оказалось внутренне настолько антагонистичным, что вскоре вообще утеряло способность принимать осмысленные решения, т.е. проводить последовательную политику.

Неудивительно поэтому, что разногласия среди пайщиков "ООО СГГ" вскоре переросли в острый конфликт. Первыми, кто оказался недовольным дивидендами от своих инвестиций, были несколько преуспевающих молодых бизнесменов. Гарантированно пройдя в парламент в 1999 г. по спискам правящей партии, они вскоре после выборов вышли из ООО "СГГ" и учредили ООО "Новые правые" (чудесным образом оставшись, однако, лояльными по отношению к Шеварднадзе). Что и знаменовало собой начало третьей и заключительной фазы.

Затем, словно очнувшись и поняв, что болото застоя и коррупции скоро окончательно их поглотит, стали задумываться о спасе-

нии своих политических душ "младореформаторы" под предводительством спикера парламента Зураба Жвания и Михаила Саакашвили, возглавлявшего ранее парламентскую фракцию СГГ. Настоящий политический скандал разразился в апреле 2001 г., когда в газете "Washington Post" была напечатана статья "Герой для Запада, злодей дома", в которой президент Шеварднадзе был охарактеризован однопартийцами из группы младореформаторов как исчерпавший свои возможности политик, неспособный проводить дальнейшие реформы и реально бороться с коррупцией. А очередная статья, опубликованная в США два месяца спустя - "Потемкинская демократия: четыре мифа о постсоветской Грузии"² - посеяла тихую панику уже в среде младореформаторов; ведь само явление "младореформаторства" (в "реформаторской" его части) было возведено автором статьи в ранг одного из мифов. В данной ситуации политикам, ориентированным на Запад, и ожидавшим от него помощи и в будущем, дальнейшее промедление показалось смерти подобным, и они решились на открытое отмежевание от президента. При этом мобильный Саакашвили, успевший совершить "марш-бросок" из парламента в кабинет министра юстиции и обратно, явно опередил Жвания на этом пути. Вместе со своими единомышленниками он вышел из СГГ и основал "Национальное движение за демократические реформы", беспощадно критикуя внутреннюю политику Шеварднадзе. Разброд в совете директоров ООО "СГГ" стал очевидным, и председатель - Эдуард Шеварднадзе - в сентябре 2001 года покинул свой пост. Это послужило сигналом бедствия, и СГГ стал разваливаться на группы интересов.

Ушедший с должности спикера парламента в дни осеннего кризиса 2001 г.³ Жвания попытался было сохранить контроль над остатками СГГ, а заодно - и унаследовать партийное имущество, но частично преуспел лишь во втором. Он объявил СГГ оппозиционным по отношению к президенту, что было классическим нонсенсом: Шеварднадзе хоть и ушел с поста председателя, но остался в рядах СГГ и ситуация, при которой его же собственная партия заявляла

¹Peter Baker. "A Hero to the West, a Villain at Home". The Washington Post, April 14, 2001

²Charles King. "Potemkin Democracy: Four Myths about Post-Soviet Georgia". The National Interest, #64, Spring 2001.

³В октябре 2001 г. попытка грубого давления со стороны властей на независимую телекомпанию "Рустави-2" повлекла за собой массовые акции протеста, в ходе которых Республиканская партия впервые выдвинула лозунг "Грузия - без Шеварднадзе". Разразившийся правительственный кризис привел к кадровым изменениям в высших эшелонах власти; однако сколько-нибудь серьезного пересмотра технологии осуществления власти (governance) президентом Шеварднадзе не произошло (прим. авт.).

претензии на оппозиционность, явно не пришлась ему по душе. Дело кончилось тем, что Жвания и его сильно поредевшей команде не осталось ничего иного, как выйти из состава СГГ и объявить о создании новой политической организации "Объединенные демократы". Представляется, что в определении своих политических приоритетов Жвания опоздал года на три-четыре, и лидерство у него совершенно закономерно перехватил Саакашвили.

Правящая партия фактически развалилась, и та же участь постигла парламентское большинство. Таким образом, мы явились свидетелями типичного политического банкротства, наступление которого несложно было предвидеть ещё в момент учреждения СГГ. Однако оно прогнозировалось ближе к завершению президентского срока Шеварднадзе в 2005 году.

Полуторাপартийный плюрализм

Тут не место рассуждать о судьбах других политических акторов: партий в Грузии много, а псевдопартий - ещё больше. Конечно, интересно проследить разнообразие способов, примененных ими ради выживания, но это - отдельная тема. Дело же в том, что происходившее в Грузии на втором этапе её посткоммунистического существования - в 1995-2003 годах - адекватно иллюстрирует схему т.н. "полуторাপартийности"⁴. Это ситуация, при которой партия власти (президентская партия) единолично и безраздельно управляет страной, позволяя при этом другим партиям существовать и даже критиковать партию власти - но и не более того. Создается иллюзия политического плюрализма, но когда дело доходит до "выборов", правящая партия включает соответствующие властные механизмы и обеспечивает приемлемые для себя результаты вне зависимости от волеизъявления избирателей. Подобная система в принципе исключает смену власти путем выборов. Таким образом, партия власти как бы составляет одну полноценную единицу, а все остальные вместе взятые - половинку, играющую роль демократического камуфляжа и не допущенную к принятию решений.

Представляется, что подобная система подрывает моральные устои общества и ведет к отчуждению граждан от государства. В условиях видимости конкуренции (политической, экономической), но реального её отсутствия, когда победитель в "соревновании" извес-

⁴Александр Искандарян. Государственное строительство и поиск политической идентичности в новых странах Закавказья. // "Центральная Азия и Кавказ", №2(8). - Стокгольм, Швеция, 2000.

тен заведомо, разлагается не только власть, но и оппозиция, и общество в целом. В отсутствие реальной конкуренции за власть в течение второго постсоветского этапа, стабильность в Грузии (каковая считается основным достижением режима Шеварднадзе) стремительно выродилась в советского типа застой времен Брежнева со всеми свойственными ему пороками.

Знаменательно, что в выпуске "Nations in Transit" за 2001 г.⁵ по суммарным показателям 1997-2001 годов Грузия характеризуется уже как "паразитическое авторитарное государство" (Parasitic Authoritarian State), хотя в начале этого периода она классифицировалась как подающая большие надежды "переходная демократия" (Transition Democracy). В обзоре, в частности, отмечается, что парламентские (1999 г.) и президентские (2000 г.) выборы подорвали народное доверие к избирательному процессу и рассматриваются в значительной степени как откат на пути развития демократии.

Самую большую тревогу и уныние в грузинских реалиях вызывала именно отрицательная динамика последних пяти лет (1998-2003 гг.). Эта тенденция, кстати, нашла отражение в социологическом исследовании по Грузии, проведенном ещё в конце 2000 года Госдепом США, и исчерпывающе озаглавленном: "Доверие граждан Грузии к своему правительству убывает, а пессимизм нарастает"⁶. Например, как выявил опрос, по мнению 86% граждан Грузии страна достигла лишь незначительного прогресса в утверждении верховенства закона - rule of law - (35%), или вовсе не достигла такового (51%).

Удивительно лишь то, что, несмотря на появление в западной прессе и научных журналах материалов, адекватно отображавших тревожное развитие событий в Грузии, отношение к Шеварднадзе как к "великому демократу", "мудрому правителю" и чуть ли не спасителю нации оставалось превалирующим. Мнение же самой "спасенной" нации, для которой Шеварднадзе последовательно и неотвратимо превращался в объект насмешек и даже презрения, не принималось во внимание. Унизительный для четырех миллионов граждан Грузии вопрос: "если не Шеварднадзе, то кто?", оставался доминирующим в отношении западных политиков к постсоветской Грузии.

В сфере демократии нагляднее и публичнее всего отрицательная динамика проявлялась в выборах. Каждые следующие выборы были хуже предыдущих, являя собой очередную ступень фальсификации итогов и извращения волеизъявления избирателей.

⁵Nations in Transit. Eds. A.Karatnycky, A.Motyl and A.Schnitzer, Freedom House, 2001.

⁶Office of Research, Opinion Analysis, Department of State, Washington D.C., January 30, 2001.

"Миссия наблюдателей ОБСЕ пришла к заключению, что Грузии необходим значительный прогресс, чтобы полностью соответствовать обязательствам, принятым ею в качестве члена ОБСЕ. Фундаментальные свободы в основном соблюдались в ходе избирательной кампании, и кандидаты имели возможность выражать свои взгляды. Однако необходимо усовершенствовать законодательство, деятельность государственных средств массовой информации и процедуру подсчета голосов и подведения итогов выборов"⁷.

Это - цитата из предварительного заявления миссии ОБСЕ по наблюдению за президентскими выборами в Грузии 9 апреля 2000 г. В заключительном документе упоминаются и иные нарушения:

"В частности, проблемы были выявлены в следующих сферах: вмешательство властей в избирательный процесс; несовершенное избирательное законодательство; неполная репрезентативность избирательных комиссий; недостоверные списки избирателей"⁸.

Нетрудно представить себе, какими они были, эти "выборы". Особенно, если принять во внимание, что наблюдатели ОБСЕ бывали чрезмерно благодушными при оценке выборов в Грузии. Например, они похвалили парламентские выборы 1999 года, оценив их как "шаг в направлении соответствия требованиям ОБСЕ", в то время как местные наблюдатели были куда более скептичны. И вообще, как же это могло случиться, что осенью 1999-го - "шаг в направлении...", а пять месяцев спустя весной 2000-го - "необходим значительный прогресс"? Ответ прост: парламентские выборы-99 ведь тоже были проведены ниже всякой критики, но в силу "высших" соображений было решено закрыть на это глаза. В результате - президентские выборы прошли настолько плохо, что отвести взгляд в сторону просто не осталось возможности. Самое же главное, это то, что, с точки зрения грузинского законодательства, президентские выборы 2000 г. (несмотря на официально объявленные результаты, которым, к тому времени, в Грузии не доверял уже никто) просто не состоялись: требование закона об участии более чем 50% избирателей для признания выборов действительными выполнено не было.

Местные же выборы 2 июня 2002 г. вообще шокировали наблюдателей Конгресса местных и региональных властей Совета Европы (КМРСЕ) - единственной официальной международной миссии по наблюдению за этими выборами - плохой подготовкой, состоянием

⁷Presidential Elections in Georgia: OSCE Statement on Preliminary Findings and Conclusions, Tbilisi, 10 April 2000.

⁸Office for Democratic Institutions and Human Rights, Republic of Georgia Presidential Elections on 9 April 2000, Final Report, Warsaw, 9 June 2000.

списков избирателей, сомнительными решениями, а зачастую и противозаконным вмешательством властей в избирательный процесс⁹. Руководитель делегации Луис Роппе выразился недвусмысленно: "Делегация КМРСЕ разочарована тем, что демократический процесс в Грузии по сей день не отвечает надеждам людей. Народ Грузии заслуживает лучшего". Последняя фраза представляется поистине знаменательной.

Несколько отклоняясь от основной темы, все же поставлю пару отнюдь не риторических вопросов. Быть может, ОБСЕ, под эгидой которой работают основные миссии по наблюдению за выборами, лучше говорить горькую правду своевременно, чтобы не способствовать дальнейшему беспределу? И, быть может, в духе истинного доброжелательства вообще следует говорить правду, а не полуправду? Ведь из полуправды ничего более, чем полудемократия, не вырастет?!

Замечу здесь же, что на основе консенсуса основных политических сил страны перед парламентскими выборами 2 ноября 2003 г. ОБСЕ получила возможность представить на утверждение президенту кандидата на пост Центральной избирательной комиссии Грузии, каковая должность в немалой степени определяет честность и прозрачность выборов. Как воспользовалась ОБСЕ этой возможностью, явствует из дальнейшего развития событий.

На основе опыта 1995-2003 г.г. выборы по-грузински смело можно назвать свободными и несправедливыми. В подобных условиях классификация Грузии в качестве "электоральной демократии", как это было сделано в ряде обзоров и статей, представляется сомнительной. Уместнее был бы термин "оральная демократия", и это отнюдь не просто шутка. Демократическая риторика подменила в Грузии (и не только в ней) развитие демократии. Свободные, но не справедливые выборы; формально существующие, но беспомощные демократические институты; свободно продающиеся СМИ; широко разрекламированные, но замороженные на полпути реформы... Шеварднадзевская квазидемократия в Грузии последовательно подрывала доверие к истинным демократическим ценностям; точно так же, как полуправда зачастую оказывается вреднее тотальной лжи.

Оказалось, однако, что грузинское общество за годы новой независимости пресытилось постсоветской полуправдой. Зато ни сам Шеварднадзе, ни его окружение, не смогли адекватно воспринять многочисленные сигналы бедствия, звучавшие последние годы, и однозначно свидетельствовавшие о том, что их корабль пошел ко

⁹<http://press.coe.int/press2/>

дну. Среди таковых достаточно выделить четыре:

1. Президентским выборам 2000 г. население Грузии по существу объявило пассивный бойкот, в большинстве своем не придя на участки для голосования и, таким образом, лишив Шеварднадзе и его режим не только мандата доверия, но и фактической легитимности.

2. За этим последовал развал СГГ, оставивший рядом с Шеварднадзе лишь политически неконкурентоспособных временщиков и стяжателей, неспособных к управлению государством в соответствии с требованиями времени.

3. Осенний кризис 2001 г. продемонстрировал, что общество более не желает быть сторонним наблюдателем за бездарными действиями властей и накапливает энергию для непосредственного вмешательства в политические процессы.

4. Провал остатков правящей партии на местных выборах 2002 г. (СГГ не сумел преодолеть в столице 4%-ый избирательный барьер и остался без единого представителя в тбилисской легислатуре) стал прелюдией в форме траурного марша к бесславному концу режима Шеварднадзе.

Парламентские выборы 2 ноября 2003 г. и "революция роз"

Парадоксально, но факт: парламентские выборы 2003 г. привели в Грузии... к смене президента. Говорить о том, что именно подобный исход планировался оппозицией, или предсказывался аналитиками (в том числе - автором этих строк), было бы преувеличением. Страна как бы смирилась с мыслью, что Шеварднадзе "дотянет" свой последний срок до апреля 2005 г., но поскольку именно избранному в ноябре 2003 г. парламенту предстояло быть переходным от режима Шеварднадзе к постшеварднадзевской эпохе, значение этим выборам придавалось куда большее, нежели в 1995 или 1999 годах. К тому же, ощущение гнетущей беспросветности последних лет порождало потребность увидеть перемены, не дожидаясь 2005 года - хотя бы признаки оздоровления политико-экономического климата в стране. Ни Шеварднадзе, ни его окружение этой потребности не уловили. Первый - потому, что уже явно устарел для соответствия требованиям времени. Окружение - потому, что всецело соответствовало вкусам устаревшего Шеварднадзе.

Сделав ставку на коррумпированную бюрократию в поисках га-

рантий для себя и своей семьи после истечения последнего президентского срока (подобная проблема стояла перед президентом Ельциным в России), Шеварднадзе загнал себя в угол. В период его правления Грузия превратилась в страну взаимного недоверия, где народ не доверяет своему правительству, а правительство - народу.

То, с чем Шеварднадзе вышел на парламентские выборы 2003 г., и что в обиходе именовалось "правительственным блоком", а официально - "Альянсом за новую Грузию", выглядело чудовищным мутантом даже в условиях многое уже повидавшей к тому времени Грузии. Коктейль из несостоявшихся политиков с обанкротившимися, разбавленный сомнительными персонами, вообще не имеющими отношения к политике, превратился в такое "пойло", осилить которое могли разве что люди, начисто лишённые вкуса и обоняния. Именно стремление этой "силы" сохранить за собой власть во что бы то ни стало, а в сложившейся ситуации это можно расценить как попытку узурпации власти, предопределило народное возмущение.

Не менее важным стало и то обстоятельство, что реальная оппозиция на этих выборах предстала сильной, как никогда прежде. Популярный и энергичный Саакашвили нашел в союзники своему Движению две пусть и небольшие, но имеющие авторитет в определенных сегментах общества партии - Республиканскую и Союз национальных сил. Жвания, на сей раз четко осознавший собственную уязвимость в силу напрашивавшихся параллелей между его и шеварднадзевскими политтехнологиями, в качестве "лица" своего избирательного субъекта привлек спикера парламента Нино Бурджанадзе, пользовавшуюся растущей благорасположенностью умеренно (но тоже оппозиционно!) настроенной части общества. Избирательные блоки "Саакашвили - Национальное движение" и "Бурджанадзе - Демократы" стали восприниматься как реальная альтернатива режиму Шеварднадзе. Что немаловажно - поверили им, похоже, не только в Грузии, но и в США. Ведь, кроме всего прочего, в этих блоках были объединены деятели, накопившие немалый опыт пребывания как в законодательной, так и в исполнительной власти (удержаться в последней они не смогли, ввиду принципиальных расхождений с шеварднадзевскими подходами к управлению государством). А сами лидеры зарекомендовали себя политиками нового поколения с четкой прозападной ориентацией.

Таким образом, в обществе появился политический ориентир -

реальная альтернатива обанкротившейся (или, если угодно, проважавшейся) власти. Но вряд ли события привели бы к тем результатам, которыми завершился ноябрь 2003-го, не будь ещё нескольких факторов. Колоссальную роль сыграли свободные СМИ и, в первую очередь, популярная телекомпания "Рустави-2", поставившая ва-банк на Саакашвили. Этот телеканал организовал exit polls в день выборов 2 ноября и выпустил соответствующие данные в эфир ещё до появления первых официальных результатов (тем самым изначально создав атмосферу неприятия обществом официальных итогов выборов); затем в прямом эфире транслировал митинги и манифестации протеста, был практически круглосуточно открыт для оппозиции и поддерживавших её представителей неправительственных организаций, способствовал мобилизации масс на решающем этапе акций протеста. Благодаря этому "революцию роз" фактически в режиме online наблюдало все население Грузии (а посредством канала CNN в курсе событий мог быть любой заинтересованный человек на земле). Неплохо поработали и некоторые другие местные телеканалы и газеты, особенно - после того, как почувствовали, на чьей стороне оказалась инициатива.

Зрелость и ответственность проявило гражданское общество (зарубежные доноры могут занести это обстоятельство себе в актив). Здесь, в первую очередь, следует упомянуть молодежное движение "Кмара" ("довольно", "хватит"), начавшее кампанию против власти и за активное участие избирателей в выборах задолго до ноября. Это движение успешно использовало опыт своего сербского собрата "Отпор", творчески перенеся на грузинскую почву опробованные в Сербии (и Словакии) технологии. Шумные и задиристые "кмаровцы", хоть и вызывали порой раздражение обывателя, сумели провести свою кампанию по нарастающей, а когда в массовых акциях протеста после выборов наступил было временный период спада, они сумели поддержать энтузиазм людей собственной самоотверженной активностью. Нельзя не упомянуть и "Комитет неповиновения", сформированный революционерами из среды интеллектуалов, который сыграл важную (интеллектуальную!) роль в повседневной работе с людьми.

Следует также отметить подчеркнуто мирный характер всего происшедшего (кажется, именно этим привлекли грузины на свою сторону особые симпатии демократического сообщества). Тот факт, что

за три недели бушевавших страстей не было сломано ни одной витрины, не пострадал ни один автомобиль, не были вытоптаны даже цветы на главной улице города, удивил самих темпераментных грузин. А как при этом ещё удалось избежать провокаций (не прозвучал ни единый роковой выстрел, не разорвалась ни одна боевая граната), могущих привести к действительно непредсказуемым последствиям, хотя желающих и способных на осуществление подобных провокаций должно было быть немало, до сих пор остается тайной.

Отдельно нужно выделить фактор Саакашвили. Харизматический лидер, продемонстрировавший незаурядную способность мобилизации масс, он проявил также удивительную политическую интуицию, буквальной пройдя по лезвию ножа в бурные ноябрьские дни, и ни разу не оступившись. Надо отдать должное и спикеру парламента Нино Бурджанадзе: когда окончательно утративший контроль над ситуацией Шеварднадзе попытался было ввести чрезвычайное положение, она не побоялась объявить, что берет на себя исполнение функций президента (по конституции Грузии именно спикер парламента является вторым лицом в иерархии власти).

Наконец, главный игрок - народ. Особенностью "Революции роз" стало то, что, несмотря на все тяготы повседневной жизни, в холодные и дождливые ноябрьские дни люди (преимущественно это были горожане зрелого возраста, зачастую приходившие целыми семьями, отнюдь не зеваки или бузотеры) сутками простаивали на улицах не под социальными лозунгами, а в стремлении сохранить свое человеческое достоинство, положить конец лжи и издевательствам. Избиратель отстаивал свое право избирать, т.е. - право отстранять от власти неугодное правительство (очевидно - главное завоевание революции). Применить насилие против столь высокой мотивации не отважились ни полицейские, ни солдаты внутренних войск (регулярная армия вообще не появилась на улицах Тбилиси).

Некоторые выводы

Итоги парламентских выборов 2 ноября 2003 г. (в левом столбце таблицы представлены официальные данные Центральной избирательной комиссии, в правом - данные параллельного подсчета голосов, осуществленного добросовестно отработавшей организацией "Справедливые выборы"), дают немалую пищу для размышлений.

Партия/блок	% голосов ЦИК	% голосов ППГ
За новую Грузию (Шеварднадзе)	21.32	18.92
Союз Возрождения (Абашидзе)	18.84	8.13
Саакашвили - Национальное движение	18.8	26.6
Лейбористская партия	12.04	17.3
Бурджанадзе - Демократы	8.79	10.15
Новые правые	7.35	7.95

1. Если бы шеваднадзевский блок удовлетворился своими "завоеваниями" на первом этапе фальсификации выборов (голосование под давлением административного ресурса - именно эти данные зафиксированы ППГ), и не пошел бы на дальнейшее извращение итогов уже на уровне окружных и Центральной избирательной комиссий (фальсификация этого уровня отражена в официальных результатах), то он имел бы шанс сохранить контроль над парламентом и продлить пребывание Шеварднадзе у власти до конца его президентского срока.

2. Отношение к официальным итогам выборов со стороны предъявлявших претензии на оппозиционность лейбористов и "Новых правых", а также их самоустранение от участия в революции, подтверждает, что они были готовы пойти на сделку с Шеварднадзе, и оставить не у дел реальную оппозицию. Непонимание сути развившихся процессов, впрочем, обошлось им дорого: и те, и другие, потеряли значительную часть своего электората и сохранили лишь призрачные шансы на будущее.

Абашидзевское "Возрождение"¹⁰ и вовсе десантировало в Тбилиси своих подневольных сторонников, до последней минуты пытаясь спасти режим Шеварднадзе. Тем самым партнерская связка Шеварднадзе-Абашидзе, в течение десятилетия прикрывавшаяся видимостью конкуренции, выявила себя полностью. После же ухода Шеварднадзе тоталитарный режим Абашидзе в Абхазии стал выглядеть даже не анахронизмом, а просто атавизмом, без всяких перспектив

¹⁰Подробнее об Абашидзе и его "Союзе Возрождения" см. ниже статью Д.Бердзенишвили "Главная внутренняя проблема Грузии".

вписаться в новые политические реалии Грузии.

Что касается собственно революции, то позволю себе противоречащий логике и канонам аналитики вывод: происшедшее в Грузии в ноябре 2003 г. - явление положительное, вне зависимости от того, что произойдет впоследствии. Почему положительное - должно быть ясно из вышеизложенного. А касательно того, что может произойти в дальнейшем...

К власти в Грузии пришло новое, действительно молодое поколение. Преимущество новых людей в том, что в большинстве своем они не отягощены советскими стереотипами, догмами, советской несвободой в мышлении и действиях. Но в силу их молодости трудно ожидать, что у них имеется устоявшаяся система ценностей, четкое политическое кредо, ясное стратегическое видение будущего страны, руководить которой им предстоит. Молодости свойственны недооценка важности диалога, недостаток готовности к работе в коалициях, будь то в политических или гражданских. Впрочем, все это характерно и для всего постсоветского общества в целом с его невысокой политической культурой, отсутствием навыков и традиций плюрализма.

Проблем у новых властей - неисчислимо множество; работы - непочатый край, и нет никаких гарантий, что ожидания обществом быстрых и решительных перемен столь же быстро и решительно оправдаются. А поистине уникальный мандат доверия, выданный избирателями новому руководству страны, содержит риск очередного разочарования, с одной стороны, и злоупотребления безраздельной властью - с другой. Последнее может подпитываться и жадой своеобразного реванша за шеварднадзевское десятилетие, когда власть упрямо отторгала от себя "несоветских" людей. В подобной ситуации роль и функция гражданского общества возрастают до критических масштабов: ноябрьские события в Грузии можно будет возвести в ранг революции лишь в том случае, если последуют системные, институциональные реформы, в осуществлении которых власть и общество поднимутся на принципиально новую ступень взаимоотношений; если общество осмыслит и разовьет свой успех в плане каждодневного контроля над властью и непосредственного участия в обновлении страны, а власть воспримет свою подотчетность (accountability) и необходимость вовлечения общества в процесс реформ как необходимое условие прогресса.

Главное, чтобы Грузия не превратилась в своеобразную страну,

граждане которой окажутся способны лишь на то, чтобы время от времени отстранять от власти неугодных правителей.

Давид Бердзенишвили

ГЛАВНАЯ ВНУТРЕННЯЯ ПРОБЛЕМА ГРУЗИИ

Собранность нации и государства - непрерывный процесс; учредить её одноразовым актом невозможно. Единое восприятие истории - недостаточное условие единства нации; для её достижения нужна также социальная солидарность, которая технологически обеспечивается обществом и государством. Нация - это, прежде всего, духовный феномен, а не простая физическая общность людей. Единственный модус существования духовного феномена, как говорил Мераб Мамардашвили - быть в состоянии постоянного рождения, т.е. это - ежедневный плебисцит. Выпадение из этого процесса вызывает ослабление общности или же полный распад.

Коллективная, солидарная ответственность за содеянное, чувство вины и её осмысление - необходимый компонент собирания нации и её жизнеспособности. Переживание недавнего прошлого и сегодняшнего дня - болезненный процесс нравственного очищения. Мы - грузины - и палачи, и жертвы одновременно. На нас лежит наша доля ответственности за большевистское мракобесие. Мы взрастили Сталина, Берия и многих других; мы приняли Советскую Грузию; движение сопротивления у нас отсутствовало - в европейской части СССР мы в этом плане были среди аутсайдеров; четыреста тысяч из нас всего пятнадцать лет тому назад состояли членами Коммунистической партии: даже в 1989-90 г.г. лишь очень немногие посмели покинуть уже одряхлевшую компартию. Мы и сегодня не обременяем себя мыслями о том, что членство в компартии было моральным компромиссом. Мы превратили коррупцию в образ жизни. В Грузии, как нигде более, процветала советская профанация "государства всеобщего благосостояния". Скудные, но гарантированные зарплаты и плотно прикрытые государством глаза на нелегальные доходы делали советское государство родным не только для партийно-бюрократической номенклатуры, но и для среднего советского слоя. Мы, грузины, были высокомерны по отношению к абхазам и национальным меньшинствам. У нас было сознание советского вассала - радовались, когда при поддержке московского хозяина могли обращаться с абхазами, как с крепостными; ворчали, когда хозяин отказывал нам в этом "праве".

Наша интеллектуальная элита, за малым исключением, была частью советской системы; другие же - антикоммунисты - ни в грош

не ставили демократические ценности (эти - за ещё более редким исключением). Носителей идей личной и национальной свободы, для которых Советская Грузия никогда не стала родной, было немного; со своими либеральными идеалами, демократическими ценностями и совестью они были как бы лишними в обществе поголовного конформизма.

Получив возможность и право избирать, мы ограничились родиной выбором между Гамсахурдиа и Шеварднадзе, не выйдя за границы двух негодных моделей постсоветской Грузии. На протяжении 13-летней независимости грузинская политическая протоэлита стала свидетелем и участником последовательного вытеснения нравственности из политики. Такие правила политической игры установили власти, а для большинства граждан страны это оказалось естественным и приемлемым. Тезис о том, что "политика - грязная игра", стал непреложной данностью.

Конечно, много мы делали и хорошего - потому и существуем как нация, перед которой, впрочем, в полный рост стоит проблема собранности (мы вовсе не исключение; если кто не ощущает схожих проблем, тем хуже для него).

На рубеже 80-90-х г.г. грузины, поддерживая патриарха грузинского этнонационализма Звиада Гамсахурдиа, из нескольких возможных путей постсоветского развития избрали "дорогу в никуда". Вместо того, чтобы от пестрой Грузии идти к плюралистическому обществу, грузины подхватили лозунги типа: "Грузия для грузин", "Да здравствует христианская (православная) Грузия", чем сами же содействовали такому углублению отчуждения как с абхазами, так и с этническими и религиозными меньшинствами, что страна по сей день балансирует на грани дезинтеграции. За десять лет своего правления Шеварднадзе не решил ни одной из многочисленных внутриполитических проблем, в лучшем случае загоняя их внутрь, а в худшем - лишь усугубляя. На сегодняшний день ***грузины - несобранная нация, а Грузия стоит перед реальной угрозой пополнить ряды несостоявшихся государств*** (failed state).

Велика отчужденность между народом и государством. Большинство граждан не воспринимает Грузию как собственное государство; в этом значительную роль играет и социальный фактор. В независимой Грузии бывшее советское среднее сословие (т.е. большинство населения) потеряло относительное благосостояние коммунистического периода. Соответственно, новое государство воспринимается лишь как орудие ограбления и обнищания народа. Своим государ-

ством считает Грузию только политико-бюрократический истеблишмент и его попутчики; для них оно является механизмом защиты собственных экономических интересов. Позиции времен советской эпохи сохранили носители идей свободы; но легализация грузинского флага и появление собственного цвета на карте мира не смогли превратить сегодняшнюю Грузию в их государство (говорю о *государстве*, а не о *родине*).

Советское государство было и хозяином, и карателем. А сегодняшнее постсоветское государство держит в руках только кнут. Чувство солидарности увядает, ещё не распустившись не только среди отдельных групп населения, но и на уровне индивидов: слабеет родственно-дружеская связь, другие традиционные формы отношений. Отсутствие сопереживания общности вышло на уровень регионов и субэтносов.

В ходе развала Советского Союза в Грузинской ССР шел не только процесс отмежевания Тбилиси от Москвы, но и проявилась тенденция дистанцирования сухумского и цхинвальского (а затем - и батумского) региональных центров от Тбилиси. Пестрая и конгломератная советская Грузия фактически по частям выясняла отношения с ослабленным, но ещё имеющим достаточную силу Кремлем. А последний закладывал основу новым формам их патронажа, исходя из опыта советского феодализма, когда Москва контролировала как самого вассала, так и вассала своего вассала. Проблемы, законсервированные в советский период, полностью проявились после снятия режима консервации. Конфликты в Абхазии и в Южной Осетии подтверждают, что единство советской Грузии было эфемерным.

Грузинская нация и грузинская номенклатура рассматривали советскую Грузию как административно-территориальную единицу этнических грузин. Они считали себя добрыми хозяевами, воспринимая как неблагодарность претензии на равноправие и уважение со стороны "гостей", т.е. - других этнических групп. Грузинская советская историография создавала идеологию "толерантности" на грузинский лад: никому не мешаем жить на нашей исторической территории, но не потерпим притязаний на нашу землю пришлых в разные времена. Разжигателем грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов считали только третью силу - Кремль, который наказал Грузию за стремление к независимости. Такой упрощенный стереотип помешал грузинской постсоветской протоэлите в глубоком осмыслении реальных основ отчуждения с абхазами и этничес-

кими меньшинствами. Формулу Андрея Сахарова - "Грузия - малая империя" - хоть и с сожалением, но ему же самому зачили в проявление имперского мышления. И совсем непонятными были для большинства грузин слова Мераба Мамардашвили: "Если Грузия выберет президентом Гамсахурдиа, я пойду против своего народа".

Впрочем, процесс формирования образа "источника всех бед" не менее интенсивно шел и по другую сторону "полосы отчуждения". С целью технологического обеспечения дистанцирования от Тбилиси, ещё при правлении Горбачева в Абхазской АССР создали антигрузинскую абхазскую этническую организацию "Айдгылара", именовавшуюся также "Движением за перестройку". Её партнером стала организация армян Абхазии "Крунк". В это же время в Южно-Осетинской АО сформировался осетинский националистический вариант народного фронта "Адамон Ныхас". Фрагментарные контакты с ними грузинских демократических политических сил погоду не делали, так как в стране уже доминировал Гамсахурдиа. Его ультранационалистические идеи и призывы облегчали задачу тех, кто под патронажем Москвы стремился к отделению.

Фактически в конце 80-х годов на территории Грузинской ССР образовались первые региональные протопартии; они представляли собой смесь советской интеллигенции и партократии автономий. Диссидентского опыта у абхазов и осетин не было (в отличие, например, от крымских татар, которые сотрудничали с украинскими диссидентами). Они с сомнением смотрели на свои перспективы в политико-правовом пространстве независимой Грузии, хотя не совсем реалистично представляли и будущее вне Грузии.

Сегодня режимы в Сухуми и Цхинвали являются властями непризнанных республик, декларировавших независимость от Грузии. После достижения этой цели при разносторонней поддержке Москвы, в политических элитах Абхазии и Южной Осетии появились руководители военизированных формирований. В какой-то степени изменяется и политическая система. Распадается единение военного времени против общего врага (грузин), появляются оппозиционные политические группы, но для всех них самопровозглашенная республика пока является ценностью самодостаточной. Несмотря на очевидные тяготы существования в условиях политической и социально-экономической неопределенности, никто там не отваживается открыто говорить о возможности совместного проживания с грузинами в общем государстве.

Существенно иная картина наблюдается в ещё одном проблемном регионе - Аджарской автономной республике, где подавляющее большинство населения составляют этнические грузины. Длительное пребывание Аджарии в составе Османской империи не прошло бесследно; появился феномен "гурджи" (грузины-мусульмане). Во время Первой Мировой войны Россия решила было выселить аджарцев за пределы империи, тем самым исключив их из процесса собирания грузинской нации. Тогда грузинская общественность встала на защиту "мусульманской Грузии", которую закономерно считала своей неотъемлемой частью. Однако в силу специфичности периода возвращения Аджарии в лоно Грузии, равно как и позиции Турции, а затем и большевистской России, Аджария получила статус автономии в составе как независимой Грузинской демократической республики (1918-21 г.г.) так и Грузинской ССР. С тех пор тбилисская и батумская протоэлиты соблюдали между собой определенную дистанцию, хотя никому и в голову не приходило ставить под сомнение принадлежность аджарцев к грузинской нации, а Аджарии - к единой Грузии (за исключением, разве что, Москвы, которая, поддерживая пророссийского Абашидзе, не оставляла попыток разыграть карту "аджарского сепаратизма").

В начале 90-х годов авторитарный правитель Аджарии Аслан Абашидзе создал "Союз возрождения" как организацию автономной номенклатуры, которая представляла его власть в парламенте Грузии. Во время выборов местного самоуправления 1998 г. и парламента Грузии 1999 г. она выступала конкурентом-партнером шеварднадзевского "Союза граждан" в качестве лидера "оппозиционной" коалиции. На самом же деле эта линия поведения вписывалась в стратегию Абашидзе по укреплению своих позиций в автономии (и, по возможности, вне её). Начиная с 1995 года в мероприятиях, именуемых выборами, абашидзевское "Возрождение" показывает в Аджарии поистине коммунистические результаты (порядка 95% голосов); соответственно, любые другие политические группы оказались вытесненными из автономии. Шеварднадзе и Абашидзе фактически признали неприкосновенность друг друга - перманентные политико-экономические сделки на фоне иллюзорного противостояния стали формой их сосуществования. Новая конституция Аджарской автономной республики, которая периодически "обогащается" за счет отбираемых в одностороннем порядке у Тбилиси мыслимых и немыслимых компетенций (при поразительной индифферентности столицы), превратила Батуми в полноправного члена четверки поли-

тико-властных центров на территории Грузии - Тбилиси, Сухуми, Цхинвали, Батуми. Впрочем, досрочный уход Шеварднадзе из власти со всей очевидностью высветил архаичность режима Абашидзе, его несовместимость с новыми реалиями в Грузии. Что самое важное, ощутили это сами жители Аджарии, отважившиеся, наконец, на открытые массовые выступления против авторитаризма.

На юге и юго-востоке страны - в регионах Джавахети и Квемо Картли, где компактно проживают соответственно армяне и азербайджанцы, этнономенклатуры не сформировались в политические организации, хотя отчуждение от Тбилиси там тоже налицо. Стратегическое партнерство Грузии и Азербайджана и социальная инертность азербайджанцев-граждан Грузии создают иллюзию мнимой стабильности в Квемо Картли. Власти Грузии до сих пор относились к населению региона как к большой избирательной урне, собирая там рекордный урожай на "выборах". Азербайджанское население никак не откликнулось на вывод российской военной базы из Вазиани. Но ликвидация российской базы в Ахалкалаки не будет проблемной, т.к. для значительной части армянского населения существование этой базы является основным (часто - единственным) источником дохода. В Джавахети не Тбилиси, а Москва и Ереван являются основными политическими игроками. Местные власти и парламентарии, избранные из этого региона, используют формальную лояльность к Тбилиси для усиления собственных местных кланов.

Этнономенклатуры Джавахети и Квемо Картли, не говоря уже о режиме Абашидзе в Аджарии, препятствуют демократическим реформам, созданию системы реального самоуправления. Регионализация Грузии рассматривается ими как способ превращения этих краев в собственные вотчины.

Исходя из вышесказанного, равно как и многих иных факторов, в стране так и не утвердились условия формирования политических партий, т.е. - возможности создания плюралистической политической элиты. Отчуждение от власти (центральной, региональной) переросло в отчуждение от государства. Постсоветская Грузия все ещё находится на стадии протообщества, и не может создать условий превращения политических групп в политические партии. Грузия застряла на постсоветском переходном этапе; выбор в этой стране - это выбор между харизмами, и это даже не черно-белый выбор; грузины выбирают между плохим и худшим, и не доверяют ни тому, ни

другому.

Перешедшая в постсоветский период советская элита не сможет собрать этническую и, тем более, гражданскую нацию; наоборот, она увеличивает отчуждение между народом и государством. У нас не в почете пример южноафриканца Боты или литовца Бразаускаса, решивших уйти из активной политики потому, что их прошлое помешает будущему их народов; нашего главного "партийного товарища" буквально увела под руки с политической арены его же собственная охрана (во избежание участи Милошевича или Чаушеску). Да и диссидента типа и масштаба Гавела у нас не было. Таким образом, несформированность грузинских элит предопределена историческими, социальными, психологическими и моральными аспектами. Несобранная личность, несобранная нация, несобранное государство являются проявлением несвободы; а без свободы не существует ни современное демократическое государство, ни его истинная элита.

С окончанием эпохи Шеварднадзе (с небольшими перерывами правившего республикой тридцать лет) перед грузинами встала не легкая задача: они должны идти либо путем центральноевропейской люстрации, либо путем испанского согласия - путем "пакта Монклоа". Другой путь - это путь в никуда. Так что, если несобранная грузинская нация сможет превратиться в общество и решить проблему власти, то перед ней возникнет возможность решения более сложной задачи - сформироваться в государственную нацию.

Давид Дарчиашвили

ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА БЕЗОПАСНОСТИ И ГРУЗИЯ

(Южный Кавказ: региональный аналитический журнал, №2, июнь 2003)

Тема евроатлантической архитектуры безопасности является ведущей в политическом дискурсе как в Европе и США, так и в странах бывшего СССР, в том числе - в Грузии. Причины заинтересованности последних данным вопросом кроются как в географической близости, так и в экономической, культурной и политической привлекательности стран, принадлежащих к евроатлантическому клубу. Западная Европа (а теперь уже и Центральная и большая часть Восточной) и Северная Америка - самые защищенные части света, как в плане национальной и региональной, так и просто человеческой, т.н. гражданской безопасности. Хотя, по ряду причин отношение постсоветских стран с евроатлантическим сообществом не совсем однозначное: страхи и домыслы времен холодной войны до сих пор ещё не до конца покинули общественно-политическую мысль как евроатлантического пространства, так и тяготеющих к нему восточноевропейских и евразийских регионов. Представления о конкурентных национальных интересах, стереотипы малых и больших игроков, среди которых особое место занимало и занимает неизжитое недоверие между Россией и США, хоть и видоизменились, но не исчезли. Политики и особенно военные РФ до сих пор с явной неприязнью относятся к расширению НАТО на Восток. Если президент России и перестал вслух реагировать на это болезненно, это ещё не значит, что он окончательно признал, что интеграция с Западом должна идти на условиях Запада, а тем более США, или что НАТО окончательно стало близким России альянсом. Скорее всего, российская элита обуздала свою неприязнь, надеясь на будущий реванш и/или на противоречия среди самих участников альянса. Тем более, что российско-американское взаимопонимание, наступившее после 11 сентября 2001 г. и на фоне последующей операции США в Афганистане, стало охладевать. Явно обрадовавшись расколу среди натовских союзников по вопросу операции в Ираке, Россия тоже осудила насильственное свержение режима Хусейна. В вопросе восстановления российской военной базы в Кыргызстане тоже проявился новый виток конкуренции с США, растущая неприязнь к аме-

риканскому присутствию в Центральной Азии.

Новый этап конкуренции Россия-Запад, которому Москва небезуспешно старается придать оттенок противостояния американской глобальной политике, а не демократии или Западу в целом, продолжается подспудно, на фоне дружеских встреч на высшем уровне и получения западных кредитов. Но по действиям и контрдействиям в зоне каспийских энергоресурсов видно, что любой, а тем более - американский шаг в поддержку укрепления независимости и энергетической безопасности региональных стран, воспринимается в России как прямая угроза её стратегическим и экономическим интересам. Поэтому Москва отказывается выполнять договоренности по завершению своего военного присутствия в Грузии, достигнутые на Стамбульском саммите ОБСЕ в 1999 г.; поэтому, не имея возможности прямо противодействовать строительству нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, который угрожает её монопольному положению в деле импорта каспийской нефти на запад, Россия старается отговорить Казахстан от участия в этом проекте, и тем самым поставить под сомнение его экономическую целесообразность.

Но отношения Восток-Запад осложняются и более глубокими социально-культурными факторами, чем отношения Россия-США, балансирующие на грани объективности и геополитических предубеждений. Элиты постсоветского Востока говорят о демократических ценностях как о непреложных истинах и целях, но понимают и внедряют их по-своему. Дело не только в том, что Россия хочет найти альтернативу НАТО, тем более американскому доминированию - в этом она не совсем одинока, хотя её рвение целенаправленно поддерживается в основном лишь Беларусью. Основная проблема всего постсоветского мира - в фасадности демократических перемен, в коррупции и преступности, которые буквально во всех бывших советских республиках принимают облик национальных угроз.

Уже далеко не новость, что постсоветские элиты, в которых весомую роль играют старая коммунистическая и комсомольская номенклатура, бывшие "красные директора", бывшие и нынешние сотрудники спецслужб и люди, близкие к криминальному миру, часто лишь стараются играть в демократию, а на деле греют руки на приватизации, используют в корыстных целях западную помощь и превращаются в олигархов. Что касается постсоветских этноконфликтов, которые не дают покоя ни Западу, ни непосредственно евразийским элитам, то они разжигаются и подогреваются не только отдельными экстремистами или агентами "третьих сил"; конкурирующие общест-

ва и элитные группы постсоветских стран пронизывают этноцентризм, непримиримость, неумение идти на компромисс и культ силы. Грузинское, чеченское, российское, абхазское, осетинское, армянское, азербайджанское и другие посткоммунистические этнические общества в целом отличает стремление одержать победу над соперником в играх с нулевой суммой. В этой борьбе, которая идет как между государствами, так и внутри них, стороны стараются заручиться помощью извне. Евроатлантический мир прельщает посткоммунистические элиты вовсе не демократией и правовым обществом, а возможностью: 1) жить за чужой счет; 2) упрочить свою власть; 3) одержать победу над соперником чужими руками.

В этом и состоит главная проблема отношений Запад-Восток. Партнеры, с которыми приходится общаться представителям либерально-демократического Запада, зачастую лишь делают вид, что мыслят теми же категориями, на которых зиждется евроатлантическое содружество. В Вашингтоне, в Брюсселе и Страсбурге начинают понимать это лицемерие. Но попытки реформирования постсоветского пространства продолжаются - альтернатива сотрудничеству может оказаться ещё плачевнее. К тому же Запад далеко не идеалистичен. Американцам и европейцам важна стабильность в мире, тем более - на периферии Европы. Есть у них на Востоке и экономические интересы. Хорошо, если эти интересы Запада будут удовлетворяться через построение гражданских обществ и установление демократического мира в России и в других странах с "переходным строем". Но если такое будущее запаздывает, приходится лелеять надежды и соглашаться на полумеры.

Это понятно и логично: политика - искусство возможного. Ни балтийские страны, ни, тем более, Румыния с Болгарией, как бы они ни отличались в лучшую сторону от Украины, Молдовы или стран Южного Кавказа, не достигли пока желаемого объема либерально-демократических перемен. Но 2002 г. ознаменовался соглашением НАТО принять их в альянс. Открывает для них свои двери и ЕС. Тем самым этим странам дается стимул для дальнейших преобразований, а Европа улучшает свою геостратегию - восстанавливает свои культурно-исторические границы. Но чем дальше на Восток, тем противоречивее отношение Запада. Там, где особенно ярко проявляются незащищенность граждан, неэффективность правительств, коррупция, криминал и конфликты, Запад готов довольствоваться тем, чтобы страны-кандидаты на интеграцию в евроатлантическое пространство удовлетворяли хотя бы минимальным стандартам ли-

берализма.

В общем, Запад ещё не решил, как далеко идти на слияние с Востоком. Восток хоть и манит к себе по вышеперечисленным причинам, но пугает неопределенностью. Есть и ещё одна проблема в отношениях евроатлантического мира и постсоветских стран, стремящихся к нему разными темпами. Как уже было сказано, с одной стороны Россия, сама заявлявшая о евроатлантическом приоритете своей политики, ревниво относится к подобным шагам партнеров по СНГ, которых она по инерции считает младшими. С другой - Запад не совсем един как в плане реакции на российскую ревность, так и в выработке приоритетов в отношениях с постсоветскими странами, определения географических рамок зоны своих интересов. Разногласия многих стран ЕС и США по поводу ближневосточной политики добавили сложности в этом деле и подогрели мечты российских генералов о развале НАТО.

Таков общий фон, который определяет взаимоотношения Грузии с евроатлантической архитектурой безопасности. Более того, на данном этапе Грузия оказалась в эпицентре сложного процесса "Запад-Восток". Эта маленькая и слабая постсоветская страна становится одной из основных лабораторий, в которых должно выясниться, сможет ли постсоветский мир в ближайшем будущем найти силы и эффективно использовать внутренние и внешние возможности чтобы: а) нейтрализовать остаточное имперское мышление Москвы по отношению к бывшим союзным республикам; б) справиться с социальными, внутривнутриполитическими пороками и выйти на путь демократических преобразований не на словах, а на деле; в) разрешить этнические конфликты - хотя бы перевести их в цивилизованное русло взаимных уступок. По разным причинам Россия особенно болезненно относится к потере своего непосредственного влияния именно в Грузии, а США выказывают особую заинтересованность грузинским сектором безопасности и обороны. ЕС более внимательно к Украине и Молдове как к странам, территориально более близким. Но именно от процессов на Южном Кавказе, а особенно в Грузии, которая первой из стран региона стала членом Совета Европы, зависит, будет ли Европа расширяться к востоку от Черного моря или надолго застрянет на его западном берегу.

Существуют обнадеживающие признаки, указывающие, что решение "грузинского вопроса" в смысле полной интеграции страны в евроатлантическую архитектуру безопасности - не безнадежное дело. Грузия не раз заявляла о своем евроатлантическом выборе. В сен-

тябре 1999 г. парламент страны принял резолюцию о желании начать переговоры об ассоциированном членстве в ЕС. В том же году Грузия достигла с РФ договоренности о закрытии двух российских военных баз на её территории и о дальнейших переговорах по двум остальным, и вышла из Договора о коллективной безопасности стран СНГ, возглавляемого Россией. В 2002 г. на Пражском саммите НАТО бывший президент Грузии Эдуард Шеварднадзе заявил, что страна будет стремиться к вступлению в альянс. Грузинские политические круги выступают за интернационализацию миротворческого процесса в грузино-абхазском и грузино-осетинском конфликтах, не только за активизацию участия ООН и ОБСЕ в этом процессе, но и за подключение к нему ЕС и НАТО. Цель - нейтрализация доминантной роли и предвзятого подхода России, и разрешение конфликтов на приемлемых для Тбилиси условиях. Но объективно требование активного участия западных структур в грузино-абхазских и грузино-осетинских делах созвучно и политике сближения Грузии с евроатлантической архитектурой безопасности.

Несмотря на вышеназванные системные, внутривнутриполитические проблемы постсоветских стран, которые ярко высвечены в Грузии и мешают её реальному сближению с Западом, нельзя сказать, что в этом плане ничего не делается. В конституции Грузии, в её законодательстве много примеров тому, что страна сделала демократический выбор. С 1998 г. в секторе безопасности, особенно - в оборонном ведомстве, идут реформы, ставящие целью усиление гражданского контроля над вооруженными силами, транспарентность оборонных расходов, интероперабельность соответствующих грузинских служб с западными. Все это - реальные шаги, способствующие сближению с НАТО, интеграции страны в евроатлантическую архитектуру безопасности. Этому же способствует активность в рамках программы НАТО "Партнерство ради мира", в Евроатлантическом совете партнерства. В 2002 г. в Грузии была создана правительственная комиссия по евроатлантической интеграции на уровне заместителей министров под руководством министра иностранных дел. Комиссия разработала программу, которая дает общий перечень задач. На её основе вместе с экспертами из НАТО разрабатывается т.н. IPAP (План действий индивидуального партнерства) - промежуточное звено на пути к полной интеграции.

Начиная с 2002 г., грузинское правительство стало открыто реагировать и на проблему коррупции. Была создана комиссия для разработки антикоррупционной программы, а затем основан и Анти-

коррупционный совет при президенте.

Во всех этих начинаниях, направленных на демократизацию Грузии, на создание в стране т.н. "хорошего правления" (Good Governance), на интероперабельность с западными военными структурами и специальными службами прослеживается курс на интеграцию с Западом. Подобные начинания поддерживаются, а зачастую и подталкиваются США и Европой - как их политическими и финансовыми институтами, так и структурами национальной и региональной безопасности. Особенно можно отметить американскую программу ГТЕР (Грузинская программа по тренингу и экипировке - "обучи и оснасти"), которая началась в 2002 г. и подразумевает создание в грузинской армии нескольких хорошо обученных и оснащенных батальонов для борьбы с терроризмом и погашения конфликтов малой интенсивности. С недавних пор к процессу отношений Запад-Грузия стали подключаться и новые члены Североатлантического альянса из Центральной и Восточной Европы, имеющие большой опыт посткоммунистической трансформации. Но на самом деле до революционных событий в Грузии ноября 2003 года процесс шел гораздо противоречивее и медленнее, чем это было видно из деклараций сторон.

Прежде всего, Грузия в условиях правления Шеварднадзе - классическое подтверждение истины, что внешняя политика не может быть успешной и целенаправленной без соответствующей внутренней политики. Дело в том, что, несмотря на принятие множества решений по борьбе с коррупцией, она так и не пошла на убыль. Бюджет страны смехотворно мал, виной чему тотальная неуплата налогов и расцвет теневой экономики. На таком фоне вплоть до смены власти в стране не было ни одного случая наказания высокопоставленных ответственных чинов, а ближайшие родственники президента Шеварднадзе разбогатели все как один. В армии идут реформы, но она по-прежнему кишит "мертвыми душами", большинство призывников уклоняется от военной службы. Комбинированный эффект от постоянного недофинансирования и коррупции лишает всякого смысла переход на т.н. программное бюджетирование обороны, предложенное западными экспертами. Таким образом, принятие демократических законов и создание разных комиссий по борьбе с коррупцией, а также процесс интеграции в НАТО оставляли впечатление игры со скрытыми интересами. Главный интерес - необходимость выжить, а на государственную зарплату это невозможно. К тому же далеко не было изжито (а может, и доминировало) правило,

по которому игнорирование закона - не беда, если касается это друга, родственника, просто "хорошего парня" и т.д.

В этом суть культурно-социальных и экономических причин, из-за которых принятый Грузией курс на интеграцию с Западом, был до сих пор, мягко говоря, неоднозначен. Ведь на протяжении многих лет для грузинской политической, культурной и экономической элит исполнение всех правил обществ, основанных на верховенстве закона, могло означать подрыв собственных позиций. К этому можно прибавить распространенное явление, когда некоторые формы смещения семейных, экономических и политических ролей, расцениваемые на Западе как антигосударственные, антиобщественные явления, в Грузии являются частью культуры, самобытности. Таким образом, на подмогу коррупции приходят национальные черты характера. Они же отчасти порождают недоверие к Западу, которое парадоксально совмещается в сердцах и умах многих грузин с прагматичным (а отчасти и снобистским) стремлением в Европу. Хаосу в системе ценностей способствует и религиозный вопрос: Православная церковь Грузии довольно негативно относится к другим христианским деноминациям, а некоторые экстремистские группы ведут себя как католики времен Реформации. И все же ксенофобия и коррупция так и не стали открыто доминирующими ценностями всего грузинского общества. В глазах простых граждан или в политических кругах Запад не теряет привлекательности, что, наравне с западной помощью, рано или поздно может смягчить традиционалистские, антизападные тенденции.

Но есть и другая, политическая причина, замедляющая интеграцию и вызывающая сомнения в искренности многих заявлений грузинских государственных деятелей в поддержку прозападного курса. Она связана с проблемой этноконфликтов.

Для руководства Грузии главной проблемой национальной безопасности является восстановление территориальной целостности страны. Запад это вполне может понять. Вслед за ООН, европейские и евроатлантические структуры и правительства однозначно не признают абхазский и южноосетинский режимы на де-факто отделившихся от Грузии территориях. Но значительная часть грузинского общества (а абхазского и осетинского - возможно, ещё в большей степени) смотрит на мир сквозь очки этнонационализма. Вот это Западу не очень понятно. Грузия официально выступает за мирное решение этноконфликтов, но в некоторых её шагах и заявлениях проскальзывает желание силового действия. Это желание проявлялось и

в том, что власти времен Шеварднадзе не очень препятствовали проникновению неопознанных отрядов на отделившиеся территории, и в том, что их представители то пытались убедить Запад, что настало время для принуждения к миру и пора действовать по боснийскому или косовскому образцу - на этот раз в пользу грузин, то заявляли, что обучение грузинских войск американскими инструкторами приближает возврат потерянных территорий.

При существующем положении вещей, в частности, непримиримости абхазской и осетинской сторон, такие заявления и действия, может, и не лишены логики. Но проблема в том, что Запад, в том числе и США, наиболее активно помогающие укреплению грузинской независимости, не выказывает желания радикально решить проблему территориальной целостности Грузии. Это создает почву для взаимного недоверия, и на фоне славословий в адрес грузинско-западной дружбы грузинская элита до последнего времени не совсем отказывалась от поисков альтернативного решения абхазской и осетинской проблем, что могло не только замедлить, но и изменить на какое-то время курс на интеграцию в евроатлантические структуры. В данном случае альтернативным решением виделось восстановление тесных связей с Россией.

Ещё одна причина в целом прозападного курса Грузии - боязнь рецидивов российского империализма. Грузия использовала Запад - в первую очередь США - чтобы освободиться от присутствия российских войск. Правда, пока эта цель достигнута только на бумаге, и то не до конца. У Кремля все ещё есть серьезные рычаги давления на Тбилиси. Это, прежде всего, его влияние на абхазские и осетинские власти. Отсюда и курс Москвы: уверить Грузию, что если она будет лояльна к России, то никакая другая сила не может быть более конструктивной в плане восстановления территориальной целостности Грузии, чем Россия. Из-за этого, несмотря на грузино-российский политический антагонизм, до последних событий сохранялась возможность осуществления формулы, которая была внешнеполитическим кредо Грузии в 1993-95 гг.: Россия, используя свое давление, заставит Абхазию и Южную Осетию признать целостность Грузии (каким образом - об этом можно поторговаться), а Грузия взамен откажется от сближения с НАТО, согласится предоставить свою территорию под российские базы на неопределенный срок и, может быть, откажется от прокладки транспортных и энергетических линий Восток-Запад.

В середине 90-х это было реально, и грузинское правительство в

лице Шеварднадзе на это соглашалось. Однако этого так и не случилось. Помешало недоверие сторон, а может быть, у России не хватало сил или политической воли изменить ход событий на Южном Кавказе. Но в политике Путина вновь зазвучали знакомые нотки, о чем свидетельствует сочинская встреча президентов Грузии и России в марте 2003 г. После этой встречи в риторике Шеварднадзе уменьшились акценты на желание скорейшего вывода российских баз, меньше стало разговоров и о НАТО. На этом фоне возник отнюдь не риторический вопрос по поводу того, что Грузия снова готовилась променять суверенитет и прозападный курс на территориальную целостность. Тем более, что Россия не требовала от грузинской элиты болезненного для нее превращения из посткоммунистической олигархии в нечто более респектабельное для Запада, не требовала преодоления коррупции.

Но и на Западе существуют факторы, препятствующие его дальнейшему и скорейшему сближению с Грузией. Как уже было сказано, ни Европа, ни США не торопятся применить технологию восстановления мира силой на территориях, отколовшихся от Грузии, и вряд ли поддержат подобную затею со стороны самой Грузии. Этому мешают: а) их нежелание или неготовность к трате крупных финансовых средств и людских ресурсов на Кавказе; б) нежелание портить отношения с Россией, для которой сохранение вмешательства в грузинские дела через абхазско-осетинские рычаги давления - дело престижа; в) сомнения, превалирующие до последнего времени в отношении способности Грузии создать жизнеспособное, стабильное государство с вовлечением в этот процесс абхазов и осетин. К тому же, среди евроатлантических партнеров нет окончательного взаимопонимания по поводу кавказской политики. США гораздо откровеннее в деле постепенного вытеснения России за Кавказский хребет. Но многие европейские страны не до конца уверены, что это является приоритетом их национальных интересов. Европу (во всяком случае, её "старую" часть) на Кавказе в первую очередь интересует стабильность, а не вытеснение России. Отнюдь не все европейцы будут против, если стабильность примет некоторые черты "Rax Rossica".

Итак, на фоне заинтересованности Запада Грузией и всем Южным Кавказом и громких заявлений грузинской элиты о стремлении интегрироваться в евроатлантическую архитектуру, есть факторы, уменьшающие западный интерес к Грузии и грузинское влечение на Запад. Трудно сказать однозначно, что эти "антизападные" факторы

- коррупция, традиционализм, этноцентризм и сохранение возможности идти на поводу у российского остаточного империализма, сильнее, чем влечение к Западу - средоточию мировой экономической, военной и идеологической мощи. Грузинское общество в целом должно выбрать евроатлантическую перспективу, тем более, что даже Россия трансформируется и европеизируется (во всяком случае - декларативно). Но процесс может замедлиться, если грузинское общество: а) не найдет силы, чтобы преодолеть внутренние пороки; б) не сможет найти формулу сосуществования старых ценностей - типа "язык, отчизна, вера" - с универсальными принципами демократии, прав человека и верховенства закона; в) не совершит прорыв в деле завоевания сердец этнических меньшинств, не отказываясь при этом и от формулы, о которой говорилось выше; и г) если Запад не будет един, тверд и последователен в желании не допустить рецидивов российского империализма на Кавказе и в разрешении грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов.

События ноября 2003 года радикально изменили внутреннюю ситуацию в стране и уже начали влиять на её перспективы в плане внешних отношений. Фальсификация парламентских выборов 2-го ноября 2003 года неожиданно показала, что в Грузии не так уж слабы демократические политические силы, а в обществе есть почва для восприятия гражданских ценностей. Под давлением десятков тысяч протестующих, и в условиях нежелания силовых структур употребить силу в защиту режима, Шеварднадзе был вынужден подать в отставку. Теперь во главе страны стоят молодые реформаторы, которые обещают принять радикальные меры для перехода от олигархического строя на реальную демократию и верховенство закона. Как свидетельствуют заявления западных политиков, в мире вновь возникла надежда, что Грузия может превратиться в проводника либеральных ценностей на Южном Кавказе. Ближайшее будущее покажет, сможет ли страна убедить мир в своей надежности как партнера, и преодолеть те препятствия на пути к интеграции с Западом, о которых говорилось выше. На самом деле, задачи, стоящие перед молодым поколением грузинских политиков, весьма сложны.

Грузия - второстепенная фигура на кавказской шахматной доске. Но позиция на доске сложилась сложная, что оставляет Грузии шанс сыграть свою роль. Для этого нужны ум, честность и принципиальность её, теперь уже радикально обновленной, элиты.

Давид Усупашвили

НА ПУТИ К ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ

Грузия вступила в новый - постшеварднадзевский этап своей государственности. При полной отсутствии сожаления по безвозвратно ушедшему (сожалеть здесь, собственно, не о чем, разве что - о времени, потраченном на создание дополнительных проблем самим себе), и при наличии определенных надежд, связанных с новыми и молодыми властями, проскальзывает обоснованная тревога по поводу будущего страны и народа: уж слишком много проблем досталось молодой власти по наследству от старой. В настоящей статье предпринята попытка идентификации некоторых из них, без чего решение стоящих перед страной задач представляется немыслимым.

Развитие конституционного процесса в Грузии

Принятием конституции в 1995 году был положен конец правовому хаосу в Грузии, но на этом конституционный процесс не завершился. В силу ряда причин нерешенными остались важнейшие вопросы, необходимые для создания прочной правовой основы государственности, том числе - территориально-государственного устройства страны, перехода на двухпалатный парламент, вертикального распределения власти и местного самоуправления. Однако, вместо комплексного решения стоящих перед страной проблем, парламент Грузии за минувшие восемь лет внес в конституцию лишь несколько таких изменений (повышение избирательного барьера с 5 до 7 процентов, пункт о Конституционном договоре с Православной Церковью Грузии), которые были продиктованы сиюминутной политической конъюнктурой, но никак не проистекали из стратегического плана совершенствования конституционной системы.

Находящимся во власти политическим силам, особенно в государствах с неустоявшейся конституционной системой, отсутствием соответствующих традиций и политической культуры, вообще свойственны попытки таким образом модифицировать основной закон страны, чтобы приобрести побольше полномочий и поменьше ответственности. Примером тому были как неоднократные попытки президента Шеварднадзе внедрить в стране т.н. "смешанную" систему правления, так и осуществленный уже новыми властями поспешный "ремонт" конституции - поправки, коренным образом изменив-

шие взаимоотношения между исполнительной и законодательной ветвями власти, были рассмотрены и утверждены парламентом буквально за несколько дней. В результате, над однопалатным парламентом, который и без того не отличался особым могуществом в Грузии (скорее, правда, в силу отсутствия соответствующей воли и невысокого качественного уровня), теперь нависнет предусмотренная конституцией угроза досрочного роспуска. С высокой долей вероятности можно предположить, что отныне парламент превратится в совсем уж беспомощный придаток исполнительной власти, что ни в коей мере не может рассматриваться шагом вперед на пути развития конституционализма и демократии. Задействованная модель открывает пространство для авторитаризма и политического волюнтаризма, и отнюдь не способствует продвижению на пути построения правового государства и формирования ответственной и подотчетной власти.

Очевидно, что если в стране назрела необходимость изменения властной системы (а правление Шеварднадзе в значительной мере подорвало доверие к модели президентской республики), то следовало начать планомерную работу по переходу к парламентской модели европейского типа, а не вводить поспешно некую "гибридную" модель, которую в целях престижа сами власти величают "французской", но которую грузинские эксперты уже окрестили "российско-туркменской". Тем более, что унаследованная от Шеварднадзе система вполне предоставляла возможности осуществления сильной президентской власти, и в этом плане требовала лишь незначительной корректировки.

Установление конституционного порядка

Руководство страны в течение ряда лет допускало вопиющую безответственность в деле установления в стране конституционного правопорядка. Основной закон так и не превратился в универсальный документ, действующий единообразно на всей территории страны. Игнорирование требований конституции - частое явление не только в отдельных регионах, но и внутри органов центральной власти и в среде должностных лиц. Поставив собственные интересы выше конституционных норм, власти оставили целые регионы на откуп коррумпированных чиновников, обеспечивавших поверхностную стабильность и необходимое количество голосов в ходе выборов. Попытка продолжения подобной политики чревата тем, что

единое государство просто не состоится. Чтобы этого не произошло, необходимо укрепить государственную дисциплину на всех уровнях управления, и положить решительный конец любым проявлениям функционального или территориального феодального партикуляризма.

Верховенство закона и равенство перед законом

Для постсоветских государств, ставших на путь построения демократии, основная угроза проистекает от правового нигилизма населения и неравенства граждан перед законом. Вопреки очевидной необходимости скорейшего преодоления этих пережитков, в грузинском государстве возникают все новые предпосылки для иерархизации общества и социальной несправедливости. Ответственность за это несут, в первую очередь, политические лидеры и интеллектуальная элита, не проявляющие должной гражданской ответственности, не желающие отказаться от разнообразных формальных и неформальных привилегий, и ставящие себя выше закона. Синдром безнаказанности, процветавший в годы правления Шеварднадзе, и неравенство перед законом не удастся преодолеть выборочными репрессивными мерами, или даже качественным улучшением работы системы правосудия. Равенство перед законом и уважение прав и законных интересов других - в первую очередь моральные категории, и пример элит, будь он хорошим, или плохим, паразитен для остального общества.

Защита прав человека

Для многих политиков и государственных чиновников высокого ранга права человека, плюрализм, толерантность и иные демократические ценности остаются как бы неизбежным злом, вызванным членством Грузии в Совете Европы. Поэтому и нарушения прав человека встречаются на каждом шагу, что, в числе прочего, наносит значительный ущерб международному авторитету страны. А ведь то, что способно превратить Грузию в государство, где его гражданам обеспечена достойная жизнь, т.е. - в органичную часть современной цивилизации, называется не иначе, как ограничение государственной власти правами человека. Есть вопросы, которые находятся вне сферы политического маневрирования, и любая беспринципность, проявленная политиками в данной сфере, очень дорого обходится

обществу. Именно к таковым - в первую и главнейшую очередь - относятся закрепленные конституцией права человека. Единственно правильной политикой в этом вопросе является неукоснительное и единообразное соблюдение конституционных норм, кого бы оно ни касалось, и каковым бы ни было соображение по этому поводу отдельных групп населения. Отсутствие принципиальных позиций по этой проблеме у государственных должностных лиц, или неуважение к правам отдельного индивида, следует считать их служебным несоответствием с политическим курсом страны со всеми вытекающими последствиями. Если государство осознанно оставляет без защиты хотя бы одного своего гражданина, тем самым оно становится на опасный путь, потенциально ведущий к беззащитности всех остальных.

Поддержание правопорядка

Прокуратура

Решающую атаку на глубоко укоренившуюся в стране коррупционную и криминальную систему предстоит осуществить органам прокуратуры. Для этого сама прокуратура должна освободиться от любого политического диктата, а на ключевые посты в её системе следует назначить профессионалов, отличающихся честностью и принципиальностью. Уголовное преследование конкретных лиц нужно начинать тогда, когда становится известным факт совершения преступления, а не тогда, когда этого требуют политические или бизнес интересы властей и/или влиятельных кланов. А ведь сколько дел всплывает сегодня на поверхность из долгих ящиков прокуратуры, которые были в шеваднадзевский период рассованы по этим ящикам именно по указке властей, или в результате небескорыстной уступчивости сотрудников прокуратуры перед влиятельными кланами?! Но все ли они извлечены на свет Божий? Вопрос этот принципиален, как никогда, ибо выборочный подход, когда тому или иному делу дается или не дается ход, может очень быстро подорвать доверие к новым властям Грузии - страны маленькой, где все у всех на виду, и где все знают, кто занимается грязным бизнесом, а кто - казнокрадством.

Прокуратура, в силу своей компактности, централизованности и специфической функции, является именно тем звеном органов государственной власти, которое подлежит самому быстрому реформированию, и чье реформирование принесет самые быстрые и ощутимые положительные перемены всему обществу.

Полиция

В Грузии по сей день действует тоталитарная, политизированная, характерная для полицейского государства система правоохраны. В демократическом государстве не должно существовать жестко централизованное, военизированное министерство полиции (под названием Министерства внутренних дел), первейшей задачей которого является обеспечение безопасности властей, а не народа. Источник проблем, связанных с деятельностью полиции, находится в самой системе, а не в хороших или плохих министрах, в маленьких или больших зарплатах (хотя и от этих факторов нельзя отмахнуться). Поэтому главной задачей является превращение "Министерства полиции" в настоящее Министерство внутренних дел, иначе говоря - в такое ведомство, которое будет совмещать различные функции, для исполнения которых нецелесообразно создание отдельных министерств, но для руководства которым следует иметь политическую фигуру в ранге министра. Таковыми могут быть вопросы самоуправления, выборов, архивное дело, пути сообщения, статистика, дела ветеранов и др. На этом фоне темой для отдельного разговора является реформа структур министерства, обладающих полицейскими функциями. Следует осуществить децентрализацию полиции, поддерживающей общественный порядок, и передать её в ведение местного самоуправления. Лишь в результате подобных преобразований, как самой полиции, так и обществу удастся осмыслить истинный смысл полицейских функций (самоорганизация общества для защиты от преступников), и преодолеть коммунистический стереотип (самоорганизация власти для защиты от общества).

Спецслужбы

Очевидно, что система спецслужб Грузии не справляется с внутренними и внешними опасностями; их реформа должна быть произведена в соответствии с современными международными стандартами. Спецслужбы должны быть наименее политизированными из централизованных государственных ведомств, дабы они могли работать над решением долгосрочных задач, приоритетных не для того или иного политического лидера или политической силы, а нацеленных на обеспечение безопасности государства и народа.

Осуществление правосудия

Судебная система

Судебная реформа конца 90-х дала стране корпус судей, отлича-

ющихся от своих предшественников более высокой квалификацией и набором необходимых навыков. Тем не менее, Грузия пока ещё далека от обладания справедливым и беспристрастным судом. Реформа, осуществленная по принципу "оазиса", когда остальные правоохранные институты остались нетронутыми, не могла принести желаемого и запланированного результата. Необходимо, однако, предотвратить появление новой волны правового нигилизма в обществе на основе очередного разочарования очередной широко разрекламированной реформой. Политикам следует с большей осторожностью относиться к судебной власти; вместо необузданной (а иногда - разнузданной) критики решений судов и вмешательства в конкретные судебные разбирательства, представителям законодательной и исполнительной власти, с законным использованием имеющихся в их распоряжении средств, пристало проводить более осмысленную и системную политику для оздоровления системы правосудия. При этом, говоря о независимости судей, следует обеспечить их независимость не только от "внешних" сил, но и от должностных лиц внутри самой судебной власти.

Адвокатура

Тот факт, что Грузия остается единственной страной на постсоветском пространстве, где государство не удосужилось реформировать систему адвокатуры, указывает на неспособность бывшего политического руководства страны обеспечить своим гражданам хотя бы минимальные гарантии правовой защиты. Аргумент о том, что профессия адвоката - саморегулирующаяся и свободная профессия, не освобождает государство от заботы о развитии соответствующей системы, способной не оставить граждан без юридической помощи и защиты в условиях крайней бедности большинства населения.

Юридическое образование

Разговоры о построении правового государства и повышении правового сознания населения будут лишены всякого смысла, если в стране не удастся создать современные центры юридического образования. Государство должно уважать академическую независимость образовательных учреждений, но должно нести ответственность за качество знаний, получаемых студентами в этих учреждениях. Что касается пресловутой темы коррупции, то в системе образования она - особенно актуальна, а в случае юридического образования - актуальна вдвойне.

Оздоровление политического климата

Растянувшаяся на целое десятилетие "дикая демократия" препятствовала формированию в стране важнейшей предпосылки демократического государства - свободной политической конкуренции. На подобие самой страны, большинство политических организаций управляются на основе авторитарных и клановых принципов, превращая общество в заложника политической коррупции. В подобных условиях политические лидеры оказываются в плену инстинктов самоутверждения и самосохранения, и все их время и энергия употребляются на политические интриги, направленные на потопление других, и/или спасение самих себя. На этом фоне "революция роз" представляется возможностью принципиально важного прорыва в плане укоренения традиции мирной смены неуютной власти с одной стороны, а с другой - демократизации структурного строя политических партий и стиля управления ими. В свою очередь, все это дает шанс выхода на политическую арену лидерам местного и национального масштаба, мотивированным желанием решения проблем общества и государства, а не своих собственных. Тенденции эти необходимо поддерживать и развивать, причем здесь имеется в виду и поддержка извне. В равной степени следует учитывать, что проблема политического плюрализма и свободной политической конкуренции в Грузии отнюдь не решена окончательно. Наоборот - постреволюционная ситуация чревата многими опасностями, и демократические союзники Грузии должны быть начеку.

Участие народа в осуществлении власти

В Грузии пока ещё жива коммунистическая концепция государства и права как орудия правящих классов, с той лишь разницей, что вместо правящих классов мы имеем правящие кланы. Вводя в действие необходимые для граждан правила поведения - законы и подзаконные акты - различные ветви власти мало заботятся о самих гражданах. Это проявляется не только в содержании правовых норм, но и в формах их создания, степени информированности граждан об этом процессе, стиле и методах их исполнения¹. В итоге граждане не видят не только полезности государственных институтов, но и их необходимости вообще. Единственно действенным способом преодоления пропасти отчуждения, возникшей между государством и народом, является подключение граждан к осуществлению власти. Со-

¹Приведенный выше пример с конституционными поправками, осуществленными новыми уже властями в рекордно сжатые сроки, сполна свидетельствует о том, как глубоко пустила корни подобная практика (прим. авт.).

бытия ноября 2003 года, казалось бы, послужили обнадеживающим симптомом стремления народа участвовать в определении собственной судьбы. Но что делать после революции в плане участия в выработке и принятии решений, касающихся их самих, большинство людей не знает. А тех, кто знает, например - представителей неправительственных организаций, власти (теперь уже новые) не только не торопятся привлекать к сотрудничеству, но пытаются откровенно игнорировать, если просматривается возможность несовпадения позиций. Таким образом, даже имеющийся ресурс остается невостребованным, не говоря уже о специальных шагах властей по стимулированию развития гражданского общества².

* * *

Стоящие перед страной масштабные задачи, от решения которых буквально зависит само существование грузинского государства, требуют не только полной мобилизации интеллектуальных, духовных, и всех прочих сил общества, каждодневного и упорного труда, но и целевой, фокусированной помощи тех, чей путь к правовому государству оказался успешным. Лишь совмещение внутренних и внешних усилий способно создать принципиально важный прецедент прорыва страны из "серой" постсоветской зоны в демократическое европейское сообщество.

²Примечательно, что в инаугурационной речи президента Михаила Саакашвили словосочетание "гражданское общество" не было упомянуто ни разу (прим. авт.).

Роман Гоциридзе, Отар Канделаки

ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ ГРУППЫ И КОРРУПЦИЯ В ГРУЗИИ

1. Почему Грузия "застряла" посреди пути

Для стран посткоммунистического пространства прошло уже более десяти лет радикальных перемен. Это был полный драматизма период перехода к частной собственности и рыночной экономике. Однако итоги перехода (transition) существенно разнятся от страны к стране. В некоторых государствах Центральной Европы и Балтии быстро развились рыночные институты и инфраструктура, они достигли необратимого характера реформ и значительного прогресса в плане необходимых преобразований для вступления в Европейский Союз. В ряде же постсоветских стран, несмотря на проведение некоторых важных реформ, наблюдаются существенные трудности в деле становления частного сектора. Не закончены либерализация цен и демонаполизация ценообразования, создание рыночных институтов, рационализация работы органов государственного управления и формирование эффективной системы правопорядка. Произошло это потому, что страны второй группы имели более сложные стартовые условия, они были сильнее вовлечены в единый экономический комплекс Советского Союза, и к тому же многим из них пришлось претерпеть гражданские конфликты. Однако справедливости ради нужно отметить, что с течением времени влияние стартовых условий снижается, и поэтому необходимо рассмотреть и другие причины.

Одним из основных факторов является то обстоятельство, что проведению реформ противятся влиятельные группы, заинтересованные в торможении перевода централизованной экономики на рыночные основы. Изначально сложные условия дают этим группам возможность узурпации экономической политики, ещё менее приемлемой, потому что влиятельные экономические группы представляют собой чрезвычайно сильную, но вместе с тем отчужденную, неорганичную часть социальной структуры общества. Это не дает основания считать их носителями функций социального класса.

В странах с переходной экономикой особенности формирования среднего класса служат главной причиной медленных темпов и противоречивого характера перемен. Образовалась социальная прослойка, которая уже не является традиционной "номенклатурой", но вместе с тем она ещё и не классическая буржуазия. Соответственно,

уже нет социалистической экономики, но ещё нет и капиталистической, с характерной для нее ориентацией производства на развитие и свободную конкуренцию.

После обретения Грузией независимости пришедшие во власть политические силы во главе с Гамсахурдиа проявили полную неспособность управления государством. Значительная часть новой политической элиты - выходцы из национального движения, занявшие ведущие позиции в парламенте Грузии - была лишена экономического влияния и, к тому же, не обладала "нахватанными" с коммунистических времен капиталами. Поэтому она так и не обрела возможности активного воздействия на политическую жизнь. Очутившись на вершине власти, она попросту завладела готовой государственной машиной, однако к управлению была привлечена старая партийная и хозяйственная "номенклатура". Управленческая несостоятельность первого национального правительства и допущенные в этот период политические ошибки (приведшие к его падению) стали основной причиной того, что вплоть до самого последнего времени страной управляли те же лица, которые достались независимой Грузии "по наследству" от старой системы. Если политическая элита в независимой Грузии существенно обновилась, то "управленческая элита" (включающая в себя кроме политической также экономическую, военную, идеологическую и духовную элиты) по-прежнему оставалась советской. Переместившись со своим "опытом" из старой эпохи в новую, она вовсе не стремилась окончательно перерезать пуповину, связывавшую её с государственным аппаратом, поскольку без особого напряжения, характерного для высококонкурентной экономики, оказалось возможным обогащаться за счет государства, фактически паразитируя на нем. Таким образом, будучи частью властных структур и подчинив государственный аппарат, "новая старая" элита обрела источники стабильных доходов и высокого социального статуса.

Попасть в высокие эшелоны политической и экономической элиты для образованного, способного и профессионально подготовленного человека возможно только при утверждении в стране основных принципов демократии, когда выборы действительно объективные, когда подбор кадров производится на основе здоровой конкуренции, когда политический плюрализм является нормой жизни. Шеварднадзевская Грузия была далека от этого, и, соответственно, пополнение элиты происходило преимущественно за счет членов бывшей советской "номенклатуры", ибо лица, осуществлявшие этот

подбор ("селекторат") были того же происхождения. Таким образом, опорой режима второго президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе стали его старые партийные друзья и бывшие комсомольские кадры.

Эти процессы существенным образом определили облик влиятельных групп и обусловили утверждение порочной и незрелой модели рыночной экономики, известной как "приятельский капитализм" (crony capitalism). Этот термин применяется в основном для характеристики "азиатской" модели капитализма, опирающейся на семейные отношения. В Грузии же это явление в определенном смысле обрело кланово-приятельский характер, при котором деловые круги и правительство тесно взаимодействуют друг с другом, и где связи становятся формой приобретения высокого экономического влияния и взаимоподдержки.

2. Узурпация экономической политики

В начале переходного периода "номенклатура" (партийная, комсомольская, управленческая, руководители предприятий, известные как "красные директора", профсоюзные деятели и др.) боялась утратить свое привилегированное положение. Действительно, в тех странах, где реформы начались и развивались высокими темпами, существенно снижалась экономическая роль государства. В результате таких процессов влияние советской элиты значительно уменьшалось, чему способствовало также формирование конкурентного рынка.

В Грузии, в результате распада системных отношений власти и подчинения экономической политики узкогрупповым интересам "номенклатурной элиты", принципы трансформации страны уже не выражали общенациональных интересов. Возникли новые возможности личного обогащения представителей "номенклатуры". В деловых кругах появилось много таких членов этой элиты, которые смогли использовать для прибыльного бизнеса и прямого ограбления государства свои старые связи и бывший "номенклатурный" статус и ресурс.

На начальных стадиях перемен приобрело массовый характер, например, субсидирование энергии и основных сырьевых ресурсов. Одним из примеров этого было введение талонов на хлеб и дотация хлебопекарного бизнеса. Под покровом популистских призывов о необходимости кредитования промышленности и сельского хозяйства для повышения уровня занятости и экономического роста, в действительности осуществлялось нецелевое и неинвестиционное использование кредитов. Это служило одним из факторов роста

инфляции и даже образования отрицательных ставок ссудного процента. Предприятия, которые получали кредиты на льготных условиях, фактически не возвращали даже основных сумм, а их руководители обретали возможность переводить приобретенные подобным образом средства в образованные ими же новые предприятия. В пределах законов экономического характера нашлась возможность открытия новых фирм в рамках существующих государственных предприятий. Это уже фактически были частные структуры, которые использовали самые ценные ресурсы государственных предприятий для собственной прибыли. "Номенклатурная элита" организовала т.н. "ваучерные" и "нулевые" приватизационные аукционы, инвестиционные компании типа "пирамид", и осуществила прямую экспроприацию. Большая часть приватизированных таким путем предприятий простаивает и по сей день, а их владельцы продолжают накапливать капитал путем продажи земель и реализации на рынке основных фондов предприятий.

Осуществленная в 1992-93 годах т.н. "либеральная" денежно-кредитная политика фактически подорвала принятую поначалу населением с энтузиазмом новую грузинскую валюту - купон. Под покровительством Национального банка (выдававшего сверхльготные кредиты влиятельным экономическим группам и политическим фаворитам) произошло масштабное обнищание рядовых граждан и ещё большее обогащение элиты. В таких условиях последней оказалось выгоднее способствовать сохранению высокой степени вмешательства государства в экономику, чем заниматься реконструкцией неэффективных предприятий или участвовать в рискованных проектах создания новых. Принадлежность к элите давала возможность получать информацию из первых рук и безнаказанно оплачивать приятельские услуги в директивных органах. Естественным итогом этого стало распространение коррупции и расширение масштабов незаконных косвенных платежей и вымогательства.

Эту так называемую "ренту экономических реформ"¹, которую общество выплачивает старой элите, можно рассмотреть в контексте ключевых направлений перехода к рыночной экономике. Система извлечения этой "ренты" по-своему модифицирует выполнение таких задач, как финансовая стабилизация и преодоление последствий высокой инфляции; приватизация государственных предприятий и рост их чувствительности к рыночным импульсам; либерализация рынков и формирование конкурентной среды; институциональные

¹См. на эту тему: Oleh Havrylyshyn and John Odling-Smee. "Political Economy of Stalled Reforms", *Finance & Development*, September 2000.

реформы и правовое (в том числе - касающееся прав собственности) обеспечение рыночных отношений. Как оказалось, к этим направлениям влиятельные группы имеют избирательное и пристрастное отношение.

Если в начале 90-х годов новые влиятельные экономические группы воспользовались возникшим хаосом и гражданскими конфликтами для давления на властные структуры в целях получения различных субсидий, налоговых льгот и целевых кредитов, отрицательно сказывавшихся на макроэкономической стабильности, то к 1995 году ситуация в определенной степени изменилась. К данному периоду эти группы уже контролировали крупнейшие банки и предприятия, и поэтому были заинтересованы в финансовой стабилизации и проведении жесткой денежно-кредитной политики. К тому же они могли получать большие прибыли путем предоставления ссуд государству под высокие проценты. Как собственники новых капиталов они уже начали понимать, что стабильные цены представляют основу укрепления их экономических позиций. Они были заинтересованы также и в приватизации, поскольку накопленные богатства и приобретенное путем взяток влияние на государственные структуры давало им возможность закупать государственные активы на весьма выгодных условиях. Таким образом, влиятельные группы в конечном итоге поддерживали как макроэкономическую стабилизацию, так и процессы приватизации.

Некоторые другие компоненты реформ не оказались столь же выгодными, и поэтому влиятельные группы выступили против них. Либерализация рынков и формирование конкурентной среды подрывали их монополистические позиции. Полная либерализация цен уменьшает ту выгоду, которую они получают при сохранении высокого уровня вмешательства государства в экономику. В результате всего этого в Грузии, как и во многих странах с переходной экономикой, в короткие сроки сформировалась высокая монополистическая концентрация активов, что ещё больше увеличило совокупную силу влиятельных групп. Попытка внедрения системы верховенства закона, прозрачных и всеобщих принципов защиты прав собственности также встретила сопротивление, поскольку снижала экономическую ценность привилегированных позиций, которые в свою очередь были приобретены "непрозрачными" методами формирования взаимных интересов представителей бюрократии и "теневой" экономики.

Таким образом, сформировавшиеся как монополистические

группы влиятельные силы стремятся только к частичному переходу к рыночной экономике и к такому (пусть временно) равновесному состоянию, где бы существовала частная собственность, но не действовал бы конкурентный рынок с равной возможностью для всех и каждого в предпринимательской деятельности. В условиях таких частичных реформ также возможно осуществление определенных изменений, однако не встречаются препятствий только те из них, которые не затрагивают интересы этих групп. К подобным реформам можно отнести развитие государственных институтов, в особенности укрепление Национального банка (хотя, например, вовсе не считается необходимым, по их мнению, усиление функции банковского надзора), Казначейства, и реформу государственного управления, которая направлена на рационализацию государственных органов и повышение эффективности их функционирования. Наряду с этим влиятельные группы часто препятствуют совершенствованию налоговой системы и укреплению администрирования в этой сфере. Они видят, что правительство готово предоставлять различные льготы и даже согласно на неплатеж налогов, если взамен получит соответствующие финансовые и политические дивиденды.

Деятельность влиятельных экономических групп, зачастую проявляющаяся также в сфере "теневой" экономики, препятствует попыткам продолжить экономические реформы. Старая партийно-комсомольская и управленческая элиты представляют главный элемент сопротивления. В начале 90-х годов предполагалось, что они пострадают больше всех в результате надвигающихся перемен. В действительности же они оказались в наибольшем выигрыше в результате частично проведенных реформ: они смогли фактически подчинить себе исполнительную власть и лоббировали деятельность законодательной власти для того, чтобы воспрепятствовать проведению реформ, мешающих их благополучию.

3. "Захват государства"

В рассуждениях на тему коррупции часто возникает упрощенный образ государственной власти, в которой чиновник или политик с целью удовлетворения собственных интересов вымогает средства у компании. На одном полюсе часто оказывается "плохой" государственный служащий, а на другом - "хороший" бизнесмен. С этой точки зрения традиционной рекомендацией для политики борьбы с коррупцией служит снижение экономической роли государства. Несмотря на то, что данное положение само по себе верно, для ус-

тановления объективной реальности необходимо видеть и обратную сторону медали. Заостряя внимание только на незаконных действиях государственного служащего, можно сформировать неправильные представления о данном явлении. В основном речь идет о вымогательстве правительством денег у компаний, и почти не делается акцент на попытках самих компаний подкупать государственных служащих.

Одним из существенных мероприятий, направленных против подобной практики, было принятие США в 1977 г. Акта о международном взяточничестве, который запрещает американским компаниям в целях развития бизнеса подкупать представителей правительств иностранных государств. Ни одно другое государство не имеет подобного законодательного акта, что может ставить американские фирмы в "неравное" по сравнению с конкурентами положение. Характерно, что иностранные филиалы американских компаний не включены в этот акт, и поэтому упомянутые ограничения на них не распространяются.

Традиционные представления о коррупции, которую именуют административной коррупцией, подразумевающей эксплуатацию компаний бюрократией, должны быть расширены наподобие "принципа дополнительности": яснее следует очертить роль мира бизнеса в стимулировании коррупции. Многие компании сами стремятся предоставлять незаконные заработки должностным лицам и политикам в целях получения взаимной выгоды. Такую стратегию некоторые авторы называют "захватом (скупкой) государства"² компаниями (state capture). Это явление в последнее время встречается все чаще и чаще. Широкое распространение получают также факты подкупа транснациональными компаниями представителей бюрократии отдельных государств. Смещение акцентов в этом направлении восполняет картину и способствует совершенствованию рекомендаций, касающихся антикоррупционной политики стран с переходной экономикой.

Административно-бюрократический аппарат ещё с коммунистических времён привык, да и сегодня не прекращает торговать распорядительными функциями. При исполнении законов большинство государственных служащих максимально стремится включиться в систему регулирования прав собственности, создавать искусственный дефицит этих прав. Исходя из своих корпоративных интересов

²Joel Hellman, Geraint Jones and Daniel Kaufman. "Beyond the "Grabbing Hand" of Government in Transition: Facing up to "State Captur" by the Corporate Sector", *Transition*, April 2000.

они торгуют лицензиями, административными решениями, и получают определенную ренту. В целом это называют "коррупцией" или "бюрократической рентой", которая более или менее характерна для любых административных структур. В условиях переходной экономики формирование легального рынка, так же как и становление функций бюрократии, ещё не завершено. Поэтому в данном случае лучше применять более специфическое понятие - "рента экономических реформ", результатом извлечения которой являются как коррупция, так и сопутствующие незаконные платежи и поборы.

Исследователи различают коррупцию - незаконные и "теневые" частные платежи, которые компании выдают должностным лицам для "корректированного" применения действующих норм и положений (количественно определяется как процент совокупного дохода компании, выданный в качестве взятки), и "захват государства" - способность компании посредством взяток, недобросовестного лоббирования или других политических сделок оказывать воздействие на государственные институты при самом формировании основных норм и положений (количественно определяется как часть парламентских законов, постановлений правительства, указов президента, решений Центрального банка и постановлений судебных органов, принятых под влиянием компаний).

Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития провели исследование для установления уровня развития указанных явлений и выработки соответствующих рекомендаций. В результате индекс "захвата государства" (подчинения, подкупа) в 22 странах с переходной экономикой в среднем оказался равен 21 проценту, в том числе: в Эстонии - 10%, Грузии - 24% и Азербайджане - 41%. Средний же уровень административной коррупции оказался равным 3 процентам, в том числе: в Эстонии - 1,6%, Грузии - 4,3% и Азербайджане - 5,7%³.

Анализ взаимозависимости таких явлений, как "захват государства" и уровень развития гражданского общества, привел к выводу о том, что феномен "захвата государства" возможен только там, где экономическая либерализация и демократические реформы проведены частично. В тоталитарном государстве и развитом гражданском обществе это явление, как правило, не может иметь места. Именно этим объясняются такие парадоксы, когда "индекс захвата" очень низок в таких странах, как Беларусь (9%) и Узбекистан (5%). Последний показатель - самый низкий среди 22 стран с переходной эко-

³ *Transition. The World bank/ William Davidson Institute, Volume 11, #2, April 2000*

номикой. Это вызвано как авторитарностью политических режимов, так и недостаточным уровнем приватизации и неразвитостью частного сектора. Низкий индекс в Словении, Эстонии, Чехии, Литве, Польше показывает, с одной стороны, уровень развитости демократии и рыночной экономики, а, с другой - сам обусловлен теми же факторами. Среди перечисленных 22 государств по показателю индекса "захвата" показатели худшие, чем у Грузии, имели 8 стран, тогда как по показателю административной коррупции - всего 5 стран.

Заинтересованность компаний в "захвате государства" определяют два основных обстоятельства: то, что в стране недостаточен уровень защиты прав собственности, из-за чего им требуются дополнительно купленные права, а также то, что и "покупатели" сами испытывают недостаток необходимого для конкурентной борьбы управленческого и маркетингового знания и опыта, восполнить который они пытаются путем "купленных" привилегий. Порочная практика "закупки" необходимых решений в разных ветвях и на разных уровнях властных структур - знакомая картина не только для предпринимателей; она проявляется также во многих других сферах общественной жизни.

Воздействие компании на государство осуществляется не только в форме "захвата (или скупки) государства". Посредством связей в разных кругах власти компании, которые к тому же могут быть в собственности чиновников высокого ранга, осуществляют разными методами лоббирование выгодных для них финансовых и других привилегий экономического характера. Как заметил один депутат парламента Грузии, за представленным в парламент правительством законопроектом проглядывают портреты знакомых персон. В таких случаях принятие желаемых решений происходит не путем подкупа должностного лица, а посредством политического и кулуарного лоббирования необходимых решений. Наглядный пример тому - осуществленные Президентом Шеварднадзе списания или отсрочки (реструктуризации) на длительное время долгов некоторых предприятий (в том числе частных), или перекладывание на правительство обязательств по погашению внешнего долга некоторых фирм.

Одна из стратегических целей влиятельных экономических групп заключается в получении налоговых льгот в тех сегментах бизнеса, которые включены в сферу их интересов. В последние годы это явление приобрело характер явного лоббирования. С 1997 года, или с тех пор, как в Грузии принят новый Налоговый кодекс, на протяжении последующих лет для внесения изменений в него было приня-

то несколько десятков законов; значительная часть из них связана с налоговыми льготами. В результате этого законодательство Грузии предусматривает по разным группам налогов до 150 освобождений и льгот.

Налоговые льготы видоизменяют главные рыночные, информационные и распределительные механизмы - систему ценообразования и её функционирование. Из-за разных льгот распределение ресурсов в экономике происходит на основе искаженных ценовых ориентиров. Льготы изменяют также и мотивацию экономической деятельности индивидов. В то же время они создают квазирыночные правила поведения и механизмы (институты), которые способствуют существованию коррупции или, говоря по-другому, в государстве формируется так называемый "рынок льгот". Создается положение, когда льготами пользуются не социально незащищенные слои населения, а напротив - приближенные к властям лица с высоким доходом. Льготы ставят хозяйствующих субъектов в неравное положение, и создают в стране нездоровую конкурентную среду.

В условиях слабого налогового администрирования льготы способствуют расширению нелегального сектора экономики. Фирмы путем неправильного декларирования доходов сужают налоговую базу или вовсе незаконно освобождаются от налогов. Подобные факты многократно зафиксированы различными контролирующими органами.

В результате всевозможных льгот и освобождений возникает такое явление, которое в экономической теории известно как "разрушение налоговой базы". Тут же нужно отметить, что бюджет теряет больше средств не путем непосредственного освобождения от налогов определенных сфер экономики, а в результате незаконного применения льгот. Известно много случаев, когда импортированный в Грузию товар, который согласно действующему таможенному законодательству должен облагаться налогом в режиме обычного импорта, оформляется как транзитный или в другом льготном режиме; импортируемые пищевые продукты, нефтепродукты и другие товары оформляются на таможне как товары инвестиционного назначения или импорт, осуществленный на основе гуманитарной помощи (не облагаемый налогом), что стало одним из значительных плацдармов расширения коррупции.

Несмотря на то, что законодательством многих стран в той или иной мере предусмотрены налоговые льготы, их масштабы в Грузии (учитывая плачевный уровень бюджетных доходов) превысили вся-

кие логические пределы. Очевидно, что установление налоговых льгот должно происходить только в тех случаях, когда трудно определить налоговую базу (имеются в виду не слабость администрирования, а объективные сложности её расчета) или когда бюджетные поступления незначительны (даже если удастся вести полный учет налоговой базы) по сравнению с необходимыми для их получения затратами. В остальных случаях следует применять компенсационные бюджетные ассигнования в рамках программного финансирования или же систему возврата налогов. Необходимо при этом четко определять адресата подобных льгот.

В Грузии налоговые льготы образовывались также и по территориальному признаку (для Аджарии), что вызвано политическим давлением на центр.

Конечно, упразднение налоговых льгот вызовет острую реакцию со стороны тех, кого оно непосредственно коснется. Но тяжелая бюджетная ситуация в Грузии должна побудить новые власти проявить политическую волю и упорядочить систему налоговых льгот.

Если компании-"ветераны" надежно защищены как налоговыми льготами, так и привилегиями других видов (в том числе - от произвола наиболее коррумпированных правоохранительных органов), а некоторые из них явно пользуются мощной политической поддержкой заинтересованных групп, то "новым" очень трудно закрепить себя на рынке и конкурировать с фирмами-монополиями. Поэтому и последние тоже прибегают к способам "захвата государства", ищут и часто находят так называемых "покровителей" (иначе - "крышу").

Находясь в непосредственной зависимости от административных решений, предприниматель уже не видит возможностей ведения своего бизнеса на законных основаниях путем добросовестной конкуренции, и осуществляет его посредством "теневого" сговора с государственным служащим. Чиновник может со своей стороны освободить предпринимателя от ответственности за нарушение закона, предоставить ему гарантии другого рода, в том числе - создавая непреодолимые преграды для конкурентов своего протекта. Вместе с тем, в целом ряде случаев инициаторами "теневого" сговора предстают сами бизнесмены, когда дело касается прямого нарушения ими законов, экономических правонарушений или "отмывания грязных денег". Таким образом, представители "теневого" бизнеса и коррумпированной бюрократии становятся жизненно заинтересованными друг в друге. Сговоры между ними приобретают характер долговременного сотрудничества и оформляются институционально. Офици-

альное лицо - представитель государственной власти - становится владельцем особого рода "капитала" административных решений, который он "вкладывает" в частный бизнес.

В Грузии специфическую форму "захвата государства" приобрело также непосредственное участие предпринимателей в работе парламента и местных представительных органов или же "делегирование" защитников их интересов в структуры исполнительной власти.

Кроме бизнесменов, представители коррумпированной бюрократии осуществляют "теневой" сговор и с прочими гражданами, когда в интересы последних входит незаконный рост потребления общественных благ или уменьшение их роли в формировании этих благ - будь то уклонение от военной службы, сокрытие доходов или, например, незаконное получение муниципального жилья.

"Рыночные" отношения распространились также на такое общественное благо, как всеобщее право безопасности, и превратили его в товар. Услуги по обеспечению безопасности обрели свою рыночную цену, и часто она оказывается недоступной для рядовых граждан. Ситуация осложняется и тем, что лица, обеспечивающие безопасность, зачастую сами представляют угрозу. Если, например, сотрудник полиции использует свои служебные возможности за пределами легального права, этим он фактически вынуждает жертву полицейского произвола вести "теневые" операции. Таким образом, к сокрытию доходов толкают не только высокие налоги, но также и "теневые" поборы, из-за чего предприниматели вынуждены создавать так называемые "черные кассы" и вести двойную бухгалтерию. Другой стороной такого рынка является защита преступника от закона, определенная торговля "индальгенциями преступлений". Те же, кто не способен за них заплатить, подвергается чрезмерно жестоким карательным мерам.

Конечно, полицейский-вымогатель или иной представитель правоохранительных органов действует не в одиночку. Его "деятельность" структурирована вертикально, что служит институционализации подобного поведения. Военная дисциплина, строгая субординация, инструменты силовых структур, коррупционная иерархия и вытекающие из этого моральная и идеологическая беспринципность - превращают грузинскую полицию и другие правоохранительные органы в весьма грозную и неуправляемую силу.

Масштабы ущерба, который Грузия испытывает от коррупции, весьма велики. Для того, чтобы оценить потери, вызываемые коррупцией в одних только высших эшелонах власти, можно привлечь

примеры, когда удавалось определить подобные убытки. Например, было рассчитано, что в Италии в результате операции "Чистые руки", которая была направлена против коррупции, государственные затраты на дорожное строительство сократились на 20 процентов. А исследование, проведенное учеными Гарвардского университета, показало, что снижение коррупции с уровня Мексики до уровня Сингапура вызывает эффект, равнозначный 20-процентному росту сбора налогов. Если это сравнение перенести на грузинскую почву, то окажется, что 20 процентов от собранных в стране в бюджеты всех уровней в 2000 году сумм в размере около 500 миллионов долларов США, будут равны 100 миллионам долларов США. Это больше, чем тратится из Центрального бюджета на оборону, охрану общественного порядка и безопасность, образование и здравоохранение вместе взятые.

Одной из повсеместно распространенных форм коррупции в высших эшелонах власти во всем мире являются государственные заказы и закупки. По проведенным оценкам в означенной сфере, потери от коррупции часто превышают бюджетные расходы по соответствующим статьям на 30 процентов.

Коррупция процветает и в нижних эшелонах власти. По расчетам экспертов российской общественной организации "Технологии - XXI век", мелкие предприниматели тратят в этой стране на подкуп чиновников самое меньшее 500 миллионов долларов в месяц, или 6 миллиардов долларов в год. Эти же исследования показали, что представители мелкого и среднего бизнеса тратят по коррупционным выплатам до 10 процентов своих доходов. Вместе с тем, на начальных этапах (регистрация предприятия и прочее) затраты ещё значительнее.

По расчетам экспертов Международного валютного фонда⁴, коррупция оказывает отрицательное воздействие на экономический рост и на его наиболее значительный фактор - инвестиционную активность. Снижение индекса коррупции, например, с 8 до 6 (по десятибалльной шкале) производит эффект, равный росту инвестиций на 4 процента, или вызывает увеличение на 0,5 процента валового внутреннего продукта.

4. Как преодолеть сопротивление влиятельных групп

Жизнестойкость таких явлений, как "захват государства" и коррупция, обусловлена также тем, что в условиях переходной экономики у компании появляется множество стимулов для сговора с чи-

⁴Paolo Mauro, "Corruption and Growth", Economics, August 1995

новниками. В таком случае традиционные рекомендации о проведении экономической и торговой либерализации оказываются недостаточными для искоренения коррупции.

Там, где "захват государства" уже вызвал существенное искажение процесса реформ и обусловил появление монополистических структур, эта задача - не из простых. Вместе с тем, особое значение приобретает развитие конкуренции и облегчение процессов проникновения на рынок, что даст возможность новым фирмам конкурировать с влиятельными. Это вызовет возникновение новых предпринимателей, у которых появится возможность участия в приватизации государственного имущества и приобретении активов обанкротившихся предприятий, что ограничит сферу действий влиятельных экономических групп. Через некоторое время могут появиться новые группы "малых олигархов", опираясь на которые станет возможным постепенно преодолеть вызванное "захватом государства" искажение экономической политики и действующего законодательства.

Большое значение для повышения "прозрачности" государственных решений имеет участие общества в процессе их принятия. Необходимо раскрыть многие из тех данных о работе государственных органов, которые по сей день закрыты. В средствах массовой информации, научных публикациях должна быть высвечена порочная практика "захвата государства", её вредное воздействие как на экономику, так и на социальную жизнь в целом. Эти соображения следует распространить среди населения, неправительственных организаций, и в тех группах, которые поддерживают реформы.

Все крупные правительственные контракты, так же как и конкурсы на проведение государственных закупок, должны быть подконтрольны обществу, политикам и неправительственным организациям. Следует шире применять возможности Интернета для борьбы с коррупцией и формирования общественного мнения. Интернет должен обеспечить также быстрое распространение принятых законов и других нормативных актов, так же как и позицию отдельных депутатов при голосовании в парламенте по тому или иному вопросу. Надо сделать гласной и доступной путем Интернета информацию об имущественном состоянии всех государственных служащих и публичных политиков.

Как уже отмечалось, одним из существенных факторов ограничения коррупции является облегчение процессов вхождения на рынок и стимулирование появления новых хозяйствующих субъектов. Исследователи Гарвардского университета на примере 75 стран показа-

ли величину необходимого времени и средств на учреждение новой фирмы без употребления взяток⁵. "Если в какой-то стране трудно зарегистрировать фирму, то нас не должна уже удивлять малочисленность и неразвитость новых компаний. Если же не создаются новые компании, то как же будут обеспечиваться занятость и экономический рост?" - ставят вопрос авторы.

Это исследование выявило процедуру создания новых фирм: в этих 75 странах для открытия фирмы в среднем необходимо получить более 10 различных документов, на что уйдет 63 дня ожидания, и придется заплатить не менее трети годового дохода. Например, предпринимателю, начинающему новое дело, в Словакии нужно провести 110 дней в кабинетах государственных учреждений, а в Польше - официально уплатить 1000 долларов для оплаты бюрократических услуг. В Канаде государственное вмешательство в дело регистрации предприятий доведено до минимума, и бюрократические услуги стоят не так уж дорого. В этом отношении Канада опережает даже США. На последнем месте - Боливия. Между Боливией и Канадой расположены остальные 73 страны, включая страны Западной Европы. Парадоксально, но и в некоторых странах Европейского Союза довольно высоки бюрократические препоны, например, в Италии, где на открытие нового бизнеса тратится 4 месяца. Неблагополучно обстоят дела также в большинстве государств Восточной Европы и Латинской Америки.

В Грузии список документов, необходимых для регистрации в суде нового предприятия, тоже обширен, хотя процедура регистрации достаточно проста и не занимает много времени. Суд обязан зарегистрировать предприятие в течение двух недель после представления всех необходимых документов. Если за этот период регистрация не проведена или заявитель не уведомлен об отказе, предприятие считается зарегистрированным. Хотя по сравнению с другими странами затраты не столь уж велики, да и процедуры не столь длительны, принимая во внимание чрезвычайно низкий уровень доходов населения Грузии, расходы, как и бюрократическая волокита, достаточно существенны. Вместе с тем, если учредители фирмы дадут взятку, то регистрационное свидетельство можно получить всего за два дня, то есть достичь уровня Канады не так уж сложно.

Ученые Гарвардского университета ставят вопрос: неужели эти бюрократические проволочки так уж необходимы? Может быть, чиновники нарочно создают подобные барьеры, чтобы обеспечить получение взятки или спокойную работу?

⁵Rudiger Dornbush. "How to Fail in Stimulating Business Without Really Trying", *Project Syndicate*, November 2000.

Действительно, экономика оказывается в ущербе не только от сокращения рабочих мест, но и от того, что она вынуждена нести затраты по содержанию бюрократии. Эти барьеры создают на практике также и другие проблемы: если трудно начать новый легальный бизнес, тогда он "уходит в подполье". Его вытеснение в "теневые" сегменты экономики, криминализация процесса создания и функционирования предприятий, плохо не только с экономической, но и с социальной точки зрения. Факт, что множество предприятий попросту не основывается даже в неформальном секторе, что препятствует созданию новых рабочих мест. Поскольку чрезмерное регулирование открытия предприятий трудно обосновать, правительство должно предпринять решительные меры для устранения этих преград.

С точки зрения сокращения препон, чинимых влиятельными группами, положительные перемены возможны как в самих этих группах, так и вовне их. Эти группы могут принять некоторые реформы по двум причинам: во-первых, под активным воздействием извне, они могут прийти к заключению, что исходя из их же долгосрочных интересов, более приемлемо существование такого общества, где будут защищены права собственности и действовать принцип верховенства закона, а не объявившее страну беззаконие. С другой стороны, влиятельные группы могут сменить образ поведения исходя из более узких экономических соображений. В последнее время в постсоветских странах наблюдаются признаки того, что деловые круги отказываются от некоторых кратковременных сделок (например, от бартерных операций) для того, чтобы в целях увеличения собственных прибылей способствовать общему оздоровлению экономики. Ощутимое снижение в последние годы количества бартерных сделок объясняется в определенном смысле и этим обстоятельством. Все более явно проявляется естественная тенденция влиятельных групп к переориентации инвестиционной и производственной деятельности на получение операционной прибыли. В результате этого у них крепнет понимание того, что обладатели капитала получают растущую прибыль в условиях более сильной экономики.

Изменения, инициированные извне, проявляются по-разному. Появление новых сильных лидеров, которые окажутся готовы воспрепятствовать влиятельным группам, вынудит последних соблюдать "правила игры" и, тем самым, придаст действенный импульс делу ускорения реформ. Можно также предположить, что растущий средний класс сможет более активно использовать политические процес-

сы для постепенного укрепления принципа верховенства закона и снятия особых привилегий влиятельных групп. Последние, конечно, попытаются использовать для защиты собственных позиций находящиеся в их распоряжении финансовые рычаги управления политикой. Если противостоящие силы окажутся примерно равносильными, влиятельные группы могут заключить, что продолжение борьбы против средних и мелких предпринимателей является бесперспективным, и в конечном счете направлено против национальных интересов. Однако возможно и желательно, чтобы политически влиятельный средний класс сформировался и организационно окреп до того, как влиятельные группы смогут организовать сопротивление. Наиболее перспективная сила в этих процессах - мелкие предприниматели, которые в текущих условиях фактически принуждены функционировать в рамках "теневой" экономики и ожидают шанса выхода на более широкую политическую арену.

Значительное давление влиятельные экономические группы могут испытать и из-за границы, в особенности - со стороны конкурентов. Очевидно, что позиции таких групп более слабы в тех странах, где поддерживаются прямые иностранные инвестиции. Давление может исходить как со стороны зарубежных стран, так и от международных финансовых организаций и доноров, которые в целях проведения необходимых реформ могут предъявлять в качестве предварительных условий особые требования странам -реципиентам (т.н. "обусловленность помощи"). Особое внимание должно уделяться вопросам улучшения качества государственного управления, совершенствования управления общественными ресурсами. Необходимо стимулировать такую политику становления административной системы и институциональных перемен, которая будет исключать возможности коррупции и недобросовестной конкуренции⁶.

В результате совокупного действия упомянутых внутренних и внешних факторов влиятельным группам придется изменить правила политического и экономического поведения по многим важным направлениям. В первую очередь это касается формирования на национальном рынке здоровой конкурентной среды. Политически организованные мелкие предприниматели должны суметь упразднить многие регулирующие ограничения и преодолеть организованный на государственном уровне "рэкет".

Важнейшим фактором является дальнейшая демократизация политической и экономической жизни, что позволит заместить прове-

⁶Thomas Wolf, Emine Gurgen, "Improving Governance and Fighting Corruption in the Baltic and CIS Countries", IMF, *Economic Issues*, No. 21, July 2000.

дение реформ "сверху" политической активностью свободных предпринимателей и местного самоуправления.

Реализация антикоррупционных мероприятий и ограничение незаконных форм воздействия влиятельных групп на основы общественной жизни могут быть осуществлены только сильным правительством. Для решения многих проблем необходимы воля и стойкость, мандат народного доверия. Власти должны обладать способностью очистить в первую очередь правительство и все высшие инстанции исполнительной власти от коррумпированных людей. Большинство из них поименно известны всему обществу. Должна возникнуть своего рода "общественная коалиция" - форма сотрудничества между партиями, неправительственными организациями и различными социальными группами для достижения общих целей.

Грузия вернула себе шанс, и нельзя его упустить.

Лела Хомерики

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОМ РАВНОПРАВИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

Гендерное равноправие в современном значении является новым концептом в грузинской действительности. Грузинское общество постсоветского периода унаследовало стереотипы маскулинно-патриархальной культуры, твердо укоренившиеся наряду с советской риторикой о женской эмансипации. Общественное мнение традиционно считает, что грузинская культура отличается особым почтением к женщине, и дискриминация по половому признаку чужда для Грузии; поэтому вопросы гендерного неравенства часто рассматриваются как импортированная с Запада псевдопроблема.

Актуализации проблемы мешает и то, что вопросы не только гендерного равенства, но и вообще равноправия и социальной справедливости в Грузии пока слабо проработаны. Несмотря на резкие социальные изменения, в грузинском обществе до сих пор не состоялась широкая дискуссия на такие темы, как гендерное равноправие как один из важнейших компонентов устойчивого и гармоничного развития общества; гражданская интеграция женщин; значение новых социальных ролей женщины (женщина-политик, женщина-участник новых экономических отношений и демократических процессов, женщина-избиратель) и т.д.

Государственная политика в гендерной сфере

В 1994 году Грузия присоединилась к "Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации женщин". Этот факт, впрочем, прошел совершенно незамеченным: государство не акцентировало на нем внимания, не последовало и должного общественного резонанса.

С точки зрения постановки женского вопроса на правительственном уровне особое значение имела организованная в 1995 году в Пекине IV Всемирная конференция женщин. Грузия оказалась в числе стран, которые для проведения в жизнь Пекинской платформы договорились разработать национальный план действий по улучшению положения женщин.

В соответствии с требованиями Пекинской платформы был разработан план действий на 1998-2000 г.г. по улучшению положения женщин в Грузии; за ним последовал план действий на 2000-2004

г.г., который является почти механической копией предыдущего невыполненного плана.

В 1998 г. при Совете безопасности Грузии по распоряжению президента была создана Национальная комиссия по улучшению положения женщин.

В 1999 г. Грузия впервые представила отчет в Комитет ООН по ликвидации всех форм дискриминации женщин (CEDAW). Наряду с официальным отчетом, женскими неправительственными организациями был подготовлен альтернативный, т.н. "теневой" отчет. Опираясь на эти отчеты, Комитет разработал итоговые комментарии, в которых высказал озабоченность невыполнением национального плана действий по улучшению положения женщин, отсутствием комплексной стратегии и политики по искоренению косвенной дискриминации и дискриминации, существующей в частном секторе, а также тем, что в стране сильна патриархальная культура, и в обществе, семье и политике укоренились стереотипы, определяющие роль женщины.

В соответствии с рекомендациями Комитета ООН, для улучшения положения женщин в Грузии правительство должно принять комплексные меры по искоренению гендерных стереотипов. Желательно предоставить обществу положительные символические идеи о равноправии мужчин и женщин; необходимо разработать законодательство о недопущении насилия по отношению к женщине; должен быть ускорен процесс продвижения женщин во всех сферах жизни, и особенно - в политике, путем принятия временных специальных мер.

В ответ на рекомендации ООН президент Грузии издал Указ "Об укреплении мер по защите прав женщин в Грузии". Этим указом парламенту было предложено обсудить временные специальные меры (в частности, квоты) для улучшения положения женщин в сфере политического представительства, а отдельным министерствам был поручен сбор информации о положении женщин, разработка и осуществление специальной программы по его улучшению. Примечателен тот факт, что в указе президента упомянуто множество таких мероприятий (напр. гендерный анализ учебников, гендерная экспертиза законодательства, разработка программы для женщин, работающих в сельской местности), которые следовало осуществить ещё в рамках плана действий за 1998-2000 г.г.

О существовании у бывшего грузинского руководства программ, направленных на урегулирование женских вопросов, известно толь-

ко заинтересованным женским организациям. Эти документы создавались как формальная реакция на требования международных организаций и служили лишь декоративными аксессуарами для создания демократического фасада.

Для международных организаций была создана легенда о том, что правительство в Грузии якобы полностью поддерживает урегулирование женского вопроса. С Революцией роз грузинское общество связывает надежды на ускорение процессов демократизации и осуществление системных изменений. Однако пока рано говорить о том, будет ли у нового руководства осмысленная и целенаправленная гендерная политика. Надо отметить, что во время формирования кабинета министров в феврале 2004 г. президент приветствовал назначение как можно большего числа женщин на министерские посты, что оказалось совершенно новым и положительным мотивом для грузинского политического дискурса. В новинку было также активное участие в предвыборной кампании супруги кандидата в президенты Михаила Саакашвили Сандры Руловс, одобрительно воспринятое электоратом, и ещё больше усилившее позиции кандидата на выборах.

Законодательство и реальность

Полноценный гендерный анализ грузинского законодательства не проводился. Можно сказать, что оно не является дискриминационным, но в нем нет также специальных законов, способствующих достижению гендерного равноправия. В грузинском законодательстве не существует определения гендерной дискриминации; нет закона, регулирующего проблему насилия в семье. Ни один случай гендерной дискриминации не стал предметом разбирательства в суде. Часто женщины не знают своих прав, а если бы и знали, то они не доверяют правоохранительным органам. Следует отметить, что в конфликтной ситуации грузинское общество больше руководствуется традициями, нежели действующим законодательством: так, несмотря на то, что похищение женщины с целью женитьбы по закону является наказуемым, традиция допускает насилие в этой форме.

Бытующие в грузинской культуре нормативные представления считают факт избиения женщины одинаково оскорбительным как для женщины, так и для мужчины и семьи в целом. Поэтому случаи физического оскорбления женщины в большинстве своем скрываются. В Грузии не существует статистики травм, нанесенных супру-

гом в результате физического насилия; зафиксированы лишь исключительные случаи.

Представительство женщин в государственных структурах

Средняя месячная зарплата женщин, работающих в бюджетных организациях, составляет приблизительно 20 евро, в то время, как средняя зарплата мужчин - 35 евро. Характерно, что хотя число женщин достигает более 60% от работников высшего и среднего уровня, среди руководителей управленческих органов их число не превышает 20%. Также мало женщин представлено в грузинском парламенте разных созывов.

Дата выборов	Название законодательного органа	Общее число депутатов законодательного органа	Число женщин-депутатов	% участия женщин
1919 г.	Учредительное собрание	130	4	3%
1990 г.	Верховный совет	250	18	7,2%
1992 г.	Парламент	222	14	6,3%
1995 г.	Парламент	250	16	6,4%
1999 г.	Парламент	235	17	7,2%

В 2001 г. Нино Бурджанадзе стала первой женщиной-спикером в истории грузинского парламентаризма. В укомплектованном в 2004 г. кабинете министров 4 министра - женщины, что составляет 23%; по сравнению с предыдущим правительством число женщин удвоилось.

Судебная власть

В 1998-99 г.г. в Грузии была осуществлена судебная реформа. В результате проведенных в её рамках экзаменов, представительство женщин в судебной власти составило 40%. Это указывает на то, что при равных стартовых условиях женщина добивается не меньшего

успеха, чем мужчина.

Участие женщин в органах местного самоуправления

Местное самоуправление с точки зрения политического участия женщин представляет собой особенно интересную картину. После долгого перерыва в 1998 году в Грузии прошли выборы в органы местного самоуправления; женщины составили 14% от общего числа членов сакребуло (местных представительных органов). После выборов 2002 г. число женщин в органах самоуправления первого уровня уменьшилось до 11%.

На фоне местных выборов проявилась важная тенденция: чем крупнее административная единица, тем меньше процент женщин в органах местного самоуправления, т.е. там, где имеется больший ресурс власти и средств, количество женщин меньше. В 1998 г. в сельских сакребуло женщины составляли 15%, в маленьких городах и поселках - 13%, в районных сакребуло - 9%, а в больших городах - не более 7%. В 2002 г. снизилось представительство женщин в районных сакребуло. Неблагоприятно выглядит представительство женщин на постах руководителей: например, в 1998 г. только в одном районе из шестидесяти, председателем сакребуло была женщина (1,6%). Степень участия женщин в органах местного самоуправления отличается и по регионам; самый низкий процент отмечается в районах, населенных этническими меньшинствами, особенно в таких, где компактно проживает азербайджанское население: напр. в Марнеули - 1,9%, в Болниси - 4,7%.

Участие женщин в политических партиях Грузии

Женские и гендерные вопросы не представлены в грузинском политическом дискурсе. Программы партий женского вопроса вообще не учитывают; в виде исключения в них встречаются положения о содействии материнству (подразумевается помощь многодетным, одиноким матерям и матерям с грудными детьми). По мнению многих для решения женской проблематики необязательно вести специфическую, целенаправленную деятельность, а улучшение социально-экономического положения в стране автоматически урегулирует и женские проблемы. Ни у одной политической партии нет сформулированной позиции по гендерным вопросам; даже гендерная статистика членов не ведется. Во время опросов они отмечали, что не

отличают своих членов по этому признаку, а на вопрос: "сколько женщин в вашей партии?", существует типичный ответ - приблизительно 1/3 от общего числа.

Проведенные в 1995 и 2001 гг. опросы, согласно которым женщины составляют приблизительно 30% от общего числа членов партий, подтверждают эту оценку. Особенно низок процент участия женщин в руководящих партийных органах. В 1995 году число женщин в центральных руководящих органах партий составляло всего 9%; в дальнейшем оно чуть повысилось и достигло 11%.

В 1997 году женщины руководили десятью партиями (6% от общего числа). В 1998 году женщины-лидеры были у четырех (5%) партий из 79 существующих; среди тех политических партий, которые играют сравнительно заметную роль в политической жизни, женские секции созданы всего в одной-двух, но и они не столь сильны, чтобы влиять на формирование приоритетов партии. Пока что в партиях не видно "гендерно чувствительных" активисток, настроенных на работу по женским вопросам, которые актуализировали бы женскую и гендерную проблематику в грузинском политическом дискурсе.

Среди множества причин, препятствующих росту участия женщин в партийной работе, следует отметить неразвитость внутрипартийной демократии. В условиях, когда организационная структура партий не является демократичной, а система внутрипартийных выборов требует усовершенствования, для женщин затруднено продвижение по ступеням партийной иерархии, тем более, что интересы женщин как специфической группы избирателей пока не проявлены, и не произошла консолидация вокруг этих интересов.

Женские организации

В советский период (с 1948 г.) в Грузии (как и во всех советских республиках) существовала единственная женская организация - Женский совет. Естественно, что он не являлся плодом реальной инициативы женщин, и представлял собой типичный декоративный элемент советской действительности.

В независимой Грузии создание женских организаций началось с 1991 г. Поначалу они в основном ставили перед собой благотворительные цели, и их деятельность была направлена на решение неотложных и острых проблем, вызванных политико-экономическими катаклизмами. Гражданская война, этнические конфликты, развал

экономики вызвали резкое ухудшение положения широких слоев общества. В этих условиях деятельность женских организаций естественным образом была направлена на доставку гуманитарной помощи незащищенным слоям общества (беженцы, вдовы погибших солдат, сироты, многодетные матери и т.д.) и на их эмоциональную поддержку. Ввиду того, что в грузинском обществе того периода была популярна идея укрепления традиционных ценностей в противовес советским, эта тенденция коснулась и сферы отношений мужчин и женщин; идеология женских организаций служила возрождению и сохранению традиционной роли женщины, а их деятельность - поддержкой таких стереотипных функций, как женщины ухаживающей, заботящейся, поддерживающей мужчину, женщины-мироотворца.

Рост контактов с Западом и активизация зарубежных фондов в Грузии способствовали расширению сфер деятельности женских организаций, и женское движение в Грузии начало ставить перед собой серьезные цели. На сегодняшний день их совокупность выглядит следующим образом: защита прав женщин, повышение их социально-политического статуса, активное включение в демократические процессы, профессиональная переподготовка и решение проблем занятости, научное исследование женских проблем, выработка рекомендаций для государственной политики в сфере гендерного равенства, улучшение положения женщин-беженек, объединение живущих в Грузии женщин разных национальностей для решения общих проблем.

В 2000 г. число относительно активно действующих женских организаций достигло 60. К концу 2001 г. число женских и работающих над женскими проблемами организаций возросло до 75, что свидетельствует о росте общественной активности женщин. В последние 2-3 года возросло число женских региональных организаций, но все-таки большинство из них сосредоточены в столице, где доступнее информация, легче участвовать в разных семинарах и конференциях, и где более активно работают зарубежные фонды.

Все ещё очень слабы связи и сотрудничество между женскими организациями Тбилиси и регионов. В подтверждение сказанного можно привести тот факт, что в Коалицию женских неправительственных организаций не входит ни одна региональная организация.

Несмотря на то, что женские объединения организационно не очень сильны и не имеют соответствующей материальной базы для осуществления своих целей, следует отметить, что их квалификация

за прошедшие годы заметно возросла. Сформировался круг местных экспертов, работающих в этой области. С каждым днем растет интерес представителей женских организаций к теоретическим вопросам гендера и феминизма, вызванный желанием поднять практическую работу на качественно новый уровень.

Женские организации приобрели определенный опыт совместной работы (напр.: создание инициативной группы женщин-избирателей перед парламентскими выборами 1999 г.; формирование женской политической сети), однако сравнительно стабильный характер сотрудничества приобрело с октября 2000 г. после создания Коалиции организаций Грузии, работающих над женскими вопросами. Это можно считать новым этапом в развитии женских организаций Грузии. Объединение было создано при поддержке Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ, и на сегодняшний день охватывает до сорока женских организаций. Целью Коалиции является содействие демократическим институтам и построению государства, основанного на принципах гуманизма, равенства и справедливости путем повышения экономического, социального и политического статуса женщины.

Хотя женские организации постепенно накапливают опыт совместной работы, их деятельность ещё не переросла в женское движение. Слабо их влияние на формирование общественного мнения и государственной политики. К сожалению, женские организации Грузии пока не научились применять эффективные механизмы лоббирования для придания своим требованиям политического звучания. Не осуществляется также реальный общественный контроль над государственными программами, направленными на улучшение положения женщин.

Гендерные роли и стереотипы

Переход на рыночную экономику вызвал в Грузии массовую безработицу. В этих условиях женщина оказалась более гибкой и лучше приспособилась к новым условиям. В частности, женщины лучше ощутили возникшие в сфере торговли и сервиса экономические возможности, которые, надо отметить, связаны с тяжелым и непрестижным трудом. Многие женщины были вынуждены взять на себя ответственность за материальное обеспечение семьи, в результате чего они целыми днями находятся вне дома и оторваны от воспитания детей.

В грузинской действительности царит традиционный идеал семьи: её главой, владельцем и наследником основного движимого и недвижимого имущества считается мужчина, и подобный подход усиливает зависимое положение женщины. Трудовая нагрузка женщины в семье намного превышает трудовую нагрузку мужчины. Новые условия не вызвали перераспределения семейных дел и ответственности за воспитание детей. Мужчина меньше времени проводит в семье, у него меньше полноценного эмоционального контакта с детьми.

Характерную для грузинского общества реальность отражают социологические исследования молодых семей, проведенные в Грузии, России, Польше и США. Грузинские пары проявили самый негативный подход к мнению, что "если муж с женой работают, то обязанности в семье должны быть распределены поровну". Из-за двойной нагрузки у женщины существует проблема совмещения карьеры и семейных дел. Со стороны семьи карьера женщины поддерживается лишь в том случае, если она не мешает выполнению роли супруги и матери. Для женщины помехой является и то, что в грузинском сознании свобода, сила, независимость, успех, право неограниченного выбора являются прерогативами мужчины. Общественный дискурс считает, что в идеальной ситуации у мужчины должна быть хорошо оплачиваемая работа, а женщина должна сидеть дома и заниматься воспитанием детей. В такой ситуации в выигрыше не остается никто; традиционные гендерные роли ограничивают и мужчин. Стереотип "настоящего мужчины" заставляет его быть агрессивным и доминантным, порой даже тогда, когда у него нет такого желания. Когда под успехом мужчины подразумевается добывание больших денег и власти, в условиях экономического кризиса и безработицы большинству мужчин становится трудным выполнение роли кормильца, что вызывает у них депрессию. Статистика показывает, что продолжительность жизни мужчин меньше, случаев суицида - больше, большинство наркоманов, алкоголиков и преступников составляют мужчины.

В то же время, результаты исследований показывают, что в последнее время наблюдается переоценка некоторых традиционных взглядов и ценностей, как среди разных поколений, так и внутри одного поколения. Например, меняются традиционные стереотипы мужчины и женщины, отношения к семье, тенденция выдвижения индивидуальности на передний план, меняются взаимоотношения родителей и детей, традиционные взгляды на роль и функцию женщины.

Гендерные вопросы и СМИ

В продукции грузинских СМИ женщины представлены мало, женские и гендерные вопросы не освещаются в достаточном объеме, редакционная политика не учитывает гендерного измерения, журналисты не являются "гендерно чувствительными". В общем, можно сказать, что грузинские СМИ способствуют воспроизводству установившихся гендерных стереотипов.

Внимание СМИ приковано в основном к политическим событиям, а в грузинском политическом дискурсе женский вопрос звучит редко; до сих пор политика остается самой маскулинизированной сферой общественной активности. Не часто слышно мнение женщин о значительных текущих процессах, что связано с узостью границ политической дискуссии, когда в принятии важных политических решений общество участвует мало.

Почти не видно женщин в рубриках, посвященных экономическим вопросам, потому, что они в основном заняты в малом бизнесе, а эта область экономики в грузинских СМИ не особенно активно освещается.

Неразработанными в СМИ темами остаются право на труд и трудовые отношения в целом, в процессе освещения которых гендерная проблематика обязательно дала бы о себе знать. Незначительную представленность женщин в СМИ также определяет тот факт, что слишком мало и поверхностно освещаются социальная сфера, образование и здравоохранение, т.е. те сферы, где преимущественно заняты женщины.

Анализ СМИ выявил тенденции, которые мешают искоренению старых стереотипов. В публикациях, посвященных семье, её прочности, обязанностям супругов, и вообще семейным традициям, часто просматривается, что ответственность за семейный уют и сохранение семьи полностью лежит на женщине. Оценка сексуального поведения женщины и мужчины в основном происходит по двойному стандарту: то, что недопустимо для женщины, считается занимательным приключением для мужчины.

В интервью и в других сюжетах и публикациях, похищение невесты часто называется формой женитьбы, которая не вызывает не только возмущения, но даже удивления. Часто описываются случаи, когда после замужества женщины бросают или ограничивают свою профессиональную карьеру. В широко распространенных в последнее время т.н. семейных интервью, часто вырисовывается, что жен-

щине, параллельно с мужем занятой интересной и важной профессиональной деятельностью, приходится заниматься всеми семейными делами.

Особенно заметны стереотипы в рекламе, где, как правило, фигурируют женщины двух типов: мать семейства, хорошая хозяйка, заботящаяся о чистоте и питании семьи (в рекламе еды и стиральных порошков), и коммерческое лицо красивой и сексуальной женщины, используемое в рекламе любых видов товаров.

Когда материал касается женщины (даже если тема серьезная), часто к нему прилагается фотография эротической окраски.

Редко, но все-таки встречаются явно сексистские высказывания.

Слово "феминизм" едва ли звучит в грузинских СМИ, а если это и происходит, то в сугубо отрицательном контексте.

Знаменательно, что антистереотипные материалы и мысли о гендерном равноправии, в основном, встречаются в статьях, которые описывают к зарубежную действительность.

Выводы

Несмотря на определенные изменения, вызванные демократическими преобразованиями в Грузии, роль женщины в обществе чаще все-таки определяется изжившими представлениями. Сегодня, когда женщина старается расширить свои возможности, ей приходится бороться за изменение существующих в обществе настроений и ориентаций, традиционных взглядов и стереотипов. Государство, несмотря на международные обязательства, не проводит целенаправленную политику для достижения гендерного равновесия. Для его достижения во всех сферах жизни необходимо направить усилия по ряду направлений.

Государство должно разработать эффективную стратегию достижения гендерного равноправия и создать конкретные механизмы обеспечения равноправия, способствовать включению гендерного измерения в разработку политических стратегий как на национальном, так и на местном уровнях. В деле достижения гендерного равноправия, для роста подотчетности государственных структур, женские и работающие над гендерными вопросами организации должны создать эффективный механизм общественного контроля над выполнением требований международных документов и осуществлением принятых государством решений. Для развития гендерной экспертизы необходимо способствовать внедрению в высших учебных

заведениях гендерных исследований и обучения. В сфере гендерного равноправия желательны ознакомление и популяризация практики западных стран (совместные коалиции представителей политических партий и женских организаций; система внутрипартийных квот; специальные законы для достижения гендерного равноправия).

Для роста роли женщин в политике необходимо:

- В партиях определить четкую и прозрачную процедуру отбора кандидатов, в которой будет учтен и гендерный подход;
- Осуществление программ гражданского образования женщин-избирателей для ускорения процесса четкого формулирования их интересов и требований, что заставит политические партии с большим вниманием относиться к вопросам гендерного равноправия;
- Дальнейшее образование женщин, вовлеченных в политику, повышение их квалификации и развитие свойств и навыков лидерства; содействие координации и обмену опытом между женщинами-политиками;

Для формирования квалифицированного общественного мнения о гендерном равноправии необходимо способствовать расширению границ общественной дискуссии о гендерных проблемах. Для этого большое значение имеет повышение гендерной чувствительности и корректности СМИ.

Summary

Diaspora, Oil and Roses

This volume is a result of a joint effort by Caucasus Media Institute and the Georgian Office of the Heinrich Boll Stiftung. The main idea was to give the reader a better understanding of development trends in the South Caucasus. Papers written by scholars in Azerbaijan, Armenia and Georgia offer a possibly objective multi-faceted image of political life in each South Caucasus state in particular and in the region in general.

Of the three keywords in the title, *Diaspora*, *Oil* and *Roses*, each represents the most popular notion of what each country relies on in its development. Armenia is helped by its vast *Diaspora*, Azerbaijan makes profits from oil contracts, and Georgia has made a leap forward with its Rose Revolution. *Diaspora*, *Oil* and *Roses* have become inherent to the public image of the respective countries. It is one of the purposes of this volume to understand where the images end and the reality begins.

All three countries have sworn by democratic reform of public life and political institutions. One of the main questions that the authors of this volume tried to answer was to what extent each country adheres to its political declarations. Are Armenia, Azerbaijan and Georgia really laying the foundations of democracy, and if not, what are they headed for?

The volume has a chapter for each country, beginning with an introductory paper outlining the country's progress and main hazards on the road to democracy: **Rakhman Badalov** focuses on the balance of democratic rhetoric and authoritarian rule in Azerbaijan; **Alexander Iskandarian** examines choices made by the Armenian nation in the years after independence; **Ivlian Haindrava** looks at the political triggers of Georgia's Rose Revolution.

Next come papers examining each country's main governance issues: the emergence of political parties and elites in Azerbaijan (**Rasim Musabekov**), disputed elections in Armenia (**Aghassi Tatevosyan**), federalism in Georgia (**David Berdzenishvili**). Economic reform is seen in the light of Azerbaijan's oil projects by **Toghrul Javarli** and **Sabit Baghirov**, set off against Armenia's post-Soviet political history by **Haroutyun Khachatryan**, and examined in the framework of corruption and influence groups by **Otar Kandelaki** and **Roman Gotsiridze**. The role of news media in democratic process is analyzed by **Zeinal Mamedli** in the case of Azerbaijan and by **Ruben Meloyan** for Armenia. **Lela Khomeriki** raises the question of gender equality in Georgia, **Anna Karagulyan** and **Nina Iskandarian** ana-

lyze grassroots changes of gender roles in Armenia.

Each chapter has contributions on country-specific topics. **Ali Abbasov** focuses on the role played by Islam in independent Azerbaijan; **Edward Melkonyan** discusses the importance of Diaspora's political parties in Armenian politics; **David Darchiashvili** looks at Georgia's security in the light of Russian and Western policies, and **David Usupashvili** outlines post-revolutionary Georgia's need of legal reform.

The Heinrich Boll Stiftung published the German version of this volume in 2005 under the title *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidshan und Georgien*. The Russian version has been somewhat updated and revised.

Издания Кавказского института СМИ

Кавказ-2003. Выборный год. Ежегодник КИСМИ. - Ереван, КИСМИ, 2005. - 231 с.
ISBN 99930-78-73-5

Пилотный выпуск Ежегодника КИСМИ посвящен наиболее важным событиям и тенденциям истекшего года на Южном и Северном Кавказе. В основу аналитических материалов выпуска легли доклады, сделанные на международной конференции "Кавказ-2003", прошедшей в Ереване весной 2004 года. Авторы подытоживают важный для Кавказа выборный 2003 год с различных точек зрения: внутри- и внешнеполитической, экономической, этнологической, религиозной.

Ежегодник адресован широкому кругу читателей. Для удобства пользования в него включены как справочные материалы о текущем положении на Кавказе (например, хронология 2003 г. на Южном и Северном Кавказе), так и общие сведения о регионе (в т.ч. географические карты).

Авторы аналитических статей: А. Агаджанян, С. Арутюнов, А. Дарбинян, К. Дзугаев, А. Искандарян, О. Канделаки, И. Кузнецов, Д. Ованесян, Д. Петросян, Д. Фурман

Религия и политика на Кавказе. Материалы международной конференции. Ред. А.Искандарян. - Ереван, КИСМИ, 2004. - 120 с.
ISBN99930-78-42-5

В сборник вошли доклады, сделанные на международной конференции "Религия и политика на Кавказе", состоявшейся в КИСМИ в 2003 году. Статьи касаются самых острых проблем региона в области религии и политики: радикальных исламских течений на Северном Кавказе, деятельности православных пуристов и антиэкуменистов в Грузии, исламского возрождения в Азербайджане, религиозно-политических разногласий внутри армянской диаспоры и их переноса в Армению, превращения православия в государствообразующую религию в поликонфессиональной России.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, в частности журналистов, освещающих эти проблемы в своей каждодневной работе, а также на всех, кто интересуется Кавказом и ролью религии в политике (и наоборот) в современном мире.

Авторы: Т.Светоховский, Э.Мелконян, И.Хаиндрава, Д.Фурман, К.Каарияйнен, А.Искандарян, С.-М.Хасиев

Кавказ-Россия: миграция легальная и нелегальная. Ред. А. Искандарян. - Ереван, КИСМИ, 2004. - 160 с.
ISBN 99930-78-37-9

Издание представляет собой исследование положения мигрантов с Кавказа в Российской Федерации - их адаптации, трудоустройства, статуса, социального положения, реакции принимающего сообщества, дальнейших миграционных планов.

Статьи сборника написаны российскими социологами, принимавшими участие в исследовании незаконной миграции, проведенном московской исследовательской программой Международной организации по миграции в 2001-2002 гг. в двенадцати регионах России.

Результаты исследования представляют большой интерес и для российских специалистов, и для тех, кто изучает миграцию на Южном Кавказе - как взгляд на миграцию с другой стороны, с позиции принимающего сообщества.

Авторы: Г.Витковская, Д.Полетаев, Е.Тюрюканова, Е.Красинец

Миграции на Кавказе. Материалы конференции. Ред. А. Искандарян. - Ереван, КИСМИ, 2003. - 132 с.
ISBN 99930-78-30-1

Издание содержит материалы, представленные на международной конференции по миграции на Кавказе. В центре внимания ученых и журналистов лежит роль миграций в жизни обществ Южного и Северного Кавказа. Авторы подводят итог завершившегося периода вынужденных миграций и обсуждают особенности новой миграционной волны, преимущественно экономического характера. Статьи сборника посвящены таким неизменно актуальным проблемам, как формирование этнических диаспор, адаптация беженцев, маятниковая миграция и гастарбайтерство.

Авторы: Л. Арутюнян, Г. Витковская, В. Дятлов, А.Искандарян, Э.Мелконян, Г.Погосян, Г.Сванидзе, Д. Сванидзе, А.Скаков, Л. Хоперская

Викен Четерян. Малые войны и большая игра. - Ереван, КИСМИ, 2003. - 132 с.
ISBN 99930-78-25-5

В монографии анализируется ситуация на постсоветском Северном и Южном Кавказе, причины и участники вооруженных конфликтов, их возможные последствия для региона и место на мировой арене. Рассматривая кавказский регион в целом, автор выявляет потенциальные источники напряженности и основные тенденции развития. Издание предназначено для журналистов и широкого круга читателей. В приложении имеются географические карты конфликтных зон, хронологические таблицы, данные о национальном составе и численности вооруженных сил кавказских республик.

Постсоветский Южный Кавказ. Библиография и обзор публикаций по социальным и политическим наукам. Россия, Армения, Азербайджан, Грузия. 1991-2001 гг. Ред. А.Искандарян. - Москва, 2002. - 138 с.

ISBN 5-94398-007-5

Издание представляет собой сборник аналитических статей, описывающих ситуацию в научном кавказоведении России и в трех странах Южного Кавказа, и библиографических списков публикаций по кавказоведению, вышедших в этих странах с 1991 по 2001 г. Статьи снабжены диаграммами, иллюстрирующими тенденции в книгоиздании по данной тематике. Издание подготовлено Кавказским институтом СМИ, предназначено для ученых-кавказоведов, журналистов, широкого круга читателей, интересующихся данной проблематикой.

Авторы-составители: Д. Малышева (Россия), А. Юнусов (Азербайджан), С. Манукян (Армения), М. Мухелишвили (Грузия)